

ТЕМНАЯ СТОРОНА СНОВА ОТКРЫВАЕТСЯ...

Легендарные книги в новом издании –
не упусти свой шанс.

eksmo.ru
www.labirint.ru
www.ozon.ru

REDRUM №2 (9) | 2017

№2(9)
2017

ГОЛЛАНДЕЦ

ВИКТОР ГЛЕБОВ

(Продолжение. Начало в № 1(8)-2017. В предыдущих главах: после шторма в открытом море исследовательское судно «Янус» обнаруживает прямо по курсу «Летучий голландец» - неуправляемый корабль, оставленный командой. Это греческая «Мантикора», она числится пропавшей вот уже 19 дней. Капитан «Януса» принимает решение пришвартоваться и обследовать «Мантикору». Никого из членов экипажа обнаружить не удалось. Но загадочное судно полно странностей: надписи на немецком языке превращаются в английские, детали мотора оказываются более старыми и не соответствуют году постройки. Разобратся в загадках судна экипаж «Януса» не успевает: страшный удар сотрясает «Мантикору»... Люди приходят в себя уже на «Янусе», никто не помнит, что произошло. И с «Януса» пропал боцман...)

«В море человек никогда не бывает один».

Эрнест Хемингуэй

ГЛАВА 3

Обедали, перебрасываясь малозначащими фразами.

Павлов рассуждал о перспективах отцовства и семейной жизни в целом. Это был, в основном, монолог, потому что почти никто не отвечал ему. Второй помощник капитана пытался вовлечь остальных членов команды в разговор, но получалось у него неважно: чувствовалось, что все думают о случившемся на «Мантикоре» и пропавшем боцмане, но не хотят говорить об этом.

Олег решил подождать и не поднимать тему найденной в каюте книги. Он положил её рядом с тарелкой обложкой вниз.

— Как дела в машинном отделении? — спросил Гурин моториста. Американец поднял на него глаза, помолчал, потом пожал плечами.

— В чём дело? — нахмурился капитан. — Что-то не в порядке?

— Трудно сказать, — ответил Сэм. — На первый взгляд, всё работает, как часы.

— Тогда что не так?

— Да, в общем-то, именно это меня и смущает. Слишком всё идеально. Кроме того, иногда мне кажется, что механизмы не реагируют на мои действия.

Гурин положил вилку рядом со своей тарелкой. Упёрся локтями в стол.

— Что ты имеешь в виду?

Сэм развёл руками. Глаза у него были красноватые, с припухшими веками — похоже, он провёл в машинном отделении не один час.

— Мне трудно объяснить. Не понимаю, в чём дело, но ощущения... не такие, как раньше.

— Не такие, как до встречи с греческим судном? — уточнил капитан.

— Наверное, — нехотя отозвался моторист. — Да, пожалуй.

— Такое бывает, — вмешался Шуйский. — После какого-то события начинает казаться, что вокруг всё изменилось. Называется «синдром...»

— Не всё! — перебил доктора Сэм.

— Скажи про запах, — неожиданно вставил Ратников. Механик во время диалога моториста с капитаном переводил взгляд с одного на другого, и было видно, что его подмывает что-то сказать. — Это странно. Никогда такого не было.

— Какой запах? — насторожился Гурин. — Горелым тянет? Вы всё проверили? Может, где-нибудь...

— Нет, Семён Дмитриевич, — покачал головой Ратников. — Наоборот.

— Что «наоборот»?

— Нет никаких запахов.

— Да, — подтвердил Сэм. — Совсем ничем не пахнет. Так не бывает.

— Всегда тянет или топливом или смазкой, или ещё чем-нибудь, — добавил механик.

— Может, у вас насморк? — усмехнулся Шуйский. — Зайдите ко мне после обеда в медкабинет, и я вас осмотрю.

— Это очень забавно, док, — ответил моторист. — Но, может, если вы спуститесь в машинное отделение, то и у вас окажется заложен нос?

Гурин открыл было рот, чтобы что-то сказать, но в этот момент в столовую вошла Арина.

Все повернулись к ней, вылупив глаза от изумления.

Девушка неуверенно улыбнулась. Повязки на ней не было. Она обвела взглядом всех присутствующих.

— Ты чего? — вырвалось у механика.

— Зачем сняла бинты?! — очнувшись от неожиданности, вскочил Шуйский.

— Я вижу! — объявила Арина. — Представляете? Сегодня я вдруг поняла, что зрение вернулось. Просто появилась какая-то необъяснимая уверенность. Я сняла бинты, и оказалось, что так и есть.

— Тебе следовало дождаться меня! — укоризненно сказал Шуйский. — Даика я тебя осмотрю.

Он подошёл к девушке и заглянул ей в глаза. Достал из кармана маленький фонарик.

— Ладно, похоже, дело пошло на поправку, — проговорил он через пару минут, в течение которых все наблюдали за ним и Ариной. — Но сразу после обеда пойдём в медкабинет для полного обследования.

— Как скажешь, — кивнула Арина. — Можно мне к вам присоединиться? Так надоело есть на ощупь!

— Я положу, — вызвался Бинг, вставая. — Рад, что у тебя всё хорошо.

— Спасибо, — сдержанно ответила девушка.

Как и Олег, она считала, что в случившемся с ней виноват американец.

— О чём вы говорили? — спросила Арина, садясь за стол на своё место. До сих пор оно пустовало — никто его не занимал.

— О запахе, — ответил Быковский. — Похоже, машинное отделение стало стерильным. И вообще ведёт себя неподобающим образом, — океанолог усмехнулся, давая понять, что шутит.

— В каком смысле?

— Слишком хорошо работает. Сэма это смущает.

Арина улыбнулась, взглянув на хмурого моториста. У неё были высокие скулы, тёмные волосы и большие голубые глаза, но при этом назвать её красавицей было, пожалуй, нельзя. Симпатичная, обаятельная, милая — эти эпитеты подходили ей больше.

— Есть мысли по поводу того, что случилось? — спросила девушка.

— Ты про «Мантикору»? — уточнил Быковский, хотя и так было ясно, что имеет в виду Арина.

— Конечно, про что же ещё? И про нашего боцмана. Думаете, он утонул?

— Ты ведь слышала его крик? — отозвался Ратников.

Олег понял, что это больше не секрет — очевидно, капитан решил поведать об этом всей команде.

— Я предполагаю, что кричал он, — поправила Арина. — Может, это был кто-то из вас.

— Ты говорила, крик раздался близко.

Девушка пожала плечами.

— Может, мне показалось.

— Но ты сама-то как считаешь? — спросил Сэм. — Только честно.

— Думаю, это был Уваров.

Олег видел, как некоторые члены команды переглянулись.

— Раз уж ты прозрела, — сказал Быковский после паузы, — может, поможешь разобраться с образцами? Я так и не успел закончить сортировку.

— Только если не будет противопоказаний, — вмешался Шуйский. — Но вообще я бы не рекомендовал в ближайшие дни заниматься работой, связанной с напряжением глаз.

— Это не срочно, — сказал океанолог. — Я могу подождать, сколько нужно.

Олегу показалось, что Быковский просто сменил тему.

— Конечно, я помогу, — отозвалась Арина. — За то время, что я лежала в каюте, мне осточертело безделье!

После обеда доктор увёл девушку в медкабинет. Остальные тоже разбрелись по кораблю. Олег походил минут двадцать по палубе, а потом спустился в машинное отделение. Сэм был там — настраивал какую-то аппаратуру.

— Привет, — окликнул его водолаз. — Решил вот проверить, действительно ли здесь ничем не пахнет. Должен сказать, либо у тебя всё в порядке со здоровьем, либо у меня тоже насморк.

— Это совсем не смешно, — откликнулся моторист. Он вытер руки ветошью и двинулся Олегу навстречу. — На самом деле, немного жутковато.

— Да ладно!

— Здесь всё стало каким-то... стерильным. Идеальным. Мне начинает казаться, — Сэм замолчал, словно подбирая слова, — что от меня тут больше ничего не зависит.

Рассмеявшись, Олег хлопнул его по плечу.

— Да брось, дружище! Без вас с Ратниковым это корыто не прошло бы и мили! Моторист сомнением покачал головой, но ничего не сказал.

— Смотри, что я нашёл в каюте, — сказал Олег, протягивая ему книгу. — Обрати внимание на автора.

— «Моя борьба»? — американец удивлённо поднял на Олега глаза.

— Кто-то оставил её у меня.

— Знаешь, я ведь тоже был в машинном отделении греческого судна, — проговорил, немного помолчав и листая книгу, моторист. — Там действительно всё было ржавым и немецким. Дмитрий не наврал.

— Но тогда ты решил, что вам с ним почудилось?

Сэм покачал головой.

— Мне могло почудиться. Ему тоже. Но не нам обоим.

— Так почему не настаивал, что механизм был как на старом фашистском крейсерсе?

— Никто не поверил бы. Все решили бы, что мы говорились. Кроме того, зачем настаивать, если не можешь доказать? Дима до сих пор дуется на меня, — добавил он с сожалением.

Олег забрал у него книгу.

— Что об этом думаешь?

Сэм потёр переносицу, хмыкнул.

— Книга в чужой каюте это не то же самое, что меняющиеся внутренности корабля, — сказал он.

— Естественно.

В этот момент корабль содрогнулся. Слабо, но ощутимо.

— Что это? — насторожился Олег.

— Бывает, — сказал моторист. — Иногда. Как будто... судорога.

— Серьёзно?

— Угу. В последнее время...

— С тех пор, как в отделении перестало пахнуть топливом и смазкой?

— Да.

— И в чём дело?

— Я не знаю.

Олег огляделся. Ему вдруг стало ясно, почему американцу некомфортно здесь, в недрах корабля, среди машин, в ограниченном пространстве, когда вокруг что-то содрогается... То ещё удовольствие.

— Ладно, — сказал он, — я пойду.

— Ок. Пока.

Олег вернулся в свою каюту и завалился на койку. Книгу оставил на столике. Он чувствовал усталость. Похоже, продолжительный сон повлиял на него не слишком хорошо. Странно, что его и остальных не могли разбудить... Всё-таки, похоже на отравление. Может, греческое судно перевозило ядовитый газ, и произошла утечка?

Олег закрыл глаза. Надобы подремать. Может, здоровый сон вернёт ему бодрость?

Водолаз почувствовал, что в каюте что-то изменилось, как только начал проваливаться в черноту. Заставив себя поднять веки, он осмотрелся.

Вокруг было слишком темно — это он отметил сразу. Пять минут назад, когда он лёг, солнце освещало каюту довольно хорошо, хоть и стояло ещё высоко, и его лучи не падали прямо в иллюминаторы. Теперь же повсюду стутился мрак — будто на небо вдруг набросили плотное покрывало.

Олег решил выйти и посмотреть, что случилось. Если набежали тучи — хотя он

помнил, что их не было, когда он шёл по палубе из машинного отделения — то надо...

Он вдруг понял, что не может сесть на постели. Его то ли парализовало, то ли нечто держало его. Подняв голову и прижав подбородок к груди, Олег с ужасом увидел, как из его руки и ног тянутся к койке какие-то отростки! И они, без сомнения, были живыми!

Олег изо всех сил напрягся, пытаясь освободиться, но почти не пошевелился. Отростки держали крепко. Они уходили в койку, буквально сливааясь с ней — словно появились из неё и проросли в человеческое тело, а Олег этого даже не почувствовал.

Он закричал, призывая кого-нибудь на помощь. Прислушался. Никто не спешил. Он снова завопил. Сделал паузу. Ему вдруг стало ясно, что на «Янусе» царит тишина. Возможно, такая, которую описывала Арина. Мёртвая... Полное отсутствие всяческих звуков, кроме выкриков перепуганного водолаза. Пустота.

Слава Богу, это оказался всего лишь сон! Олег выдохнул с облегчением, когда проснулся и вскочил с койки, сразу вспомнив свой кошмар: отростки, приковавшие его к койке.

Усмехнувшись, Олег прошёлся по каюте, размялся. Он чувствовал себя прекрасно: обновлённым, очищенным! Значит, ему действительно требовался здоровый сон. Если верить настенным часам, продрых он без малого два часа.

Взгляд упал на столик, скользнул по нему и тут же вернулся. «Моя борьба» исчезла! Олег осмотрел пол. Ничего. Может, он перед сном переложил книгу? Но он хорошо помнил, что не делал этого. Значит, кто-то вошёл к нему, пока он спал, и забрал её? По спине пробежал озноб. Мерзость! Надо запираться: надоели эти фокусы, в конце концов!

Вдруг ему пришла в голову мысль: а что, если с книгой повторилась та же история, что и с бутылками в каютах-компании «Мантекоры»? Он осмотрелся в поисках фотокамеры. Ага, вот она! Хорошо, что он сделал снимок. И хороший, чёткий — не такой, на которых обычно запечатлевают НЛО или снежного человека, а потом успешно пытаются доказать, что это не фотошоп и не приятель в костюме гориллы.

Олег включил камеру и быстро пролистал фотографии. Чёрт, а где же книга?! Ещё раз...

Снимок «Моей борьбы» исчез с карты памяти. Конечно, его мог удалить тот, кто унёс книгу, но ведь никто не знал, что Олег её щёлкнул. Или за ним подглядывали? Водолаз нервно рассмеялся: так и параноиком стать недолго!

Снаружи раздались приглушённые крики. Мимо каюты кто-то пробежал. Олег бросил камеру на кровать и выскошил на палубу. Там он увидел Бинга.

— Эй! — окликнул он. — В чём дело?

— Не знаю! — отозвался тот, обернувшись на ходу. — Кто-то кричал!

Олег поспешил за американцем. Похоже, скучать им не придётся...

Всё дело было в тенях...

Вернее, в странных сгустках мрака, заполнявших углы и закоулки корабля.

Они вызывали у Арины тревогу. Казалось, если приглядеться, там зашевелится нечто... Иногда девушке виделись странные цвета и формы, словно в темноте загоралось вдруг странное марево, призрачное, но вполне явственное. И это марево, было ли оно плодом её воображения, или следствием повреждённой сетчатки, выглядело живым — оно двигалось, пульсировало и... следило за ней. Тогда Арина поспешно отворачивалась или выходила на свет. Ночью, наверное, придётся надеть на глаза повязку — иначе ей не заснуть! Стоило представить, что темнота каюты превратится в копошащееся нечто, как по спине пробежали мурашки, и Арина вздрогнула. А может, оставить свет включённым? Если зажечь ещё и настольную лампу, наверное, удастся высветить все углы.

Размышая на эту тему, Арина спускалась в машинное отделение, куда её отправил Быковский. Начальник научной экспедиции решил пока не напрягать её глаза сортировкой образцов, но вместо этого использовал девушку на посылках. Арина не протестовала: после долгого сидения в каюте любая активность была ей только в радость.

На этот раз Быковский попросил позвать механика. Он не мог настроить какой-то прибор, назначение которого девушка не очень-то понимала. Зато океанолог сильно нервничал из-за того, что тот отказывался работать, как положено.

В машинном отделении было темновато. Арина в неуверенности постояла на последней ступеньке, прежде чем шагнуть в недра корабля. Она испытывала тревогу и даже страх, пробираясь по узким пространствам между работающими механизмами и приборами с сотнями датчиков.

Сначала она увидела моториста. Американец что-то записывал в толстую разлинованную тетрадь, стоя возле высокого металлического шкафа с помигивающими индикаторами. Арине Сэм напоминал большого грифа — маленькая голова на длинной шее, сутулость, тонкие руки с большими ладонями и длинными, похожими на когти пальцами. Он был необщительным и явно предпочитал людям приборы. Девушка предпочла бы не встречаться с ним: почему-то моторист был ей неприятен.

Окликнув его, девушка спросила, где Ратников.

— Зачем он тебе? — удивился Сэм.

— Его зовёт Евгений Михайлович. У него какой-то прибор сломался.

— Посмотри там, — моторист ткнул концом карандаша в темноту.

— Спасибо, — Арина двинулась дальше, стараясь не смотреть по сторонам. Впереди, по крайней мере, горели укрытые сетками лампочки, рассеивая мрак на расстоянии каждого двух метров. — Почему вы не включите весь свет? — пробормотала она, вглядываясь в неясные очертания, напоминавшие человеческий силуэт. — Дима! — крикнула она.

Механик обернулся и двинулся девушке навстречу.

— Ты что тут забыла, красотка? — улыбнулся он, выходя под свет одной из ламп. Под носом, глазами и губами у него лежали чёткие тени, и Арина невольно вздрогнула, взглянув на них, но тут же взяла себя в руки.

— Тебя Быковский просил позвать, — сказал она. — У него какой-то прибор накрылся. Только не спрашивай, какой именно. Я хоть и вхожу в исследовательскую группу, но в этих его примочеках не разбираюсь. Моё дело — погружение

на глубину.

— Ладно! — рассмеялся Ратников. — Скажи ему, буду минут через двадцать. Надо закончить настройку... в общем, одной штуки.

— Спасибо, что пощадил, — в тон ему ответила Арина.

Она направилась назад. Сэма уже не было на том месте, где она встретила его три минуты назад. Арина повертела головой, пытаясь понять, куда он делился. Ага, моторист находился справа, возле огромной, уходящей вверх трубы, обёрнутой чем-то блестящим, вроде фольги. Девушка окликнула его, чтобы попрощаться, но Сэм не шевельнулся.

— Я ухожу! — крикнула девушка, делая шаг к лестнице.

Ей показалось, что американец развернулся к ней лицом. При этом он продолжал молчать. Арине стало не по себе. Захотелось просто очень быстро подняться по лестнице и оказаться на палубе, но вместо этого она всмотрелась в темноту, пытаясь понять, почему Сэм не отвечает.

И вдруг ей пришла в голову мысль: а почему, собственно, моторист стоит в темноте? Что он там делает? Арина сделала шаг вперёд и остановилась. Куда её несёт? Может, позвать Ратникова? Но если это Сэм, то выглядеть она будет глупо...

Девушка двинулась между мощными агрегатами, напоминающими интерьер космического корабля будущего. Прямые линии, прямые углы, металл, стекло, краска и множество индикаторов разного вида — от стрелочных до мигающих лампочек.

— Эй! — громко произнесла Арина, когда до американца оставалось метра три. — Ты в порядке вообще?

Человек двинулся ей навстречу. Он шагал очень плавно — будто катился по полу на роликах. Она замерла, не зная, что делать. Силуэт вышел под свет маленькой лампочки, и Арина поняла, что ошиблась: это был не Сэм!

— Похоже, шок не совсем прошёл, — покачал головой Шуйский. Они с Олегом и Павловым вышли на палубу из медкабинета после того, как врач сделал Арине укол успокоительного. — Последствия травм подобного рода бывают непредсказуемы.

— Каких травм? — уточнил Олег.

— Потеря зрения. Это очень сильно выводит человека из равновесия, потому что рождает страх слепоты. Пациент начинает думать, что может весь остаток жизни провести в темноте, — Шуйский вздохнул. — Я лично не сталкивался со случаями помешательства на этой почве, но, наверное, вкупе с пережитым страхом... Не знаю, в общем.

— Ты что, считаешь, что Арина свихнулась? — спросил Павлов.

На его красивом лице появилась гримаса досады. Должно быть, уже одно только предположение, что рядом с ним может находиться невменяемый, вызывала у второго помощника капитана чувство дискомфорта.

— У неё были галлюцинации, — ответил Шуйский. — Это факт. И она агрессивна.

— Она испугана, — вставил Олег. — Вот и всё.

— Понимаю, тебе она не безразлична, — примирительно сказал Шуйский.

— Я тоже на её стороне. Никто не собирается надевать на неё смирительную рубашку или привязывать к кровати. Но согласись, что Арина не здорова.

Олег неохотно кивнул.

Интересно, на что намекал врач, говоря, что девушка водолазу не безразлична. Может, стоит прояснить этот вопрос прямо сейчас? С другой стороны, зачем акцентировать внимание на...

— Я понаблюдаю за ней, — сказал врач. — Думаю, будет лучше, если она больше не станет спускаться в машинное отделение.

— Вряд ли ей захочется, — сказал Павлов. — Но я предупрежу Ратникова и Сэма, чтобы её не пускали.

Когда он ушёл, Олег и Шуйский направились на корму. Врач достал сигареты и закурил.

— Ты исследовал образцы крови? — спросил Олег.

— Да.

— И что?

Врач покал плечами.

— Трудно сказать.

— А ты постараися, — сказал Олег, которому что-то не понравилось в тоне Шуйского. — Простенько так и доступно.

— В крови всех членов экипажа есть антитела. Они выработались недавно, но их не очень много. Такое впечатление, что произошёл выброс, а затем, когда зараза отступила...

— Какая зараза?! — перебил Олег, чувствуя, как холдеет. — Вирус?

Шуйский выпустил изо рта струйку дыма, пронаблюдал, как она рассеивается в воздухе.

— Не знаю, — сказал он. — Я не могу определить, против чего вырабатывались антитела.

— Как это?

— Ну, вот так, — врач выбросил окурок за борт. — По крайней мере, что бы это ни было, теперь все здоровы.

— Уверен?

— Да.

— Но ты же не знаешь, что мы подхватили на том чёртовом корабле! Как ты можешь быть...

— Не кричи, пожалуйста! — поморщился Шуйский. — Хочешь, чтобы началась паника?

— Если верить тебе, паниковать не из-за чего.

— Не из-за чего. Всё, болезнь отступила. Забудь о том, то я сказал.

Олег покачал головой.

— А ты сам веришь в то, что говоришь? На сто процентов?

— Разумеется. Думаю, через день антитела исчезнут. Сделаю повторный анализ.

— А если не исчезнут?

— Давай решать проблемы по мере их поступления.

Олег задумался. Потом спросил:

— А ты брал кровь у Арины?

— Зачем? Она не была на «Мантикоре». И сознание не теряла.

— Всё-таки проверь. Вдруг зараза не с греческого судна.

Шуйский хмыкнул.

— Ладно, — сказал он. — Хоть сейчас.

— Давай.

— Ты серьёзно?

— Да.

— Ну ладно, пошли. Она, наверное, заснула, но я всё сделаю так, что она не почувствует.

— Не против, если я поприсутствую. Ты же сможешь сразу провести исследование её крови?

— Да, конечно.

Вдвоём они отправились в медкабинет, где пока находилась Арина. Шуйский аккуратно взял у неё кровь, заклеил ранку кусочком пластиря. Как он и обещал, девушка не проснулась.

Лаборатория располагалась в смежной комнатушке. В ней стояли стол, сейф для обезболивающих и два металлических стеллажа. В стене был оборудован вытяжной шкаф.

Олег сел на стул возле иллюминатора. Тянуло солёным морским воздухом. Шуйский подготовил образцы крови для исследования

— Это долго? — спросил Олег.

— Можешь погулять, если не хочешь тут ждать.

— Да нет.

Прошло минут двадцать, прежде чем врач стянул одноразовые перчатки и повернулся к водолазу.

— Ну, что? — спросил Олег.

— Антитела есть. Ничего не понимаю, — Шуйский потёр переносицу. — Серьёзно. Может, мы все подхватили что-то ещё до отплытия?

— Ты нас осматривал. И анализы крови делал.

— Знаю. Но... что, если инкубационный период длился достаточно долго?

У Олега снова засосало под ложечкой. Если по прибытии в порт они попадут под карантин, разговор с Машей придётся отложить.

— Можешь предположить, что это за инфекция? — спросил он.

— Нет. Но это не значит, что её не существует. Я не эксперт, знаешь ли, а просто судовой врач.

— А не могли мы заразиться в воде? Когда исследовали дно и фауну?

— Ты, Алекс и Арина, может, и могли, — подумав, ответил Шуйский. — Но как вы заразили всех остальных?

— Ну, мы долго плыли.

— Честно говоря, не представляю, что вы могли подхватить, — покачал головой врач. — Разве что какой-то неизвестный науке вирус... Океанские глубины, конечно, таят чёрт знает что, но... Нет, я в это не верю!

— А во что веришь?

Шуйский пожал плечами.

— Без понятия. Думаю, это можно будет выяснить, только когда мы зайдём

в порт. Тогда комплексное обследование покажет... что случилось.

— У тебя тоже есть антитела?

— Да.

— Думаешь, это опасно?

— Не похоже. По-моему, это вообще остатки воспаления. Странно только, что они так долго держатся. Антитела уже должны были исчезнуть.

— А что... если зараза была на «Мантикоре»... и команда греческого корабля пропала из-за неё?

Шуйский помрачнел.

— Смертельный вирус? Я думал об этом. Но тогда возникает вопрос: куда делись тела? Мы ведь всё осмотрели, даже трюм.

— Знаю. А если трупы выбрасывали за борт?

Врач покачал головой.

— Последний должен был остаться. Его-то выбрасывать было бы уже некому.

— А если он сам?

— Прыгнул за борт? Звучит фантастически, если честно. Да и вообще начёт выбрасывания тел в океан... Кто станет поступать так с членами своей команды?

— Мало ли... что стало с заразившимися.

— Слушай, я ведь не говорю, что нашёл в нашей крови инфекцию. Мы чисты. В том-то и дело. Впечатление такое, будто мы недавно выздоровели.

— Ладно, — протянул Олег. — Надеюсь, ты прав.

— Я тоже, — серьёзно сказал Шуйский.

Выйдя из медкабинета, водолаз пошёл искать Быковского. У него появилось предположение, которое хоть и казалось надуманным и, в общем-то, нелепым, зато объясняло многое из того, что произошло в последнее время.

Океанолога Олег нашёл на складе. Быковский сортировал образцы. Он клал каждый в отдельный контейнер или ячейку и наклеивал бумажный ярлычок, предварительно надписав его твёрдым круглым почерком педанта.

— Евгений Михайлович, что вы думаете о кротовых норах? — прямо спросил водолаз, садясь на табуретку.

— Пардон? — удивился Быковский. — Каких норах?

— Ну, червоточинах. В пространстве и времени. Я не очень помню, что там к чему, но смотрел как-то документальный фильм... — Олег запнулся, глядя на океанолога.

— Ах, ты об этом, — кивнул тот. — Ну, теория интересная. А что?

— Считается ведь, что такие норы или червоточины есть на Земле? В океане. Будто бы они соединяют... не знаю... Временные пласти или разные галактики.

— Служат для разгона НЛО при старте, — кивнул Быковский. — Ты к чему клонишься-то? Думаешь, мы попали в такую нору?

— Думаю, — честно ответил Олег. — Помните бутылки, которые мы нашли на греческом корабле? И машинное отделение, появившееся будто из прошлого. А я обнаружил у себя в каюте книгу Гитлера. И она пропала.

— Погоди! — Быковский развернулся к водолазу и сложил руки на груди. —

Давай-ка по порядку. Что ещё за книга Гитлера? Кто пропал? Откуда?

Олег рассказал океанологу всё с самого начала. Тот слушал, не перебивая, но, когда водолаз закончил, только усмехнулся:

- Ты что, серьёзно?!
- А почему нет? Что мы знаем про океан, в конце концов?
- Быковский махнул рукой.
- Мы не в кольце времени. Расслабься. Это фантастика.
- А почему радио молчит?
- Не знаю. Но ты нашёл самое нелепое объяснение из возможных. Прости.

Олег встал.

— Может, и так, — сказал он. — Только на «Янусе» происходит что-то, что мне совсем не нравится. Есть ли тому материалистическая причина или... иная.

С этими словами он вышел.

Разговор с Быковским расстроил Олега: он надеялся, что тот серьёзно отнесётся к его теории; по крайней мере, признает, что она имеет право на существование. Оказалось, напрасно...

И всё же ни бутылки, ни мотор греческого судна нельзя было объяснить известными человечеству процессами. А если добавить сюда немецкую книгу и внезапное чудесное исцеление Арины... с последующим кризисом, свидетелями которого все они стали... Картина складывалась, мягко говоря, не самая приятная.

Продолжение следует.

СЕРГЕЙ БЛИНОВ

От автора: «„Протокол 76“ был написан на спор по заданной другом теме. Тема была такая: „Почему в самолётах просят выключать мобильные?“ Придумал самое неадекватное, что только могло случиться со включенным мобильником, и реализовал».

— Я переведу его в режим полета. Такой есть в современных смартфонах, понимаете? Никаких навигационных приборов он вам не съебёт!

Стюардесса покачала головой.

— Запрещено, мистер. Выключите, пожалуйста.

— Он спутниковый, — Уилшир вытянул палец вверх, туда, где по его представлениям, крутился на орбите утыканый антеннами металлический шар. — Спут-ни-ко-вый. Ограниченнная партия. Безопасен для самолётов. Гарантия качества. Видишь надкусанное яблоко? За качество ручается призрак Стива Джобса лично. Знаешь такого или у вас здесь и о нём не слышали?

— Выключите, пожалуйста, — повторила девушка.

Уилшир скрипнул зубами. Может, это единственное, что она вообще знает по-английски?

— Но зачем?

— Таковы правила.

Видимо, все же её лексикон шире. Можно попробовать договориться.

— В любой момент мне могут звонить или писать важные люди. Одно пропущенное сообщение стоит больше, чем ты получаешь за год.

Стюардесса склонилась к лицу Уилшира.

— А одно принятое может стоить вам жизни.

— Да неужели? А хочешь поспорить, что если телефон останется включённым, мне ничего не будет. Ничегошеньки. Готов поспорить на любую сумму.

— Вам не к лицу шутовство, — ответила стюардесса. — Выключите, пожалуйста, телефон.

— Отвратительная авиакомпания, — Уилшир достал айфон и провёл по экрану двумя пальцами, погружая его в электронный сон. — Вернусь в Лондон — напишу жалобу. Тебя упомяну лично.

Дождавшись, пока стюардесса отдалится на пару рядов, он незаметно вернул телефон к жизни.

Борт 473 Дакхья — Лондон получил разрешение на вылет 24 ноября 2023 года в 6 часов 34 минуты. Сообщение пришло на номер Альберта Уилшира в 6 часов 59 минут.

Айфон завибрировал, как при звонке, на засветившемся экране всплыла иконка с нераспечатанным письмом. Уилшир открыл послание. Оно содержало всего три слова: «Activation protocol MoSh76». Идиотская шутка, подумал

ПРОТОКОЛ 76

Уилшир, стирая сообщение. Интересно, что за программа определяет номера включённых телефонов? И нельзя ли было придумать что-нибудь пострашнее? «У тебя всего неделя» или ещё какую чушь из тех, что боятся подростки. Что за протокол активации?

Других сообщений и звонков на номер не поступало в течение всего полёта, но когда самолёт набрал высоту, и несговорчивая стюардесса разрешила включить мобильные, Уилшир сделал вид, что пропустил кучу важного и для пущей важности пробурчал, что этого так не оставит. Девушка предложила ему двойную порцию виски. «Я летаю бизнес-классом не для того, чтобы пить бесплатный виски», — сказал Уилшир, но отказываться не стал.

Покидая самолёт, он помахал перед носом стюардессы айфоном.

— Не выключал всю дорогу и до сих пор жив.

И хмыкнул, когда смысл слов дошёл до девушки, и улыбка на её лице сменилась гримасой страха.

— Всего хорошего, дорогая! Жди негативного отзыва в сети.

— Подождите, — она схватила его за рукав. — Вам что-нибудь приходило?

— Только письма деловых партнеров.

— Слава Аллаху!

— Аллах мне не писал, — Уилшир разжал пальцы стюардессы и расправил рукав, — так что он здесь совершенно не при чем.

После утопающей в зелени Дакхьи ноябрьский Лондон показался Уилширу серой кляксой, мешаниной одинаково грязных зданий, автомобилей и прохожих. Филиппинская провинция при всей её отсталости была куда более приятным местом, нежели двадцатимиллионный северный мегаполис. Глазея из окна такси, Уилшир размышлял о том, что, возможно, уже через несколько лет адского труда он пошлёт к черту корпорацию со всем её советом директоров, корпоративной этикой, хищными практикантками и ненасытными карьеристами в галстуках и накрахмаленных рубахах и отправится вместе с Мадлен и детьми в Дакхью. Там мало знают о Стиве Джобсе, зато и о тысячах забот, прилагающихся по условиям контракта с судьбой к жизни в большом городе, тоже почти не слыхали.

— Я сегодня вел себя, как мудак, — поделился Уилшир с таксистом.

— Мистер? — усатый пакистанец в недоумении уставился на него сквозь разделявшее салон стекло.

— С одной девушкой, которая хорошо делала свою работу. Я обманул её и нагрубил. А всё из-за этих переговоров. Нервы, чтоб их...

— Не понимаю вас, мистер.

— Да и не надо. Просто стоило сказать это кому-нибудь.

— Все мы не идеальны.

— Да уж. Спасибо за оригинальную мысль.

Уилшир достал айфон. По-прежнему ни единого звонка. Даже коллеги не удосужились справиться о приземлении, о переговорах в Дакхье и привезённых оттуда документах. К тому же у телефона практически полностью разрядилась

батарейка, хотя ещё час назад процент заряда был около семидесяти. Уилшир приложил к экрану тыльную сторону ладони. Айфон тихо вибрировал и казался заметно теплее, чем обычно.

— И вот мое воздаяние. Подхватил вирус.

— Мистер?

— Да нет, ничего.

Мадлен встретила его неласково:

— Ал, твой шеф замучил. Не может дозвониться до тебя!

— Я вирус поймал, — Уилшир чмокнул подставленную щеку, по очереди потрепал по голове подбежавших сыновей и в раздражении швырнулся на стол айфон, ставший ещё горячее.

Объяснения с шефом заняли следующие полчаса, и за это время телефон раскалился настолько, что его стало невозможно взять в руку. Уилшир завернулся в тряпку и положил в раковину.

— Пусть разрядится, тогда я выдерну из него ид-карту, если она не расплачется, и отнесу ребятам из технического отдела, — непонятно зачем сообщил он Мадлен. Та только пожала плечами.

Сев за моноблок, Уилшир попытался найти схожие истории, сначала по запросам о рейсах из Дакхьи, затем о любых других. Никаких записей о вирусе, из-за которого раскаляются телефоны, в сети не было. Тогда Уилшир открыл статью о городке, из которого вернулся. Согласно Википедии, Дакхья появилась на самом краю непроходимых джунглей из-за обнаруженного поблизости месторождения золота. О месторождении Уилшир знал и сам: именно о нём он в течение четырех дней договаривался с местными властями.

В 2018 году в Дакхье родился телёнок с тремя головами, в 2019 число жителей превысило 15 000, а ещё там обнаружили неизвестного науке жука, которого назвали в честь скончавшейся от передозировки героина рок-звезды. Аэропорт построен всего год назад. Рейсы связывают Дакхью только с Манилой, Сингапуром, Гонконгом и Лондоном. Других особенностей у городка не было.

Запрос «Activation protocol MoSh76» помог не больше. Гугл показывал сотни различных профессиональных сайтов, форумов программистов и даже сборников фантастических рассказов, но ни один из этих ресурсов не приблизил Уилшира к пониманию поразившего его телефон вируса.

Айфон разрядился через полтора часа. Разобрав остывший прибор, Уилшир обнаружил, что изнутри он не пострадал. Вопреки ожиданиям, в нём ничего не расплывалось, а батарейка выглядела как новая. Идентификационная сим-карта заработала в старом телефоне Мадлен. Слегка воспрянув духом, Уилшир ещё раз позвонил на работу, рассказал об успешной сделке всем участвовавшим в проекте по Дакхье коллегам, затем ещё раз перепроверил документы в фирменной синей папке. Чудные филиппинские подписи на договорах и приложениях сулили Уилширу повышение. Уже завтра на утреннем собрании совета директоров он торжественно объявит о том, что у Jefferson Mining Industries теперь есть трехлетний контракт на поставку

всего оборудования для расширения дакхийских разработок.

Уилшир заснул в хорошем настроении. Сообщение пришло на его электронный адрес в 03 часа 21 минуту.

Письмо он открыл по пути на работу. «Ты искал 76 Материнский. Зваони», — писал некий Джим Чёрч (jimmsp@alternatives.co.uk). Под «Зваони» красовалось изображение с цифрами, искаженное в графическом редакторе. Джим Чёрч явно не хотел, чтобы его номер перехватили почтовые машины.

Остановив таксиста, Уилшир набрал десять цифр загадочного абонента.

— И чего ты ждал? — без приветствия набросился на Уилшира Чёрч. — Каждая активация не занимает больше двух дней. Давно проставилась?

— Простите, не понимаю, о чём вы.

— «Моши» кем попало не ищутся, особенно под правильными номерами.

— Объясните, — потерял терпение Уилшир, — что за херню вы несете? «Моши», активации! Сначала схватил какой-то дебильный вирус, а теперь выясняется, что кто-то копается в истории моих поисковых запросов! Этую гадость ты написал? Да я тебя засужу, понял?

Джим Чёрч хрюкнул в трубку и на несколько секунд замолчал. Затем начал снова, уже вежливее:

— Так ты не в теме, что ли? Просто не отключился при взлёте?

— Да. У Дакхьи.

— Везунчик ты, однако, — сказал Чёрч. — Скажи, ты сидишь?

— И весьма удобно.

— Оставайся в таком положении, потому что сейчас я сообщу тебе нечто удивительное. Протокол активации — не вирус, его никто не писал. Никто из людей.

— Что?

— Твой телефон стал носителем кода внеземного происхождения, дружище, — теперь голос Чёрча звучал почти ласково, убаюкивающе.

— Это как у Кинга, что ли? — невпопад ответил Уилшир.

— Это хуже, чем у Кинга, потому что это случилось с тобой.

— И что мне делать? Телефон я неключаю, дальше что будет?

— Протокол 76 уже запущен. Из твоего телефона он уже выкачал всё, что только можно. Контакты, данные банковских карт, адреса и пароли. Все. Теперь он попробует что-то со всем этим богатством сделать. В основном, к твоему сожалению, у него получается.

— Бред какой-то, — пробормотал Уилшир. — Неужели я должен в это поверить?

— Попробуй, — со смешком ответил Чёрч. — В конце концов, тебе никогда не приходила в голову мысль о том, что все мы считаем бредом какую-либо небылицу вроде инопланетян, йети или морских змей ровно до тех пор, пока нам не посчастливится с ней столкнуться? И что первое же подобное столкновение делит нашу жизнь на «до» и «после». Согласись: гораздо проще и приятнее жить, зная, что вокруг нет ни сверхъестественного, ни оккультного, ни загробной жизни, ни соседей по вселенной. Максимум, который мы в большей своей массе допускаем, — это бог. Бог, подумай только, занимает умы миллиардов, а инопланетяне нет. Чем они хуже?

На этот вопрос у Уилшира ответа не нашлось.

— Сегодня ровно в двенадцать приезжаешь по адресу, который я скину на твой номер. С телефоном. Чинить его можешь даже не пытаться, уж поверь. Всё, до встречи, везунчик!

Вызов прервался, а на экране телефона замерцали сразу две иконки писем. Уилшир открыл первое и оцепенел. Оно пришло вовсе не от Чёрча, а с номера, состоявшего из чередующихся нулей и единиц, и гласило «MoSh76 35% complete».

На собрании директоров Уилшир нервничал и торопился. Отчасти виной тому была важность доклада: как-никак, именно на дакхийском контракте строилось всё развитие корпорации в новом году, но гораздо больше его тревожило сообщение, пришедшее на рабочий компьютер: «MoSh76 dev.progress 77%». Зачитывая условия контракта, Уилшир понял, что сосредоточиться на напечатанных мелким шрифтом словах сложно из-за дрожи в руках. Рубаха пропиталась потом и прилипла к спине, но этого хотя бы не было видно из-за пиджака. А вот трясущиеся руки...

— Таким образом, сумма поставленных машин составит два миллиарда четыреста тысяч сингапурских долларов, — закончил выступление Уилшир. — Курс сингапурского доллара к американскому стабилен и по прогнозам не изменится в течение всего срока действия контракта.

— Спасибо, Ал, — кивнул финансовый директор. — Исчерпывающая презентация и феноменальный успех вас как менеджера. Коллеги, есть ли вопросы по проекту?

Задать вопрос никто не успел. Плазменная панель с открытой презентацией замерцала синим, и триумфальный заключительный слайд Уилшира сменился одноцветным экраном с единственной записью: «MoSh dev.progress complete». Следом ожил мобильный. Издав резкий писк, он выплюнул на дисплей точно такое же сообщение.

— Ничего себе! Видимо, вирус, — сокрушённо покачал головой Уилшир, выдирая из телефона батарейку. — Как кто-то смог залезть в нашу систему?

Шеф технического департамента пожал плечами, но отчего-то покраснел.

— Досадный конфуз, — сказал финансовый директор. — Майк, займись этим, а обсуждение перенесём в почту. Благодарю всех за работу!

Выйдя из конференц-зала, Уилшир сказался нездоровым, обещал быть на связи и, прихватив ноутбук, вызвал такси и отправился на встречу с Джимом Чёрчем.

Несмотря на то, что ноутбук был новым, и Уилшир ни разу не заходил на него под своим логином, через двадцать минут после начала поездки на рабочем столе появилось очередное послание от зловредного искусственного интеллекта: «MoSh 70% complete». Ещё два — о 80 и 90 процентах пришли на телефон. К моменту, когда Чёрч, широкоплечий негр в ковбойской шляпе, пожал Уилширу руку, до завершения активации протокола оставалось всего 10%.

— У нас мало времени, — сказал Чёрч, посмотрев на последнее сообщение о протоколе. — Требуется госпитализация.

— Кому? Ему? — Уилшир протянул айфон, но Чёрч только поморщился.
— Вам.

Mothership protocol 76: Activation complete 99,9%.

Из газеты «Мир непознанный», Франция, июль 2024 г.

«В 6 часов 59 минут 24 ноября 2023 года рейс 473 Манила-Лондон перестаёт отвечать на сигналы диспетчеров. Спасательные вертолёты находят упавший лайнер спустя четыре часа. Двести восемь пассажиров погибли, но есть и выжившие. Одному из тяжело раненных, представившемуся как Альберт Уилшир, суждено было прожить ещё тридцать минут. Он просит отвезти его в какую-то Даххью, передать некоему Чёрчу, что госпитализация не требуется, а также повторяет нескладные, не имеющие смысла фразы про инопланетян, звонок Аллаха и корпорацию Jefferson. Позднее из его пиджака извлекут паспорт на совершенно другое имя...»

Mothership protocol 76: Activation successfully accomplished. External programs are being shut down. Estimated time: 30 sec.

— Видишь ли, дружище, конечной целью вируса являются не приборы, — сказал Чёрч.

Уилшир не видел его: мешали фиксировавшие голову стальные ленты. Как они появились? Что с ним сделал этот странный человек? И откуда взялось это странное чувство, будто говорит не один Чёрч, но и ещё кто-то — очень далёкий и страшный?

— Они умеют это, передавать вирус в плоть через приборы — перед глазами Уилшира мелькнуло что-то серебристое и тонкое. — На многое их не хватает, но вот самолёты отчего-то попадают в ловушку. А знаешь, что они делают потом? Уничтожают самолёт руками зараженных. Мы пока не знаем, почему. Скорее всего, просто по злобе. Сигнал слабеет с каждым годом, насколько мне известно. А ещё они... Как бы это сказать...

Тело Уилшира содрогнулось от внезапной боли. Болело всё: грудь, руки, голова. Ног он не чувствовал.

— В общем, они как будто меняют исходный код человека в тот самый момент, когда он перестаёт себя контролировать. Все воспоминания, вся суть человека заменяются абсолютно иной личностью. Как они это делают — неизвестно, но мозги у человека набекрень едут. Сам не понимаешь, небось, что не существует ничего: ни Даххьи, ни Jefferson Mining, ни Уилшира? Всё вокруг такое реальное, осязаемое, но это обман. Ничего нет. Они пытаются скрыть следы. Боятся, стервецы.

Preparing for termination.

Из газеты «Мир непознанный», Франция, июль 2024 г.

«...Первый самолёт разбился в 2021 году, спустя всего две недели после так называемого „Падения звезды“. Неопознанный объект, затонувший возле Филиппин, привлёк внимание учёных всего мира, но вряд ли кто-то мог даже

помыслить о том, что внутри него таилась жизнь. К сожалению, излучение, испускаемое таинственным металлическим шаром, покоившимся на дне, обнаружили не сразу... Прошлогоднее падение лондонского рейса 473 на данный момент является последней катастрофой, связываемой со „звездой“ ...»

en.wikipedia.org

«По запросу „Дакхья“ страниц не обнаружено»

en.wikipedia.org

«По запросу „Jefferson Mining Industries“ страниц не обнаружено»

Запись чёрного ящика рейса 473:

«Не надо! Что вы делаете?!»

Из постановлений комиссии по филиппинским катастрофам:

«...Причиной крушения является человеческий фактор...»

Из показаний санитара Паоло Д. касательно обстоятельств смерти пассажира N:

«...Последние слова: „Так значит, все ложь?“. Смерть зафиксирована в 14.15. Шансов на спасение не было изначально. Агония сопровождалась длительным бредом, но предсмертная фраза была произнесена на удивление осмысленно...»

Done. All unnecessary realities switched off.

Тёплая ладонь — то ли Чёрча, то ли чья-то ещё — легла на лицо Уилшира, закрыла глаза. Боль ушла, и отчего-то стало легко и спокойно.

— Обычно новые личности и их жизни абсурдны. Ты исключение. В этот раз мы решили рассказать тебе всё. Протокол 76 завершён. Запуск 77 цикла.

НЕЧИСТЬ

БОГДАН ГОНТАРЬ

От автора: «Изначально этот рассказ планировался как рядовой деревенский хоррор. Но потом мне показалось интересным скрестить всё это с типично городским персонажем и горячо любимой мною темой ритулов и обрядов. И посмотреть, что из этого выйдет».

Старуха ждала под мостом. Закутанная в рваную шаль, она раскладывала на земле узоры из птичьих костей, окутанная мраком и гулом грязной бурной речушки.

Григорий Сапинов шёл к ней, осторожно ступая, боясь запачкать костюм и туфли. Он то и дело озирался — то на изрисованные блёклыми узорами бетонные блоки, то на торчащие из воды чёрные, обросшие тиной прутья арматуры и ветки. В темноте за спиной старухи горела лучина. С каждым шагом Григория всё сильнее охватывал страх, и он поминутно утирал взопревший лоб платком, нервно почёсывал щетину и стрелял по сторонам прищуренным осторожным взглядом.

— Я от Лукерьи, — сказал он. Таков порядок. Так надо говорить, кто бы тебя ни направил.

Старуха подняла взгляд. Один её глаз был затянут мутным бельмом, второй зиял холодным чёрным колодцем.

— Кто? — скрип и шелест вместо голоса.

— Сын. Алексеем зовут.

— Давно?

— Третьего дня утон.

Старуха кивнула и склонилась над костями в грязи.

— Меня Мараньей звать. Ты зови просто — бабушкой. Я не возьмусь возвращать твоего сына. Грех это, какой не смыть. Диаволова метка до смерти и в посмертии. Не возьмусь, — голос скрипит, безжизненно и тихо.

Григорий знал, что она откажет, его предупредили. Бабка не возьмёт добровольно грех на душу, но её изглоданное бесами нутро не в силах отказать тому, кто знает, как просить. Таков порядок. Григорий падает на колени перед ней:

— Бабушка, помоги! — он сорвал с шеи крест, плюнул на него. — Не тебя прошу, силу, что в тебе молю — верни кровиночку! Бабушка, помоги! Бабушка, помоги!

Ведьма поморщилась:

— Нечего выдумывать своего. Есть правило — проси три раза, ты и проси. Не надо боле ничего. Знаешь цену?

— Знаю, бабушка, — сердце Григория замолотило отбойником. — Всё знаю!

— Тогда назови её, знаток.

— За сына себя отдам Ему. Отдам тело, что примет Его дух. Глаза, что порчу будут наводить. Десницы, что мор посеют. Уд, что семя Его бросит. Ноги, что по миру будут Его носить. Всё отдам, бабушка, только помоги.

Старуха махнула рукой, сметая кости:

— Покойника отпевали?

— Нет, не понёс в церковь.

— Где мальчик? — спросила Маранья.

— В багажнике машины, там, у промзоны оставил, — махнул назад рукой Григорий.

— Веди. Поедем, отпоём, как положено. Кровь взял?

Григорий торопливо кивнул:

— А как же! На рынке свежей свиной трехлитровку налили.

Маранья презрительно плюнула ему под ноги. В скрипте зазвенело нескрываемое презрение:

— Для сыночка мог бы и своей плеснуть.

Город придавило серым пологом сумерек. Григорий выехал за пределы промзоны и, подхваченный потоком машин, двинулся к центру. Маранья время от времени указывала пальцем, куда повернуть. Возле маленькой часовенки у мемориала узникам лагерей они подобрали молчаливого молодого протоиерея, высокого, худого, с вороной бородой. Глядя в зеркало, Григорий увидел, как протоиерей снял с шеи золочёный крест и достал из-под рясы перевёрнутый.

На южной окраине, когда за окнами серыми тенями замелькали глухие бараки, Маранья направила его к заброшенному интернату, во дворе которого приотилась покосившаяся церквушка.

Сапнов достал из багажника завёрнутое в белый саван тело, передал старухе банку с кровью.

Они ступили в темный провал входа. Торопливые крёстные знамения наоборот, скучные осторожные движения в темноте. Маранья зажгла огарки чёрных свечей, и Григорий увидел, что пол устлан снятыми со стен образами и иконами. Единственный нетронутый образ виднелся на дальней стене за алтарем. Неизвестный Григорию святой в альных одеяниях, изображенный в полный рост. Без лица; лицо было затёрто так, что виднелась серая штукатурка стены. На штукатурке горели две красных точки там, где должны быть глаза. Нимб над головой святого не смыкался полностью, и тускло поблескивал позолотой. Худые вытянутые ладони лежали на груди, и узловатые пальцы кончились длинными неровными ногтями.

Григорий положил сына на алтарь и снял саван с бледного синегубого лица. Сзади послышался голос старухи:

— Возьми, милок, лукошко. В нём ягодка тебе в дорогу. Сам съешь, да на месте оставишь в подношение.

Сапнов взял берестянную корзинку, приподнял тканый платок и увидел крупные спелые ягоды земляники. Лукошко он поставил рядом с собой, и сам опустился на колени перед алтарем.

Маранья, кряхтя, взяла банку и принялась лить кровь на пол, на затёртые множеством ног иконы, замыкая алтарь в круг. Остатками крови перемазала лоб и губы мёртвому Лёшке. Прихрамывая, проковыляла в полумрак за спи-

ной Григория и грузно преклонила колени.

Протоиерей, до этого высившийся над алтарём сумрачным сутулым вороном, принял читать литанию. Голос его, глубокий и зычный забился в стенах церкви, и почудилось Григорию, будто лик святого за алтарём потемнел, и на нём всё сильнее заполыхали жаром глаза-угольки.

— Владыка духов и всякой плоти, живой или мертвый, от креста отрёкшия, взываю к тебе! Сам, Владыка, верни душу усопшего раба твоего Алексея в мир грешный, в мир смертный, где царят мука, скорбь и стенание...

За спиной завыла старуха. Как плакальщица на похоронах — надсадно и глубоко.

Григорий покрылся бисером ледяного пота. Кожа его словно стянулась на теле, а где-то внутри, под самым сердцем, зашевелилось холодное. Григорий не знал, никогда не слышал слов настоящих молитв, но неправильность, липкая иррациональность того, что читал протоиерей, тонкими иглами проникла под самую его кожу. Под ребрами Григория забилось, закричало то тёмное, глубинное чувство, что заложено в каждом человеке и оберегает его от тёмных троп. Григорий вдруг ясно осознал, что он сам вступил на такую тропу, и жизнь его, до этого озарённая светом, осталась в стороне. Он отверг все то, что ведомо человеку, что упорядочивает его бытие, и впереди лишь пульсирующий хаос и тьма, в которой предстоит идти наугад, не ведая, что ждёт во мраке.

Когда прозвучало последнее, четвёртое «Аминь!» мёртвый сын Сапнова распахнул мутные глаза, повернул голову к отцу и под торжествующий вой старухи еле слышно прошептал:

— Приходи, папа.

За спиной у Григория раздалось хлопанье крыльев и гортанные крики. Обернувшись, он увидел на границе света Маранью, а над ней, еле видимые в полумраке, кружили хищные тени. Стая ворон расселась вокруг старухи, птицы замолкли и выжидающе уставились на Григория глазами-бусинками. Раздался голос Мараньи:

— Они приведут тебя, куда надо. Когда вернёшься сам, вернут тебе сына. Два дня с ним проведёшь и на закате второго дня явишься сюда — уговор исполнить. Ступай и лукошко не забудь. Там, — это слово старуха выделила, — никакого севовлия! Пройдёшь к месту, подношение оставишь и сразу обратно. Понял?

Сапнов кивнул. Птицы зашелестели крыльями, захлопал взмолотый воздух, и вороны одна за другой устремились на улицу, и Григорий пошёл вслед за ними. Выходя в прохладный ночной сумрак, он услышал, как старуха прохрипела, обращаясь к протоиерою:

— Как вернётся, глаз с него не спускай.

Птицы уводили его всё дальше и дальше вглубь сырого лесного сумрака. Невыносимо горели стёргтые с непривычки ноги. Рубашка липла к взопревшему телу. Горели лёгкие, душила тяжёлая одышка.

Григорий брёл по колено в траве, касаясь руками возникающих из мрака замшелых стволов, вглядывался в переплетения ветвей, где, то и дело перечёркивая еле видное небо, проносились чёрными стрелами его проводники.

Ему казалось, что в травах таятся невидимые звери, жарко дышат, согревая горячими боками неспокойное зелёное море, и он вздрагивал от каждого шороха и треска в чаще леса.

На ночь остановились, когда птицы вывели его из леса на смрадное, укутанное туманами болото. Григорий проковылял по притопленной гати к видневшемуся невдалеке островку, втиснул своё грузное взмокшее тело между холодными замшелыми камнями. Долго шумно дышал, пока не унялось сердце, и вслушивался в тревожные крики чертей в бурьянах.

Птицы расселись вокруг, испытывающие глядя на Сапнова, и он, опомнясь, подтянул лукошко и снял с него платок. В неверном тусклом свете он увидел, что из корзинки на негоглядят окроплённые кровью рубленые куриные головы. Под издевательский клёкот ворон он запахнул корзинку обратно.

Едва рассвело, птицы, крича, взвились вверх, и Григорий поплёлся за ними, еле переставляя распухшие ноги. В утренней дымке ему мерещились странные, изломанные тени, проплывающие мимо. Влажный воздух наполнился тихими шепотками, и отступившему от усталости Григорию казалось, что болото это — та самая граница между миром живых и мёртвых, где блуждают неприкаянные души, в поисках пути в истинное посмертие. И по пути этому брёл сейчас он сам, ведомый зловещими птицами.

Рассвело, туман рассеялся, но солнце не прогревало воздух, словно свет его был из далёкого чужого мира. Гать оборвалась у поля, покрытого колтунами жёлтой травы, протянувшегося до самого горизонта, где врезалось в серое небо. Посреди поля высился холм, и Григорий прибавил шаг, устремляясь к нему. Вороны расселись в траве за его спиной и стихли.

Сапнов шагал к холму, спотыкаясь о кочки и проваливаясь в подтопленные ямы. Вскоре он уже различил неясное пятно на вершине холма, и пятно оказалось почерневшим от времени срубом, окруженным неровными, покосившимися бдынами. У Григория полыхнуло в груди, и он перешёл на бег.

Тяжело дыша, поднялся по склону. С голбцов на него смотрели вырезанные в дереве лица. Григорий останавливался возле каждого бдына и клал под маленькую двускатную крышу куриную голову из лукошка. Когда лукошко опустело, Сапнов отбросил его в сторону и выбрался на вершину холма.

Сруб высился злым наростом, упирался острым коньком в мутное небо, с крыши ввысь поднимался дымок. Григорий обошёл сруб по кругу, но ни двери, ни окна не нашёл — лишь толстые стволы, сложенные замком. Он собрался идти обратно, но из-за сырых стен внезапно донёсся шорох и тихий перестук. Сердце Сапнова замерло, и он бросился к стене, прижался к венцу, жадно прислушиваясь.

Внутри кто-то тихо ходил, было слышно, как скрипят доски под ногами. Григорий, позабыв обо всём на свете, вытащил из кармана складной нож, упал перед стеной на колени и принял лезвием выковыривать мох из стыка. Вскоре он расчистил узкую щель, и из щели потянуло топлёным жиром, дымом и смрадом немытых тел. Звуки стали громче, и Григорий припал к щели, силясь что-либо разглядеть в темноте. Он увидел тлеющий костёр на полу в углу, окружённый битыми черепками и щепками, а возле очага, на границе

света кто-то сидел, сгорбившись и подперев подбородок кулаком.

— Сынок! — хриплым шёпотом зовёт Григорий.

Из темноты донеслось еле слышное шуршание, и в щели мелькнуло лицо. Чумазая кожа, курносый нос, светлые взъерошенные волосы.

— Папа! — жарко зашептал Лешка. — Уходи скорее! Тебе нельзя смотреть — он заметит! Уходи!

— Кто заметит, сынок?

— Тот, у кого вы меня вымостили. Уходи, папа, не то будет худо, прошу тебя. Отсюда меня не забрать, они сами приведут.

Григорий поднял с земли вытянутый мох, чтобы заложить щель обратно.

— Пока, сынок, я жду тебя.

Лёшка собрался ответить, но из темноты за его спиной протянулась длинная белая ладонь и зажала ему рот. Глаза сына округлились, он замычал, заился, но вторая рука обхватила его за шею и утянула в темноту.

— Сынок! — закричал Сапнов. — Алёша! Пусти его, сука! Пусти!!!

В ярости и отчаянии он замолотил по стене кулаками, сбивая их в кровь, и снова услышал скрип шагов. Григорий прильнул к щели, и в этот же момент что-то ударило по стене изнутри так, что весь сруб содрогнулся. Далеко в лесу завыли собаки. Сапнов отскочил назад от неожиданности и испуга. Он оступился, рухнул на спину и покатился по склону. Мелькнуло перед глазами небо, дрожащий сруб, клочья травы. Удар в затылок, и небо вспыхнуло, заливая поле ослепляющим светом, а потом пришла мягкая, нежная тьма забытья.

Григорий очнулся от криков. Вдалеке у края болота кружили вороны, и карканье их, заунывное и протяжное, отдавалось в голове пульсирующей болью. Он с трудом поднялся на ноги и увидел, что в стене сруба зияет неровный проём с выщербленными краями, а земля под ним усыпана мелкими щепками. Григорий, шатаясь, поднялся к дому и осторожно ступил внутрь. Пусто, лишь тлеют в углу последние седые угли. Выступивший пот вновь пропитал затвердевшую рубашку, дыхание словно перехватила ледяная рука. Он со всех ног побежкал к птицам, и они повели его обратно тропами, сокрытыми от живых и мёртвых.

Маранья с сыном ждали его у подъезда. Григорий выскочил из машины, растрёпанный, мокрый, грязный, и устремился к Алёшке, но старуха преградила ему дорогу:

— Ты, тварь, — зашипела она. — Что наделал, знаешь? Всех подвел!

Григорий попытался проскочить мимо Мараньи, но она ухватила его за лацкан пиджака когтистыми пальцами:

— Куда?! Слушай внимательно, сынок! Нас за твоё самоволие накажут, а ты уже наказан. Но наказание уговора не снимает. Два дня у тебя на всё. На исходе второго дня явишься в церковь. Понял?

— Какое наказание? — выдохнул Григорий.

Старуха отпустила его и, ухмыляясь, кивнула в сторону сына. Сапнов подошёл к нему ближе. Лёшка сидел на лавке, не глядя на отца.

— Сынок, — позвал его Григорий. — Лёшенька...

Сын не шевельнулся, будто не услышал.

— Сыночек, — Сапнов неловко обнял сына, прижал к себе, но Лёша не ответил на его объятья. Григорий почувствовал холод его тела под руками. Он глянул на сына. Бледность, мертвенная, неестественная. Синие губы. Налившиеся тени под глазами. Расплывшиеся кляксами зрачки

Мёртвый сын встал с лавки и мимо Григория прошёл в подъезд. Утренний двор, ещё скованный цепями сна, пронзил долгий крик, полный боли и отчаяния.

До вечера Григорий сидел рядом с сыном в его комнате. Каждые пять минут звонила жена, уехавшая к матери ещё две недели назад. Григорий не брал трубку. Знал, что не сможет, не удержит дрожь в голосе.

Лёшка устроился на краю кровати и смотрел в окно на угрюмых голубей, нахолившихся на карнизе. Он сидел, ровно держа спину и сложив руки на коленях. Ни движения, ни звука. Григорий пытался говорить с ним, приносил Лёшке чай, шоколад и его любимые «раковые шейки», но сын лишь сидел, повернув голову в сторону окна, и не шевелился. Приходил Тишк, их кот, тёрся под ногами Лёшки, задевая бледные ступни подрагивающим хвостом, урчал, поднимался на задние лапы, просясь на руки, но сын не видел кота.

Григорий долго рыдал на кухне, проклиная себя и свою затею, и плач его прервал воющий крик, донёсшийся из спальни сына. Крик боли, предсмертный и захлебывающийся. Сапнов вбежал в спальню и увидел скорчившегося на полу сына. Тот стоял на коленях, а под ним, еле-еле шевеля лапами, бился в последних судорогах Тишк. Из пасти, вместе с пузырящейся кровью вырвалось последнее, протяжное урчание. Сын поднял безразличное лицо, покрытое царапинами. По губам Лёшки стекало красное, к перемазанной щеке прилип клок шерсти. Сын встал, оставив умирающего кота, уселся на кровать, сложил руки на коленях и отвернулся к окну, где испуганные кошачьим криком голуби по одному возвращались на карниз.

Маранью Сапнов нашёл там же, под мостом. Старуха раскладывала на земле кости, не обращая внимания на Григория, стоящего над ней с топором в руке.

— Сына верните, суки, — сказал Григорий.

— А тебе его вернули, — голос Мараньи звучал деланно беспечно. — Мы свою часть уговора выполнили. Это ты полез, куда не просят. Вот и расплата. Про завтра не забыл?

Ожидая ответа, она уставилась на Григория склизким бельмом, и он коротко ухнул её обухом в скулу. Маранья грузно повалилась на спину, обхватила лицо ладонями и взвыла от боли. Григорий занёс над ней топор:

— Заткнись, гнида! Зарублю!

Она замолкла. Между пальцами побежал тонкий тёмный ручеёк.

— Я вам тело своё не отдам, — сказал Григорий. — Нет сына, нет тела. Такой уговор был.

— Теперь условия ставишь не ты, — голос Мараньи звучал глухо и угрожа-

юще. — Теперь никто из нас ничего не решает. Ты отдашь своё тело или его заберут силой. Оно уже не твоё. Это не то, от чего можно спрятаться или убежать, и завтра на закате тебя не станет. Можешь и не приходить, но тогда пострадаешь не ты один. Все, кого ты знаешь и любишь, умрут. Лучше отдай добровольно, мало тебе одного наказания?

Григорий удовлетворённо хмыкнул и занёс над её головой топор.

— Не станет меня, и вам не бывать!

— Стой! — рявкнула старуха, и он замер. Маранья заискивающе заулыбалась, разводя в стороны перемазанные ладони. — Отчего ж сразу не станет? Никто не говорил, что нет выхода. Есть один способ душу твою уберечь, отчего ж нет.

— Говори.

Старуха помрачнела.

— Чёрный способ, дрянной. Вовек грех не смоешь, зато душу сохранишь.

И в хищной темноте под мостом Маранья рассказала Григорию всё, что знала, и о чём лишь догадывалась. О теле, что отобрано без насилия, о бегущей воде, куда нечисти не ступить, о стенах осквернённой церкви, которые Он не сможет покинуть до первых петухов — всё рассказывает Маранья, чтобы сохранить свою жалкую, подёрнутую гнилью жизнь.

Сапнов вышел из-под моста угрюмый, но преисполненный решимости, а с лезвия топора тянулась рваными нитями кровь.

Весь вечер он колесил на призрачных электричках вокруг города и всматривался в траурные лица пассажиров. Жёлтый свет прорезал на лицах новые морщины, и пассажиры сидели недвижно, словно боясь их стряхнуть. Серые тени, серые жизни. Мёртвые полустанки без единого огонька.

Уже затемно, когда за окном проносились когтистые ветви и безмолвные деревни, Григорий приметил грузчика. Грузчик сидел особняком, исподтишка покряхтывая и прикладываясь к бутылке, которую прятал за пазухой. Дождавшись, когда тусклый, облезлый вагон опустеет, Григорий подсел к мужику. Тот недобро покосился на нового соседа, пока Сапнов, широко улыбаясь, не достал ещё одну бутылку.

Они сидели и пили, закусывая килькой и огурцами. Лицо грузчика налилось багрянцем, он то и дело оттягивал ворот рубахи, словно тот мешал ему дышать. Грузчик рассказывал Григорию о своей работе на складах с мукою, о пожирающем кости артрите и смертельно надоевшей жене, которая, курва такая, жизни не даёт, понимаешь, вот и мотаюсь тут по этим, бля, электричкам, ни к друзьям сходить, ни к кому, везде, падла, нос свой сует, не укроешься. Когда грузчик захмелел настолько, что перестал утират бегущую изо рта слюну, Григорий предложил ему сойти на тихой станции, мол, за перелеском село, там ещё самогонки можно взять. Грузчик приободрился, одобрительно загукал и, пошатываясь, спустился за Сапновым на пустынный перрон. Григорий подождал, пока его спутник помочится, кряхтя и сетя на камни в почках, а после обхватил мужика сзади и прижал к его лицу тряпку, пропитанную хлороформом. Грузчик обмяк, не успев понять, что происходит, и Григорий

оттащил его прочь с перронна в лес.

В лесу он, кряхтя от натуги, взвалил грузное тело на плечи и понёс к реке. На берегу аккуратно задушил грузчика, зажав ему нос и закрыв рот ладонью. Не приходя в сознание, мужик дрожал в агонии, долго и вяло сучил руками.

Григорий чиркнул себе по ладони ножом, кровью смочил мертвцу губы, повесил на шею срезанный клок своих волос и прошептал на ухо подсказанные Мараньей слова. Натянул на голову мертвцу пакет и примотал его к шее скотчем. Положил в ладонь грузчику нож и тоже крепко замотал, чтобы не разжались пальцы, обхватившие рукоять.

Отнёс тело к лодке, упрятанной в камышах. На вёслах вышел на середину реки. Прощупывая дно, нашёл место поглубже. Обмотал мертвца вокруг пояса веревкой, другой конец веревки увязал к тяжеленной свинцовой чушке и перекинул тело с грузом за борт. Воды сомкнулись над покойником, и Григорий, подсветив фонарем, увидел, как натянулась веревка, и грузчик, притянутый ко дну, покачивается в воде, обволакиваемый неторопливым течением.

Вечером следующего дня Григорий подъехал к интернату, и увидел, что окна церкви подсвечены рдяным тусклым пламенем.

Протоиерея и старухи не было внутри, но Григорий знал, каков порядок. Он прошёл к алтарю, за которым алели одеяния святого без лица, и услышал, как вслед за ним в церквушку, хлопая крыльями и горланя, влетели вороны. Птицы расселись на образах и затихли. Сапнов кожей почувствовал их колющие насмешливые взгляды.

Григорий встал перед алтарем на колени и начал нараспев читать «Отче наш» задом наперед. Он бормотал молитву, раз разом, не останавливаясь ни на секунду, пока за его спиной не подхватил тоненький девичий голосок, вслед за ним ещё один, и ещё, и ещё, и вот уже целый хор, многоголосый и переливчатый, зазвучал в тесных стенах. Один за другим сами по себе заиграли пламенем огарки свечей вокруг.

Григорий принялся за «Символ веры», и ему вторили голоса за спиной. В мареве пламени фигура святого за алтарем дрожала, ширилась, наливалась глубиной, всё ярче сверкали угольки глаз на провале лица.

Святой шагнул со стены, и nimб за его головой вспыхнул золотом, и уже не nimб это вовсе, а золоченые рога сверкают, переливаются светом в полумраке осквернённой церкви. Складки одеяния святого колышутся в такт шагам, и каждый шаг отдаётся звонким цоканьем, словно под полами рясы не ноги, а копыта выщербивают пол.

Григорий оцепел, не в силах поднять взгляд, а святой, обретший объем и плоть, шагнул к нему, скрестив на груди ладони. Он воздел одну руку вверх, и женский хор за спиной Григория стих, и один Сапнов неверным голосом продолжал нараспев читать строки молитвы. Безликий остановился перед ним, и Григорий почувствовал, как от одеяния нечистого тянет дымом и се-рой, смрад врезался в ноздри, на глаза навернулись слёзы, в горле запершило. Сапнов споткнулся и умолк на полуслове. Он поднял взгляд вверх, на окайм-

лённое золотым сиянием пятно, словно пожравшее свет. Всмотрелся в два равнодушных красных огонька.

Костиистая белая длань опустилась на лицо Григория и одним лёгким прикосновением выбила душу из тела. Тусклый свет померк, и в наступившей темноте остались гореть лишь две красные точки, а вскоре погасли и они.

Сознание возвращается резко и хлестко, как после липкого ночного кошмара. Григорий пытается вдохнуть, но воздуха нет, а к лицу прилипает шуршащая пелена. Он тянет руки к голове, но руки не слушаются, как в дурном кошмаре. Григорий чувствует, как его тело обволакивают холодные стремительные течения, и понимает, что он на дне реки, что всё получилось.

Остывшие мышцы не слушаются, грудь режет от удушья, в глазах, не успевших толком открыться, начинает темнеть, но Григорий, собрав в кулак всю злость и волю к жизни, тянет к поясу руку с ножом и режет удерживающую его верёвку. Течение подхватывает его и тянет вперёд. Неуклюже барахтаясь в воде, Сапнов рвёт плёнку на лице, делает гребок, второй и выныривает на поверхность. Под холодным осенним небом, посреди стылой стремнины, он жадно хватает ртом воздух. Вместе с воздухом приходит запоздалое похмелье — мёртвое тело грузчика полно водки. Григорий подгребает к берегу и неуклюже вываливается на мокрый песок. Долго лежит, глядя на пронзившие небосвод звёзды, постепенно приходит в себя.

Шуршат камыши, и Сапнов видит, как чёрной скрюченной тенью к нему крадётся протоиерей. Он подбирается к Григорию на четырёх конечностях, как гигантский паук, укутанный в рясу. В одной руке священнослужитель сжимает черенок, на который насажены ржавые вилы, а по песку, свисая с шеи, волочится перевёрнутый нательный крест. Взгляд протоиерея сверкает злыми огнями, а голос звучит, как скрежет металла о кости:

— Вот и выплыл, хитрец, — говорит протоиерей, сверкая острыми зубами, обращаясь скорее к самому себе, нежели к Сапнову. — Думал, обманул всех, а нет, нас не обманешь, мы ждать умеем. Выплыл, теперь не денешься никуда, теперь тебя достану. Плыви, не плыви, а от меня не уйдёшь.

Шелестя складками рясы, он подбирается всё ближе к Григорию. Сапнов переворачивается, встаёт на четвереньки, пытается уползти обратно в спасительные воды, где не достанет его продавший душу священник, но протоиерей споро достает что-то из кармана, взмахивает рукой, и на лицо Григория попадают мелкие брызги.

— Не уйдёшь! — торжествующе верещит тень за спиной Сапнова, и он чувствует, будто у самой кромки воды упирается в невидимую стену. — Не уйдёшь! Не ты один готовился. Несвятая вода — это тебе не просто так. Ты теперь не раб божий, ты — нечисть осквернённая.

Протоиерей заливается визгливым хохотом, глядя на бесплодные попытки Григория скрыться от него в реке. Подкрадывается ближе и ближе, отводит руку с вилами для замаха, и Сапнов еле успевает откатиться в сторону, уходя от удара. В голове вспыхивают пурпурные цветы, распыляя боль от похмелья,

и в глазах на миг темнеет. Этого хватает, чтобы протоиерей подтянул вилы обратно и приблизился на расстояние удара. Григорий сilitся подняться на ноги, и это его спасает — ржавые зубья, метившие в шею, вонзаются в бедро. Григорий кричит не своим голосом, но свободной рукой успевает схватиться за черенок, не даёт служителю выдернуть оружие. Тело грузчика непривычно Григорию, оно крупнее его собственного, и он с трудом координирует движения, но сила в этом теле, выработанная годами изнуряющих трудов среди белой мучной взвеси, велика. Он крепко держит черенок, ожидая, что протоиерей подберётся поближе, и Сапнов сможет достать его взмахом длинной тяжёлой руки с примотанным ножом. Но нечистый хитрее Григория, он, наоборот перехватывается за дальний конец черенка и наваливается на него всем телом, вгоняя железо глубже в плоть.

Григорий рычит сквозь зубы, делает шаг назад и в сторону и вырывает вилы из ноги. Как огромный яростный медведь, он бросается на священника и вгоняет ему нож под рёбра, хватает второй рукой за ворот и швыряет в сторону. Тот с коротким криком взмывает в воздух, описывает дугу и с хрустом врезается в невидимую преграду над рекой, неестественно складываясь пополам. Григорий склоняется над нечистым и, глядя в тускнеющие глаза, долго бьёт его ножом, пока ряса не начинает хлюпать от пропитавшей её крови.

Дома Григорий срезает припёкшуюся к ноге штанину, промывает рану под краном и перематывает обрывком простыни. Находит в своём гардеробе брюки посвободнее и с трудом натягивает их на чужие ноги, пропитанные болью от артрита. Достаёт из сейфа охотниче ружье, кажущееся игрушечным в новых руках, набивает карманы патронами.

Заглядывает к сыну. Алёшка сидит на кровати, а за окном виднеются уходящие вдаль коробки домов, за которыми алым нимбом садится солнце. Сын поворачивает голову к двери, и мёртвые глаза смотрят сквозь Григория, не видя его. Сапнов тихо закрывает дверь и запирает её на ключ.

Он еле умеет тело за рулем, кое-как захлопывает дверь, а во время пути то и дело не рассчитывает силу, давя на педаль, и машина резко рвет с места, распугивая других водителей. Ему сигналят вслед, но он не слышит, думая лишь о том, как поскорее доехать, пока не случилось непоправимое, пока не закончилось служение, и безликий святой в старом теле Григория не вышел из церкви, чтобы навсегда затеряться на просторах этого мира.

Застанный священник в монастыре на окраине долго не может взять в толк, что от него хочет Григорий, и лишь когда Сапнов сует ему в руку пачку денег, соглашается освятить патроны.

Когда Григорий выходит из ворот монастыря, то видит, что дорогу к машине ему препрятывает тёмная фигура. Ряса на ожившем протоиерее поблескивает в лунном свете, мокрая от крови. В этот раз служитель не заводит разговоров, а молча бросается вперёд.

Григорий мысленно проклинает себя, что оставил ружьё в машине. Еле успевает увернуться от удара вилами и коротко бьёт протоиеря кулаком в осколенную пасть. Тот валится на землю, и Григорий не даёт ему встать, припечатывая сверху ногой в грудь. Вырвав из ослабевших рук вилы, он замахи-

вается и вонзает их протоиерею в живот. Тот кричит от боли. Григорий на- давливает на вилы сильнее, проворачивает их в чреве нечисти, и протоиерей затахает. Изо рта его течет тёмная кровь.

К церкви Сапнов подъезжает в ведьмин час. Дома и пустые дворы вокруг скованы той тишиной, что рождается лишь страхом. Григорий чувствует, как за мутными стёклами в тёмных квартирах замерли люди, не спящие, затаившиеся, надеющиеся, что страшное минует, не заметит их, если не высовываться.

Окна церкви и дверной проём озарены красным бесовским светом. Григорий слышит доносящиеся изнутри визг и нестройные песнопения, отдалённо напоминающие литании. Зарядив ружье, он глушит мотор и направляется ко входу.

Когда Сапнов ступает внутрь, его захлестывает неистовый, хаотичный водоворот шабаша. На секунду Григорий замирает, остолбенев, и тут же его хватают под руки две молодые, смеющиеся бесовки и влекут через храм по выщербленным сотнями каблуков иконам. Храм полон прихожан, да не тех, для которых его строили. Ведьмы, ряженые в бесчисленные цветастые юбки, с непокрытыми головами, молодые, лукаво подмигивающие девицы и изборождённые морщинами полубезумные старухи, скалящие белоснежные клыки или последние гнилые пеньки зубов, с горящими взглядами и слепыми очами, с кривыми каменными ножами и резными деревянными посохами в руках, перемазанные кровью и чистые, словно ангелы, пышущие здоровьем и безнадёжно увечные, щёлкающие в неуклюжем танце костяными и деревянными протезами и отбивающие стройными ножками чечётку, тонкие, как ветка ивы, и грузные, раскрасневшиеся, как торговки сдобы на базаре, испуленно выкрикивающие хулы, поминутно харкая на пол чёрной слюной, и благоговейно замершие, устремив взгляды к алтарю, сливающиеся прямо на полу в противоестественном соитии и дерущие друг другу волосы в драке — все они проносятся мимо Григория, как безумный хоровод. Вокруг рыскают хромые псы и визгливые коты, из трещин в стене ползут склизкие черви, в щелях половиц подрагивают лапками жирные белые пауки, а в тенях верещат клубки крыс.

Григорий, оцепеневший и растерявшийся, обеими руками сжимает ружье. Подхвативший его поток тел выносит Сапнова на пустое пространство перед алтарем. На алтаре, устеленном хоругвями, сидит, властно закинув ногу на ногу, абсолютно нагой, блестящий от елея, вина, крови и женских соков человека. Григорий с неведомой ему до того смесью ярости и испуга смотрит на него, не сразу узнавая в нем себя. На Сапнова устремлён взгляд чужих, горящих потусторонним пламенем глаз, словно выжженых на некогда его лице. Человек в его теле вздымает в воздух руку и вихрь шабаша вмиг затахает.

— Пришёл, значит, — рот растягивается в улыбке. — Пришёл, не убоялся. А почто пришёл? Прихвастьнуть, как обманул меня? Али мстить? Если мстить, то не за что — только себя можешь корить за опрометчивость. Знал, с чем связался — нечего было договор нарушать. Теперь тебе бежать только до конца дней твоих. А после смерти тебя уж встретят, будь уверен. Как положено, встретят. Не полез бы туда, где тебе и делать нечего, получил бы сыночка, как и просил — живым и здоровым. Через час, когда закричат первые петухи, окончится шабаш, и я смогу выйти из осквернённых стен. До этого момента

у тебя есть время уйти. После — не обессудь.

— Не собираюсь я уходить, — сквозь зубы цедит Григорий. — И тебе не дам.

Он вскидывает ружьё и целится в нечистого, нацепившего его личину, а нечистый лишь смеётся в ответ:

— Ни свинцом, ни сталью, ни даже осиной — ничем не возьмёшь. Стреляй, не стреляй — всё одно, яступил на эту землю, и не тебе меня с неё прогонять.

За спиной у Григория раздаётся топот и голос протоиерея, тревожный и испуганный:

— Хозяин, он патроны освятил!

Нечистый застывает, глаза его округляются от удивления, и в ту же секунду Григорий жмёт на спуск. Звук выстрела разбивает тишину, и Сапнов видит, как залп дроби врезается в его бывшее тело и отбрасывает его во тьму за алтарь. Григорий оборачивается в поисках протоиерея, но тот юркает в сторону и прячется за спинами ведьм. Сапнов стреляет по ведьмам, и те бегут к выходу, на бегу оборачиваясь воронами, сталкиваясь в полёте и падая от выстрелов. В воздухе висит пороховая гарь. Медленно кружась, оседают на пол смоляные перья и пух, на полу лежат мёртвые и умирающие птицы, а их товарки, взбудоражено молотя крыльями и переругиваясь, вылетают в подкрашенную рас-светом ночь. Протоиерей бросается на Григория, вынырнув из-за иконостаса, и Григорий стреляет ему в голову, упокоив нечистого в третий и последний раз.

Шагнув за алтарь, он видит лишь лужу крови там, куда упало тело. В этот же миг гаснут свечи, все до единой, и Григорий остаётся в темноте, лишь узкие серые полосы света тянутся от окон и входа. В наступившей тьме Сапнов слышит вкрадчивый злой шёпот:

— На что покусился, человек? Всё одно — ко мне попадёшь! Уходи, и я буду милостив. Останешься — день за днем после смерти будешь смотреть, как твоего сына черти истязают!

Слышится топот босых ног по полу, и на свету мелькает силуэт. Григорий стреляет навскидку, и вспышка выстрела озаряет нечистого на долю секунды. Сапнов успевает заметить рваную рану на его груди.

— Не жалко свою же шкуру портить? — спрашивает шёпот. — Каково это, в себя самого стрелять?

Григорий бьёт на голос, но шёпот уже звучит за спиной:

— Нельзя поймать во тьме того, кто тьмой рождён.

Короткий свист, и в спину Григория входит нож. Сапнов чувствует, как лезвие пробивает кожу, с противным скрипом врезается в подкожный жир и глубоко входит в плоть. Боль выбивает дыхание из груди, и Григорий падает на одно колено, едва не выпустив ружьё.

— Вот и всё, человек, — слышится над ухом. — Вот и пришло твое время. Второй раз, но уже навсегда.

Григорий чувствует сталь на горле, и в этот же миг видит перед собой стену, на которой горят два уголька, отмечавшие глаза на образе святого без лица. Прежде чем невидимая рука успевает перерезать ему горло, он стреляет в эти глаза. Освящённая дробь ударяет в образ, сыпется штукатурка, а над головой Григория раздаётся пронзительный крик. Нож падает на пол. Григорий

стреляет в стену, пока не кончаются патроны. Крик смолкает, захлебнувшись болью, и в церкви наступает тишина. На улице кричат первые петухи.

Утром мучающийся похмельем следователь войдёт в квартиру, из которой соседи слышали выстрел. Разогнав оперов, криминалистов и экспертов, на-кричав на участкового, он пройдёт в комнату и увидит лежащих в обнимку мужчину и ребёнка. Ребёнок по документам — Сапнов Алексей Григорьевич, сын владельца квартиры, а мужчина — Рохлин Геннадий Станиславович, чья жена полночи рыдала в городделе, требуя начать поиски не вернувшегося с работы мужа у равнодушных патрульных. Мужчина и ребёнок лежат в верхней одежде, а за кроватью валяется отброщенное отдачей ружьё. Пуля шестнадцатого калибра прошила обоих насеквоздь. Самоубийство. Следователь пойдёт на кухню, откроет дверцы шкафчика, достанет хозяйствский коньяк и украдкой приложится к бутылке.

Во второй половине дня он поедет к старому интернату, на территории которого ночью тоже слышали выстрелы. Внутри церкви, давно разгромленной местными хулиганами, следователь обнаружит множество дохлых ворон и отца мальчика — Григория Владимира Сапнова, голого, покрытого кровью, чужой и своей, убитого выстрелом в грудь. Взгляд следователя лишь мельком скользнёт по одной из стен, отметив следы нескольких выстрелов в одном и том же месте. Он не обратит внимания на остатки рисунка на стене и не увидит, как еле заметно на ней замерцают две точки, будто глаза зверя в лесной чаще.

АЛЕКСЕЙ ЖАРКОВ

Ж
А
Р
К
О
В

От автора: «Однажды, на каком-то застолье мое внимание привлек один из гостей – он задумчиво ковырялся ножом в куске мяса, то и дело поднимая взгляд на шею своего соседа слева, и разглядывал её с каким-то странным напряженным интересом, а тот, напротив, выглядел спокойным и расслабленным, доверчиво-беззащитным рядом с другом, знал его, наверное, „целую вечность“, своего друга, у которого неожиданно заволокло взглядом, а в руке поднялся и блестит острый обмасленный...»

Ночь отхлынула, как море, оставляя сырой песок на асфальте, сумерки впитались в окна и разлеглись по теням, рыжее солнце поднималось в размазанной у горизонта дымке. Внизу ходили люди, с высоты пятнадцатого этажа совсем крохотные, как разноцветные ракчи на мокрой отмели. Они шли к машинам, к остановкам автобусов, выбираясь из одних дверей и забираясь в другие. Промокший за ночь большой город подсыхал в термоядерных лучах горящего в ста пятидесяти миллионах километров Солнца.

Рома сидел на кухне. Тёплые полосы густого света тянулись через всю квартиру, начинаясь на восточном вертикальном склоне дома и заканчиваясь на западном, где была кухня, и упирались в стену косым прямоугольным пятном. На пути лучей стоял горшок со замиокулькасом, его чёрная тень падала на стену несуществующим иероглифом.

— Ром, дай нож, — попросила Нина, разворачивая пакет с вафельным тортом, — ты о чём всё время думаешь? Не проснулся ещё?

Это был риторический вопрос. Рома отодвинул стул, встал из-за стола, сделал два шага к столешнице и взял нож. Между углом стола и краем столешницы было сто семьдесят шесть сантиметров. Преодолевая их, Рома представил себе, как нож, что он держит в руках, проникает в мягкое тело Нины, входит плавно, как в масло, как он медленно погружается, со скрипом ниток разрезая ткань тонкой блузки, и проходит между ребрами. Обязательно между, ему представилось именно так — нож проходит над поясницей справа от позвоночника, рука Ромы, его кисть и предплечье чувствуют незначительное сопротивление от преодоления кожи, едва ощутимое, как если бы нож погружался в мешок с полутвёрдым сыром — плавное, совсем простое и безвредное для его пальцев сопротивление, в чём-то даже приятное.

Такие фантазии не напугали Рому, он был уверен, что никогда не причинит Нине вреда, совсем никакого. Уже давно они муж и жена, и он совершенно здоровый человек, с уравновешенной психикой, взрослый, и он её по-прежнему безусловно любит. Поэтому он мысленно усмехнулся странному финту своего воображения: он прекрасно контролирует себя — своё тело и мысли, абсолютно — и поэтому простили себе подобную глупость, как старого друга, с добрым улыбкой пославшего его к чёрту.

Он пронёс нож за Ниной и положил его на стол:

— Держи.

— Спасибо, — Нина взяла нож. — Что делаешь сегодня?

— Пятница, у меня выходной, — ответил Рома, склоняясь над горячей чашкой, — надо страховку переоформить, ещё хотел на почту сходить, квитанцию прислали.

— Посылка? — под ножом хрустнули вафли и защёлкали, крошась, орешки.

— Непонятно, — он сделал глоток, — заказное письмо, кажется. А ты когда домой?

— Мы тут с Викой хотели посидеть, — кладёт нож в сторону, — у неё дома, она снова с кем-то рассталась, ну, ты понимаешь.

— Опять?

— Ну да, а что? Не везёт ей.

Рома откусил торта, губы почувствовали прохладный шоколад, в нос нырнул горький кофейный запах вперемешку со сладким шоколадным, язык погрузился в сладость.

— Сегодня же пятница, верно? — спросила Нина.

Рома кивнул, разжёвывая кусок, он же только что об этом сказал.

— Мы посидим немного, поболтаем, заедешь за мной?

— Заеду, — согласился Рома, рассматривая повреждения вафельных слоёв, наделанных его челюстью. — Вкусный тортик.

Она позвонила примерно в половине второго ночи. Рома спустился вниз, завёл машину, выехал на улицу и под инструментальные переливы медленного чиллаута почувствовал себя подводником в батискафе на дне Марианской впадины: ночь затопила город, для верности напустив густого влажного тумана, он выбирается из грота и бесшумно плывёт вдоль светящихся жёлтых мачт; безлюдная ночь, как сон, покачивает его застывшие мысли в такт движениям морских литосферных плит, Тихоокеанская плита ползёт на Охотоморскую, и на Камчатке курятся вулканы. Весь день он просидел за компьютером. Одно цеплялось за другое, и почему-то были ножи.

В памяти медленно поднялось, что промелькнуло за день перед глазами: смешные видео, забавные фотографии, аналитические статьи, новости, анекдоты, саркастические демотиваторы, успешные друзья, спортивные машины, анатомия человека, немного эротики и ножи. Перебирая всё это, он преодолевал тягучее расстояние.

Девушки стояли на пустой остановке, дыша туманом. Рома остановился, Нина открыла дверь и села рядом. Её подружка проводила её скованным взглядом с едва заметной, дрогнувшей на губах завистью. Проводив подругу, она задумчиво посмотрела себе под ноги, и направилась к своему подъезду, слегка пошатываясь в неторопливой хмельной походке — её раскачивало красное итальянское вино. Рома поймал его терпкий вкус на губах Нины, и кондитерскую сладость на её языке. Она была слегка пьяна и восхитительно

В шесть часов сорок минут стало светлеть, на горизонте плавилось утро, Рома смотрел на тень замиокулькаса, восковое пятно света медленно ползло

по обоям, повинуясь восходящему Солнцу. Движение пятна свидетельствовало, что Земля по-прежнему крутится вокруг своей оси, а зелёные листья за окном — что, меняя сезоны, она вращается вокруг Солнца, а кроме этого, заодно с ним и другими планетами, все они летят в невообразимо огромном звёздном рукаве вокруг пожирающего материю и пространство ядра галактики. Рома посмотрел в окно: людей было меньше, на Земле — суббота.

— Опять застыл, — сказала Нина. — Порежь лучше хлеб.

Она благоухала ароматом своего любимого фруктового шампуня, на волосах у неё, свернувшись, сидело пышное белое полотенце. Когда она его снимет, Рома увидит Анхель её золотистых волос. Они тоже фруктовые, Нина любит съедобные запахи, любит кофе, бутерброды с помидорами и сыром.

Чтобы хорошо порезать мягкий помидор, нужен достаточно острый нож.

Рома подошёл к столешнице, взял свежий батон хлеба и пошарил пальцами в сушилке над мойкой. Вилки, ложки и металл отзывались сухим жестяным скрежетом. Он вынул нож, перехватил, замыкая пальцы на холодной рукоятке, и повернулся к Нине.

Она сидела за столом, как обычно, к нему спиной. Её душистый халат походил на мягкую булку с хрустящей корочкой. Рома представил, как в неё плавно входит нож. И тут же сам себе удивился, этой спонтанной нелепой мысли, и отвёл руку за спину, и взялся за хлеб. Сталь нырнула в желтоватую корку с привычной бытовой обреченностю. Режущая кромка этого ножа была прямая, как у пилы, голомень ровный и пустой, невыразительный, тонкий обух уходил в остриё безопасным полукруглым скосом, словно сутулый клюв альбатроса, рукоять, будто из того же куска дерева, что и ободранная кухонная доска, по которой он стучал и царапал. Не нож, а недоразумение, такой даже не проткнёт её кожу.

— Ро-ом? — вопросительно протянула Нина, заглядывая через плечо. — С тобой всё в порядке? Ты зачем весь батон изрезал?

— Эм... чёрт...

— Ты чего? Опять в облаках витаешь?

— Да... я...

— Придумал, кстати, что своей маме подаришь? У неё ведь день рождения скоро. Ты же не забыл?

Рома отодвинул нарезанный хлеб и взялся за помидоры. Томатные капли не похожи на кровь, слишком прозрачные и водянистые. Про мамин день рождения он действительно забыл.

— Давай подадим ей цветок в горшочке, — продолжила Нина, разворачивая сыр, — я видела в «Оби» очень симпатичные фаленописсы.

— Давай, — согласился Рома и забрал у неё сыр.

Для сыра больше подходил другой нож, но такого у них не было, к этому никчемному шпателью сыр бесстыдно прилипал. Рома кромсал его, сталкивал пальцами, отлепляя. Настоящий сырный нож, словно змея с раздвоенным ядовитым хвостом — в нем должны быть отверстия, как сырные дырки. И вообще, специальный нож достоин особого уважения, как офицер или как самурай.

— Мне нужен хороший нож, — сказал Рома и сам себе удивился.

— Ну, — Нина пожала плечами, раскладывая помидоры и сыр, — а чем тебя

эти не устраивают?

Рома не ответил, он смотрел, как её тонкие красивые пальцы опускают на хлеб сыр и кружки помидоров, щиплют и сыплют соль, и трясут над бутербродами бумажный пакетик с надписью: «Прованские травы».

— Нет, если хочешь, купи, конечно, — согласилась Нина.

— Да нет, — Рома махнул рукой, — не нужны, передумал.

— Ну, смотри, — Нина спрятала в шкафчик «прованские травы», положила доску с готовыми бутербродами на стол, у Ромы в животе заурчал нетерпеливый аппетит.

Днём в парке была отличная погода и много людей. Дети мельтешили под ногами, словно белки по деревьям. Над землёй висели рыхлые кучевые облака — белая водяная пыль, слипшаяся высокими ватными кучами в восьмистах семидесяти метрах над лесом. Обширные течения воздушных масс тропосферы гнали эти комья на запад, к далёким атмосферным фронтам, где бушевала вечная схватка титанических евразийских циклонов.

— О чём задумался? — спросила Нина, глядя как Рома рассматривает облака.

— Да так, — он остановился, пропуская велосипедистов: двух родителей и мальчика лет восьми.

— Чёрт, — скривилась Нина, — вот же повылезали. Суббота, блин.

— Кто?

— Грёбаные мамаши со своими выпердышами.

Рома не ответил, смущённо оглянулся. Сзади никто не шёл, к счастью.

— Не знаю. Как ты можешь хотеть эту мерзость? — продолжила Нина.

— Какую?

— Как какую? — она хмыкнула. — Детей.

Рома взял паузу. Они прошли до пруда и остановились, рассматривая камьши и уток.

— Мои родители, — сказал Рома, — всю жизнь мечтают о внуках.

— И что? — спросила Нина с едва заметным напряжением.

— Ну, — вздохнул Рома. — А мне уже за сорок.

Одно из облаков заслонило солнце, пруд побледнел под наплывшей тенью.

— Ром, — улыбнулась Нина, — у тебя всё есть: крутая работа, клёвая тачка, квартира, друзья...

— Этих, считай, нет, — хмуро возразил Рома, вспоминая фотографии детей одноклассников, раз за разом напоминавших ему то его выпускной десятый «бэ», то институтскую группу, лица их детей напоминали ему тех пацанов и девчата, с которыми он учился.

— Ты же сам ещё как ребёнок, — Нина приблизилась к нему и обняла, прижимаясь всем телом, он почувствовал на себе её руки и нежный запах её волос, и её в меру твёрдую грудь, — я тебя люблю, неужели тебе этого недостаточно?

Он тоже обнял её, они постояли так тридцать пять секунд и пошли в обход пруда.

— Домой придём, я тебе твой любимый супчик приготовлю, грибной, — сказала Нина, — хочешь?

Рома кивнул и начал думать о работе.

Прошло шесть дней, наступила пятница, выходной день для Ромы. Он пронесся позже Нины, лёгкий сквозняк от распахнутого Ниной балкона гулял по пустой квартире. Позавтракал в тишине. На столе перед компьютером нашёл бумажку с надписью: «Котя, я тебя люблю», и рисунком щекастого кролика. Хотя, может, и зайца. Рома не смог вспомнить, в чём разница, сел за компьютер, бумажку с трогательной надписью он аккуратно переложил на стол Нины, ещё раз улыбнувшись кролику. Стол Нины стоял рядом. Полку над ним украшали четыре керамических поросёнка: мама, папа, сын и дочь. Нина говорила, что эти поросыта — как её семья, очень похожи на родителей и брата. Брата она любила особенно, его поросёнок носил синий полукомбинезон с карманом на фартуке. Сам стол был завален самыми разными Нининymi вещами: заколки, шкатулки, моточки разноцветных ниток, какие-то бумажки с короткими записями от руки, разнообразные тюбики, книги, журналы, и под самым монитором — крохотные конфетки из тех, что бесплатно раздают на презентациях и в приёмных. Рома задумался, потёр большим пальцем подбородок и полез в нижний ящик огромного стенного шкафа. Согласно записям в бортовом журнале его памяти, там должна была находиться «финка». Доставшийся ему от отца нож. Дарить ножи нельзя, — так он сказал, и потребовал у сына какую-нибудь монетку. Роме было тогда примерно двенадцать лет, он ходил в школу и деньги не зарабатывал, и откупился пятаком, сэкономленном на обедах, решив, что отец просто «валяет дурака».

Вообще-то, это была не финка, если и потомок финского пучка, то очень далёкий — слишком широкий и без гарды, но его окрестил «финкой» один Ромин одноклассник, рыжий сопляк с суровым видом разбирающегося в ножах хулигана. Отец сказал, что клинок выточили по его личной просьбе из какой-то танковой стали. Его отец был военным.

Вспоминая всё, что вертелось вокруг этого ножа, Рома целеустремлённо расковыривал слои хлама, смиренно стареющего в шкафу, и, наконец, докопался.

Настоящий серьёзный нож, а не какая-нибудь кухонная стамеска, способная проткнуть лишь помидор. Это был тяжелый крепкий нож со всеми признаками опасного оружия: по клинку шла чёткая грань ребра заточки, скос обуха имел внятный агрессивный наклон и был у самого острия заточен, рукоять начиналась от упора и будто стекала увесистой смоляной каплей к затыльнику, худея на брюшке, а затем снова расширяясь. С одной стороны клинка шел длинный и вместительный дол, две массивные потайные заклёпки удерживали на хвостовике чёрную полированную рукоять. Рома с уважением повертел нож, вытер клинок о штанину и всмотрелся в сумрачную сталь, мерцавшую золотыми отблесками и жаждой кровавых жертвоприношений. Однако, не смотря на однозначную крутизну этого ножа, Рома окунулся в грусть — в угольном тумане памяти эта «финка» сверкала драгоценной рыбкой, а сейчас, несмотря на все свои достоинства, казалась аляповатой деревенской поделкой на фоне тех великолепных ножей, которые продавались в Интернете.

Рома измерил длину, рост клинка «финки» оказался сто тридцать шесть миллиметров.

Утром следующего дня они вдвоём готовили обед. Нина заняла место у каменной столешницы между плитой и мойкой, и, стуча кухонным ножом по деревянной доске, крошила сельдерей. Рома сидел за столом и возился с салами. Колбаса была твёрдая, плотная, и не слушалась. Особенно ей, видимо, не нравился нож, которым Рома кромсал её жирную кровавую палку. «Финка» обладала бритвенным сечением от середины клинка, неподходящим для нарезания колбасы. Кусочки выходили разной толщины, мятые, комканные и неровные.

Расправившись с салами, Рома повернулся к Нине. Она стояла к нему спиной, и спина её находилась как раз на уровне Роминых глаз. На ней были короткие свободные шорты кремового цвета и белый застиранный топик, похожий на огромный дореволюционный биостальтер. Между шортами и топиком находилось голое тело. Рома присмотрелся к пояснице и прикинул место, куда можно вонзить «финку», чтобы достать ею одну из почек. Ему вспомнилась фраза из методички: «...повреждается почечная артерия, возникает сильнейший болевой шок и смерть от внутреннего кровотечения».

— Ты чего затих? — спросила Нина. — Расскажи что-нибудь.

— Что?

— Не знаю. Что ты делал вчера, пока меня не было. На почту сходил?

— На почту? — Рома отложил нож и принял вытирать руки. — Нет.

— А что делал?

— Читал.

— Про что?

— Про что? — он задумался на пару секунд. Она стала мыть огурцы. — Представляешь, Солнце, оказывается, не первая наша звезда.

— Как это?

— Вот так. До неё здесь была другая, намного больше и ярче, она сгорела и взорвалась, разбросав по космосу всякие тяжёлые элементы.

— Это какие?

— Ну, углерод, азот, кислород, калий, магний, железо, да почти всё.

— А их разве не было раньше?

— Раньше? — улыбнулся Рома. — Нет, конечно, откуда? Всё, из чего состоит наш мир, и даже наша вторая звезда, всё оттуда, из того взрыва.

— Наша, — хмыкнула Нина, — она была бы наша, если бы мы существовали, когда она взорвалась, а так она не наша, скорее, это мы — её.

Рома поскреб голову, размышляя над её словами. Нина ловко резала огурец. Он сказал:

— Этот нож, наверное, тоже из частей той звезды.

— Нож? — удивилась Нина.

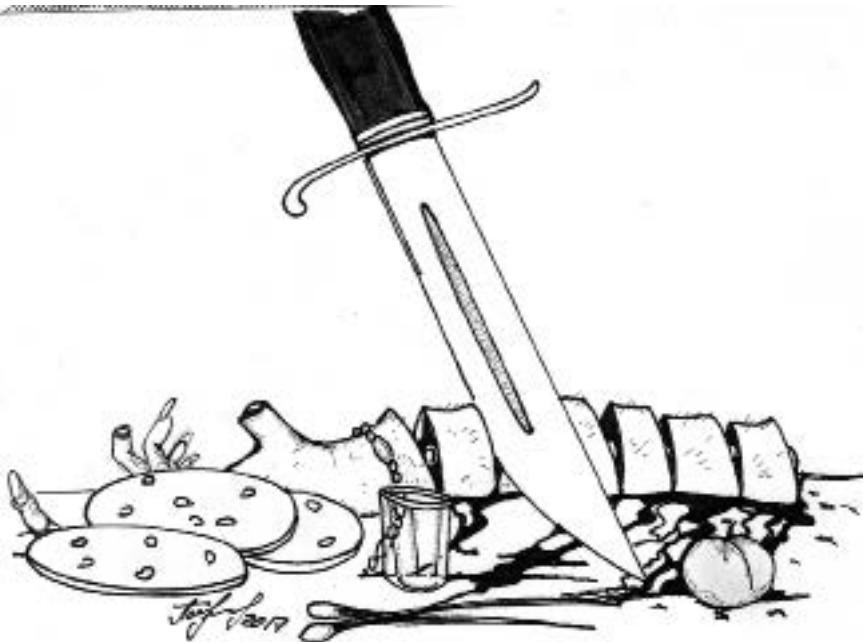
— Да, — подтвердил Рома, — этот нож — дитя той звезды, Солнца номер один.

— Какое же это дитя, чушь какая, дитя звезды, — передразнила Нина, — салами нарезал?

— Да.

— Возьми теперь варёную в холодильнике, её надо кубиками по одному сантиметру. И убери этот жуткий нож, возьми нормальный.

— Мне нравится этим.

Нина глубоко вздохнула, покачивая головой:

— Детский сад, Ром. Зачем тебе ребёнок, ты сам как дитя.

«Наносится глубокий колющий удар слегка снизу вверх с подворотом в ране, в поясницу, чуть сбоку от позвоночника. При этом следует захватить противника своим левым предплечьем за шею сзади, зажать, отклонить немного назад и удерживать ещё несколько секунд до полного его ослабления».

Рома снова посмотрел на голую женскую спину, присматривая место входа ножа. «Зачем я это делаю, — подумал он, ведь я вовсе не хочу пырять её ножом, и она вовсе не противник, фу, да ещё с подворотом, снизу вверх, до полного ослабления, бред какой-то». Он взял из холодильника розовый батон варёной колбасы и отрезал от него кусок. «Финка» вошла так мягко и так приятно, что Рома снова представил, как он толкает нож в мягкое податливое тело Нины, рядом с небольшой родинкой. Которая расположена как раз в том месте, где будет правильней всего нанести удар, представил, как остриё проходит её кожу, как появляются первые капельки крови, сверкающие, словно кремлёвские рубины после дождя.

Он встал и подошёл к Нине, и коснулся заточенным стальным остриём её душистого тела, снизу вверх, рядом с родинкой. И надавил.

РЦЫСЬ, КО МНЕ!

НИКОЛАЙ ЗАЙКОВ

От автора: «Древние люди знали меньше нашего, но были уж никак не глупее. Отсюда в мой рассказ перекочевали некоторые их представления об устройстве мира. Их космология сложна, страшна, но логична. Ну, а любовь... Каждый человек понимает по-своему это чувство. Чаще всего – это именно чувство, хотя и сильное. У отдельных особей любовь доходит до голого генетического дна – и становится инстинктом. Вот об инстинкте, который гораздо старше разума, мой рассказ. Вспомните рыб, идущих умирать на нерест».

Дверца шкафа бесшумно отворилась, и наружу выступила лишённая плоти нога человека. Затем показались фаланги пальцев левой руки, и через миг на коврике перед шкафом стоял стройный мужчина среднего роста. Выходец из шкафа явился не целиком: на коврике стоял Скелет, лишённый волос, кожи, сосудов и прочих мягких частей организма. Лишь обглоданные дочиста кости сохраняли форму тела. Они светились зловещим фосфорическим блеском.

За окном бушевала поздняя осенняя гроза — в поднебесье метались зелёные молнии, косые струи дождя хлестали по стёклам с такой силой, что они прогибались внутрь квартиры.

Скелет, не имея глаз, отлично видел в темноте; точнее сказать, он отлично ощущал окружающий мир. Он казался уродливым биологическим механизмом, управляемым кем-то откуда-то издалека. Его сознание было с ним, но, вероятно, не в нём.

Величественно, как цапля, пришелец проследовал к широкой кровати, на которой безмятежно спали мужчина и женщина. Из-под одеяла высунулась хорошенъянская ножка. «Сделала педикюр», — с нежностью подумал Скелет, разглядывая ноготки бывшей жены.

Обойдя кровать, гость осмотрел любовника. «Умаялся, бедный», — лицемерно пожалел соперника бывший муж и с неожиданной злобой пястными костями правой руки зажал ему рот и нос. Левой рукой убийца обнял торс жертвы. Красивый мужчина некрасиво вытаращил белки, выгнулся, но совладать с неимоверной силой Скелета не мог.

Спустя несколько минут всё было кончено. Женщина не проснулась. Оставив холодеющий труп рядом с ней, Скелет забрался в шкаф, скрючился за платьями, с наслаждением вдохнул аромат родных запахов и отключился от сознания.

Очнулся он от женских всхлипываний и мужских голосов.

— Анафилактический шок, — бубнил бас. — Удушье во сне, частое явление. Никаких следов насилия, ни царапинки.

— Разве так бывает?

— Увы, чаще, чем хотелось бы. Возможно, болел астмой. Или курил много. А тут ещё секс, перенапрягся малость. Впрочем, вскрытие покажет.

— Это ваш муж?

— Нет, приятель по работе, — жалобно ответила хозяйка. — Господи, что я скажу его жене!

— Она знает, что он ночевал у вас?

— Нет, что вы. У него как бы неплановое дежурство.

Ещё какое-то время в комнате что-то передвигали, раздавались сдержаные голоса, затем приехали, видимо, санитары, тело унесли, и наступила мёртвая тишина — почти мёртвая, если бы её не нарушал тихий плач хозяйки. Никто не заподозрил, что произошло убийство, а потому никто и не догадался заглянуть в шкаф, где прятался убийца...

Как он оказался в гробу, Скелет не знал. Люди не помнят коллапсов рождения и смерти. Он очнулся от глухого рыка. Перед ним маячило кабанье рыло с грозными клыками и крошечными красными глазками. Однако рыло не принадлежало кабану, поскольку над харей возвышались бычьи рога с острыми, как шило, кончиками.

— Отдай мне её! — прорычало рогатое мурло.

— Кого?

— Душу, детка! Ведь она тебе больше не нужна, хе-хе, — чудовище изменило устрашающую интонацию на ироническую.

— Где я?

— На том свете, детка. Ты же умер. Забыл разве? Хе-хе, ты за полями плоской карты человеческого мира.

— Кто ты?

— Рцысь. Таких, как я, у вас зовут чёрными копателями. Только те бродят в подземных кладовых в поисках вещиц, а я ишу товар иной, можно сказать — мистический. Слыши — булькает в тебе душонка, вот и открыл домовину. Эх ты, беспокойный покойничек! Заценил игру слов?

— Почему ты, Рцысь, такой... непонятный?

— Хо-хо! Это как глянуть! Скажем так, я нарочно притворился жутким — на твой лад, чтобы ты, детка, изрядно струхнул. Давай мне свою душу и спи дальше, тебе спать полагается.

— Возьми сам, Рцысь.

— Не могу. Душа — вещь хрупкая. Нельзя брать её силой, почернеет, пропахнет. Сам отдаёй — выдохи её в меня. К тому же, дорогой покойничек, при тебе, извини, лишь половина души. Вторая половинка — возле твоей второй половинки, хе-хе! Заценил новую игру слов?

— Что ты несёшь, скотина? Зачем тебе мой последний выдох?

— Не ругайся, дурачина ты, простофиля, — Рцысь окончательно перешёл на дружелюбно-покровительственный тон. — Душа — это энергия, а значит пища, устроенная особым образом. Согласно теории квантовой запутанности она может находиться одновременно в двух местах, например, в тебе и подле твоей стервозной жёнушки. Квантовая когерентность, сечёшь? Про кота Шредингера слыхал? Суперпозиция живого и мёртвого кота одновременно?

— При чём тут квантовый кот?

— В двух словах — я ведь копатель, а не академик. Вот вы, люди, жрёте животных и растения, толстеете и процветаете. А мы, обитатели высокочастотного мира, извини, кушаем души — проще говоря, потребляем феноменальное

сознание человека, сотворённое в течение его дурацкой жизни. А что такое сознание, то бишь душа, если не устойчивая квантовая суперпозиция сознания человека на длинных дистанциях? Сечёшь, друг?

— Не секу, монстр!

— Да и не надо тебе. Главное — сам дурак полный, а сам меня в дураки пишет, — обиделось вдруг чудовище. — Отец-то создал поначалу наш, верхний мир, и нас поселил в нём — для своего развлечения. А мы быстренько подъели здесь всё. Пришлось папочке дополнительно трудиться — творить животный мир, чтобы выращивать в нём вкусненькие душонки — диетическое питание, так сказать, для нас, его возлюбленных ангелов. Тело, детка, — лишь одежда души, как раковина — одежда для жемчужины. Согласись, ценность раковины и ценность жемчужины несопоставимы.

— Обидны мне твои слова, Рцысь. Но вот что. Я вижу, ты мужик деловой, хотя и рогатый. Давай договариваться. Про жену ты правильно сказал. Мне надо попрощаться с ней, я ведь внезапно умер. Проезд к ней оплачу тем, что просишь.

— Здесь трамваев нетути, детка, чтобы ехать, — забормотало рыло. — Папочка постарался — разделил миры пограничной рекой. Стиксом называется. А в реке той бродят, скажем так, погранцы. Стерегут рубежи, хе-хе, детка.

— Хочешь получить душу — помоги перейти реку.

— Э-э, детка, ангелы и демоны по ней не ходят. Но подскажать кое-что могу. Однако дай честное слово, что позовёшь меня, как только попрошаешься с жёнушкой.

— Как же ты переберёшься в человеческий мир, если не ходишь по Стиксу?

— Не боись, детка! — Рцысь уже шипел по-змеиному, его вишнёво-алые глазки разбойно сверкали. — Существует связь — что-то вроде телепортации в один конец. Ты меня позвать можешь, я тебя — нет. Для понимания скажу, что двойник твоего сознания, квантовый слепок, останется со мной; любой трепет твоей души я услышу одновременно с тобой. Но твои мысли — твои скакуны, а не мои. Я могу только подключиться и хранить твоё сознание, но ничего поделать с ним против твоей воли не могу. Скажем так, у меня пин-кода нет. Так устроен мир. Иначе бы мы все ваши души досрочно слопали, как в верхнем мире. Ты повели — прикажи или подумай: «Рцысь, ко мне!» — и квантовый вихрь мгновенно перенесёт меня на твой зов. Влечёт меня к тебе неведомая сила! Фокус такой, хе-хе.

— А если обману?

— Ты, видно, в гробу плохо соображаешь, детка. Понюхай — ты воняешь. А скоро станет ещё хуже. Портится сначала тело, а после душа. Она смертна, детка: твоя драгоценная душа имеет срок хранения. Но пока ещё она булькает. Сюрприз, хе-хе? Большинство людей расстаются с разумом и памятью сразу, как откинутся в мир иной, но тебя держит в сознании ненасытная похоть к твоей бабе. Соглашайся скорее! Видишь, от голода я оброс щетиной, лицо моё превратилось в рыло, ножки в копыта, а уши свернулись трубочкой. Мне требуется покушать! А душа прокиснет — ни тебе, ни мене. Ты ж не собака на сене?

Кабан явно ёрничал, хитрил, юлил; он пропитался хитростью, как чебурек маслом; нечисть — откуда в нём взяться чистым мыслям?

— Ладно, давай подсказку и веди к реке. И не называй меня деткой.

— Навигатор — твоя ненаглядная жёнушка, детка. Ты должен сейчас вспомнить её во всей красе, запечатлеть её для меня в квантовых суперпозициях,

и всю дорогу видеть её перед собой, воображать её, любить её и желать, — сладко-страстно шипел Рцысь. — Тогда Стикс пощадит тебя и выведет прямо к её постельке, хе-хе. А погранцов не шугайся: они против влюблённого мужчины — глупые миражи, хотя и мерзкие...

Перед Скелетом качалась зыбкая стена красного тумана. Он шагнул в магево и едва не упал от натиска огненного вихря. На лице, на руках мигом вздулись волдыри, и кожа полезла лохмотьями. Ужасающей температуры пар скжёг волосы, губы, щёки. Живой человек мгновенно умер бы, но ведь Скелет уже был покойником. Он с трудом сделал ещё один шаг и замер, упёршись ногами в то, на чём стоял. Дно реки зыбилось. Ладони сгорели до костей, похоронный пиджак и рубашка спеклись с кожей, из обугленных рукавов торчали бледные фаланги пальцев. Брюки дымились, на коленях образовались дыры.

Скелет скрипнул зубами и сделал очередной шаг, и ещё один, и ещё один.

Сзади кто-то вцепился в бедро и выдral кус мяса. Скелет повернулся голову — ржавый шакал давился его плотью. Морда зверя напоминала человеческое лицо, разрезанное попарёк громадным ртом. Вокруг рта плотоядно шевелились неопрятная борода и усы. Из-за фигуры шакала летела стая гнусных тварей с тремя рядами зубов и скорпионными жалами. Они бросились на добычу — не все сразу, а поодиночке, чтобы сдирать без помех пузыряющиеся кровью шматы плоти. Порыв ветра примчал тучу шершавого песка, разметал стаю и довершил начатое ею, оголив покойника до костей.

Скелет сделал ещё пару шагов, и перед ним из сумрака возникла массивная жаба с петушиной головой и змеиным хвостом. Жаба закукарекала по-петушиному, подпрыгнула по-лягушачьи и в одно мгновение вышибла медным клювом белые яблоки человеческих глаз. Сквозь пустые глазницы хлынула наружу кипящая кашица мозга, пламя тут же выжгло и вылизало черепную коробку изнутри. Скелет вновь вынужден был остановиться.

Жаба захотела по-бабьи, заухала по-совиному и пропала в багряной мгле. Скелет сфокусировал внутренний взор на милом лице девушки: это была фотография того периода, когда она ещё не стала его женой. Девушка кокетливо улыбалась, хитро поглядывая на него из-под русой чёлки. Скелет улыбнулся в ответ, слегка дрогнула его нижняя челюсть.

— Ты куда, пешеход? — спросил его кто-то. В кровавом тумане белел костяк человека. Такой же путник ада, как и он сам.

— К людям, — прохрипел Скелет. Никаких звуков он, конечно, не произнёс: в реке действовал, как и вообще в потустороннем мире, иной интерфейс для передачи информации. Достаточно было думать, что говоришь, и собеседник отлично ловил мысли.

— Жаль. А я назад. Поквитаться кое с кем. Дорогу знаешь?

— Вперёд?

— Нет, к людям надо поворачивать вправо. Всё время держаться правой стороны. Ты идёшь прямо, а прямая линия ведёт вниз, на дно. Так устроен Стикс: правый берег — люди, левый берег — призраки, а прямо — дно. Держись правее, друг.

— Спасибо, путник. Прощай.

— Может быть, свидимся, пешеход!

Путник двинулся влево, Скелет вправо, и скоро они исчезли в пурпурном мраке...

После ночного убийства минула неделя. Осень удалилась в чужие края, снег упал на деревья и крыши домов. Скелет иногда скучал по своему просторному гробу. В шкафу приходилось подгибать ноги, и от неудобной позы они болели, фаланги пальцев ныли от подагры. Скелет боялся напугать жену и выбирался из убежища, когда она покидала квартиру. Он ложился на твёрдый пол и с удовольствием вытягивал ноги во всю длину — и бедренные кости, и берцовые, и плюсны; затем укладывал крестом на грудине лучевые кости рук и воображал, что он совершенно здоров и находится дома, при этом путаясь, где истинный его дом — в этой квартире или в засыпанном глиной ящике. Призывать чокнутого вепря он не спешил, да и навеки проститься с женой тоже не торопился. Однако энергии в нём оставалось всё меньше.

Скелет плохо думал, его мыслительные функции слабели; приходилось делать усилие, чтобы вспомнить подробности прошлой жизни. Вроде бы он имел когда-то рыжую шевелюру, и пышная причёска покачивалась в такт быстрым шагам, когда он летел по коридорам офиса, дабы поскорее увидеть Людмилу, как он её называл. Над нею посмеивались подружки: мол, как там керосиновая лампа на плечах? Светит покамест, отшучивалась она.

Всё было замечательно!

И свадьба стала роскошной страницей в альбоме их жизни: музыка, улыбки, весна, теплоход, крики друзей и чаек. Потом... осенние листья.

Потом что-то разладилось.

Раскаяние накатывало на молодую вдову, как землетрясение, и казалось столь же страшным своей непредсказуемостью. Когда пол уходит из-под ног, и стены шатаются, и штукатурка с треском валится с потолка, человеку жутко, ибо не дано знать — обрушится ли мир в следующий миг или блаженно затихнет. Людмила жмурилась от острого сожаления, от боли в скрученных нервах и чувствовала, что не вынесет муки, если тоска возрастёт ещё хотя бы на полтона. За окном опять бесновалась буря, но уже зимняя. Свирипый Дед Мороз швырял пригоршни снега в стёкла спальни. Тёмные вихри носились по улицам.

«Что? Почему? — стонала дама. — Зачем я его отравила? Разве нельзя было просто убежать, скрыться, бросить? От себя не убежишь, да ещё хуже, чем отправить мужа в небытие, хуже всю жизнь ожидать, что найдёт, отыщет, упадёт к ногам со своей непосильной ношей — нелепой идиотской любовью. А теперь что? Виновата ли я, что ненавижу его, и ненавидела тем более, чем назойливее он домогался меня? Виновата ли я? Хищник он, а не я! Он, а не я».

Развязка наступила неожиданно. В солнечный и морозный воскресный день вдова хлопотала на кухне, мурлыкала песенку. В дверь позвонили. Бородатый козёл с верхнего этажа припёрся пощипать нежные листочки на яблоньке. Яблонька нуждалась в общении — хотя бы и с соседским козлом! Скелет рассыпал характерное чмоканье и чавканье. Он бесшумно отворил дверцу шкафа. Перед ним в полумetre над полом колыхалась резиновая задница соседа. Бывший муж хлестко стегнул кистевыми костями по танцующим ягодицам. Козёл взbleял и замер.

— Ты чего? — недовольно спросила женщина откуда-то снизу, из-под него.

— Кто-то ударил!

— Никого здесь нет! — хрипло возопила дама. — Продолжай!

Разъярённый мертвец, скребезно осклабившись, отвесил козлинику заду такого здоровенного пинка, что любовники повалились на пол. Скелет высо-ко поднял ногу и направил ступню на искажённую гримасой морду кавалера. В последний миг дама перехватила страшную пятую кость и дёрнула её так, что Скелет промахнулся. Хахаль крутанулся и стремительно упразд в прихожую, оставив на линолеуме извилистую мокрую строчку. Испуганно стукнула дверь.

Женщина неуклюже поднялась, выпрямилась в полный рост и замахнулась. Но не ударила. Так они и стояли некоторое время: обнажённая дама с гневным взором, с белыми полосками от лифчика и трусиков на загорелом теле — и Скелет с пустыми глазницами в отшлифованном черепе. Наконец женщина отступила, шагнула к столику, налила в бокал вина и жадно выпила.

— Ты! — выдохнула она с горечью. — Так я и знала. Мерзавец, восставший из ада.

Скелет застенчиво склонил желтоватый лоб.

— Каждый носит ад в себе. Прости, что я делюсь моим адом с тобой. Я люблю тебя, — хотел сказать он, но не умел.

— Ты любишь только свою похоть! Тебе при жизни мнилось, что здесь во всяком углу по мужику, так ты и с того света явился мучить меня! Ревнивый упырь! Привратник борделя!

— Разве я не прав? Это уже второй!

— Так это ты? Ты?! Ты задушил?

— Посмотри на меня, Людмила: я пришёл к тебе сквозь огненные вихри Стика; манткоры рвали мою плоть на куски; василиск выклевал яблоки моих глаз...

— Мне не нужен вечный раб, мне довольно обычного мужчины! — с ненавистью выкрикнула женщина. — Ты ведь догадываешься, муженёк, ты ведь знаешь, что это я, я — вот этими самыми очумелыми ручками, — она покрутила в воздухе узкие ладошки, — отравила тебя, да, отравила, подсыпала зелье, чтобы избавиться навсегда от ослиных упрёков. Я!

— Нет, нет, не ты! Не ты! Что ты! У меня лопнуло сердце, я вспомнил — у меня просто лопнуло сердце, — хотел воскликнуть Скелет, но не издал ни звука.

— Ты высосал из меня кровь, стыд, совесть. Твоё гадкое залюблиивание — да, залюблиивание, а не любовь — отвратительно. Если бы ты знал, как я ненавижу твоё пошлое лицемерие! Я укокошу тебя вторично, дорогой муженёк, если ты не покинешь меня сейчас же. Возьму самый большой молоток и расшибу твой поганый череп. И вышвырну их в окно. Высыплю, как мешок дерма с восьмого этажа!

Крупная дрожь била женщину; она смотрела на остов умерщвлённого ею мужа с такой яростью, что воздух клубился перед её взором. От его костей побежал едва видимый пар.

— Рцысь, иди сюда, возьми долг, — лязгнули челюсти Скелета. — Я согласен.

Немедленно из воздуха шагнуло чудовище — обросший бурой щетиной двуногий вепрь с бычьими рогами. Дамаглянула на него, охнула и испустила дух. Кабан неимоверно широко распахнул клыкастую пасть и с великой осторожностью поймал лёгонькое облачко — последний выдох несчастной женщины.

Скелет, не шелохнувшись, смотрел на любимую, теперь уже мёртвую любимую. А Рцысь опустил голову и начал стремительное преображение. Словно

колдовской художник одним жестом стёр гадкую картину и на чистом листе создал другую — солнечную. Рядом с упавшей неверной женой стояло юное создание с ангельскими чертами лица и золотыми крыльями над хрупкими плечиками. Прелестные глазки блиставали торжеством.

— Рцысь, ты взял ЕЁ душу? Не мою?

— Конечно, Скелет! — зазвенел серебром чудный голосок. — Твоя душа — плевок болотной плесени. Какой с неё прок? Скоро и она засохнет. Договор исполнен: ты простился с женой, а я сыт. Прощай, детка!

Ангел присел в реверансе и растаял, исчез. С отчёtlивым скрипом Скелет опустился на колени перед распостёртым телом.

— Плевок болотной плесени? Засохнет? Я — её убийца?! Я!!! А ты намерен жить с её душой, Рцысь! С её румянной, наивной, яблочной душой? Так не будет же этого никогда!

Красное вино Стиksa мутило сознание. Оно ещё жило, оно ещё пульсировало — в самом Скелете или где-то в другом месте, но запечатленная душа скелета ещё окончательно не распалась на фотоны. С минуту Скелет лежал рядом с телом жены, чувствуя, что умирает, умирает вторично и бесповоротно.

Булькала вода в забытой кастрюльке. Скелет пополз на кухню. Перед ним сиял образ той, любовь к которой поддерживала его силы. Он добрался до газовой плиты. Опрокинул кастрюльку на огонь, и розовый лепесток увял. Газ наполнил квартирку кислым запахом. Скелет приподнялся, нашупал на столике и зажал в непослушных пальцах маленький предмет.

— Рцысь, я зову тебя! Рцысь, иди сюда! — грозно прошептал дважды обманутый и дважды убитый мужчина.

Зашелестели ангельские крылья, и одновременно крутилось колесо зажигалки. Взрыв газа вышиб двери, стёкла, стены и выбросил на асфальт, на заснеженные деревья ошмётки костей и перьев.

СЕРГЕЙ КОРНЕЕВ

Автор о себе: «Родился в 1987 г. Отец, муж, журналист, преподаватель, коренной москвич, заядлый путешественник, книжный червь, редактор дружественного онлайн-журнала DARKER, автор программ и занятий по занимательной науке для детей. В детстве познакомился, благодаря отцу, с мрачной фантазией Эдгара Алана По; леденящими кровь русскими народными сказками о нежити и чертовщине; изверганными японскими легендами, в которых красавицы оборачивались паучихами; и кровавым бурлеском „Зловещих мертвецов“. Несмотря на то, что было страшно, аж жуть, сразу осознал любовь к жанру. Данной публикацией начинаю творческий путь».

«Втайне он вообще не верил в смерть, главное, же, он хотел посмотреть — что там есть: может быть, гораздо интересней, чем жить в селе или на берегу озера; он видел смерть как другую губернию, которая расположена под небом, будто на дне прохладной воды, — и она его влекла».

Андрей Платонов, «Чевенгур»

«Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет».

Ин.11:25

И вот Петрович умер.

Он даже не сразу понял это. Ощущение было такое, словно в горле стоит ком, который никак не сглотнёшь, а глаза залила ледяная вода.

Последующие дни заняли хлопоты. Его бездыханное тело увезли в похожей на пенал машине, которую тряслось на ухабах. В тёмном и прохладном помещении его клали на холодную жёсткую перевозку. Где-то между всем этим он слышал, как голосит баба. Но ни лица её не видел, ни окружения. Догадывался, что это плачет его жена. Но стылая вода сменилась едким дымом, который застилал глаза и жёлтёкие; грудь больше не вздымалась и не опадала.

Пришёл он в себя от острой боли. Словно в центре его была застёжка-молния и вот её резко раздёрнули.

Валера любил не свою работу, с трудным греческим названием, а тот комфорт, который она дарила. Тишину и спокойствие, которые стали привычными настолько, что любое постороннее волнение, вторжение очередной перевозки, воспринималось особенно сильно. Любил размеренность и плавность действий, чёткий порядок. Любил за то, как близко сошёлся с главным интересом своей жизни.

А интересовала его смерть.

Есть она? Нет? Что там, за гробовой доской? Ведь это именно он, Валера, встречал их, покойников, на самом пороге. Он должен был провести с ними последние часы перед тем, как гроб опустят в тучную землю.

И выполняя привычные движения, проводя осмотр и вскрытие, он вопрошал.

ПЕТРОВИЧ

Он закидывал мертвецов вопросами. Надеялся, и искренне верил, что однажды получит ответ.

Он спрашивал лёгкими прикосновениями пальцев до гуттаперчевой кожи. Он спрашивал, подолгу вглядываясь в затянутые матовой пеленой глаза. Он спрашивал, прислушиваясь к посмертным бурлениям тела. Он спрашивал, укачивая на руках каждый изъятый орган.

Но трупы молчали.

А Валера не расстраивался, и зла них не держал. Только продолжал аккуратно выполнять свою работу, ожидая, что однажды и он, наконец-то, заразится смертью. Как неосторожный хирург может подцепить инфекцию, так и Валерий примет смерть в себя и поймёт всё окончательно.

Валера сделал первый разрез.

Под скальпелем разошлась плоть. Не влажно и аккуратно, со смаком, как то происходит на операционном столе, когда врачи ещё на что-то надеются, а по-особенному. Как будто распороли старую серую половую тряпку. Тело мертвеца раскрылось нехотя; его не жизнь распирает, а сила тяжести оттягивает мясистые края.

Валера спросил брюшину и спросил укрытую синеватой, как целлофановой, плёнкой грудину: «Смерть есть?»

И взялся за пилу.

Пусть он и получил медицинское образование, но искра мистики продолжала гореть в беспрозветной тьме его знаний. Её порождало сомнение. Очень простое, человеческое. Неужели мы уходим — и с концами? Такая прорва мыслей, чувств, страхов и неуверенности. И всё — на корм червям?

Он отделял внутренние органы, осматривал, взвешивал и снова углублялся в разверстое чрево. На прозекторский столнатекла медленная ленивая кровь мертвеца.

Валерий пытался понять, где, в каком уголочке, в какой пустоте или, наоборот, прижизненной мозоли, сохранялась частичка того... Того... Он каждый раз волновался, даже думая об этом слове.

Душа.

Он выбрал кишечник толстый и тонкий, промыл его гибкие трубы холодной водой, и осмотрел на предмет язвы или других повреждений.

Древние греки полагали, что душа человека в сердце.

Мы сегодня предпочитаем ассоциировать себя с сознанием, с мыслью, с разумом. То есть со склизким серым полуторакилограммовым гречким орехом, что теснится в черепе.

Валерий часто думал о мироощущении, которое должны формировать такие убеждения. И если подумать о себе повседневном, то представляешь своё «Я» парящим в полутора метрах над землей. А как думали о себе греки? Не парил ли их внутренний взор на уровне груди?

Так, мысль за мыслью, Валерий спокойно и неторопливо перетёк к трепанации. Работа успокаивала его. Дарила ощущение насыщенности, ведь он не прекращал поисков. И в то же время руки были надёжно заняты. Он провёл скальпелем от уха до уха через макушку: точно, быстро и уверенно, как инженер чертит линию на строительном плане. Нырнул пальцами под кожный

край и вывернул скальп на лицо.

На глаза Петровича опустилась плотная вуаль. Взвизгнула электропила и в воздухе, напоённом резкими химическими запахами и холодом, запахло жёной костью.

Мозг был извлечён и теперь лежал рядом с опустевшей скорлупой. Весь покрытый паутинкой синих сосудов. Но ведь не здесь, не в этой мозолистой массе?..

Валерий продолжал задаваться вопросами и надеялся, что однажды найдёт ответ. А может, соберёт головоломку из разрозненных кусочков, таких разных, таких непохожих друг на друга и плохо подходящих один к одному. Он внимательно посмотрел на труп. Все они похожи. Уже не люди, а человеческие оболочки, будто спущенные воздушные шарики. И всё же, в каждом, где-то, неизвестно где, заключена жемчужина с ответами.

Перед ним на эмалированном столе с чёрными спинками, где покрытие сколовось, лежал мужчина. На вид за пятьдесят. Поседевшие виски, жёсткая щетина, которая после смерти пробилась сильнее. Валерий завернулся обратно с лица кожаный край и заглянул в глаза, полуприкрытые расслабленными веками.

Что-то было в этом взгляде. Болотный огонёк, светлячок, горящий со дна бездны. Свет такой слабый... Чтобы различить его, нужны не зоркие глаза, но фантазия. И тогда Валера задрожал от знакомого возбуждения.

Да. Эта одна из тех жемчужин, которые он собирает все вместе, нанижет на нитку и сможет, перебирая как чётки, по тысяче раз за раз задаваться своими вопросами.

Он не отпускал взгляд мёртвых глаз. Дотянулся до столика с инструментами и не глядя выбрал стальной щуп и скальпель. Несколько простых и увереных движений и вот глазной шарик лёг на ладонь патолога-анатома.

«В отчёте напишу, что повредили во время перевозки. Придумаю что-нибудь», — привычно подумал Валерий.

Петрович всё чувствовал.

Как его разрезали от кадыка до паха, как порезы появились и на плечах. Он даже представил себе этот узор — будто след от птички на снегу, у которой только два пальца спереди. Патолога-анатом бесцеремонно шарил в его внутренностях.

Петровичу было не больно, но мучительно. Словно его тянули-тянули, изматывали. И как только эскулап оттирал очередной орган, наступал момент облегчения. Как больной зуб вырвали — раз, вспышка, отходняк и только через минуту наступала непрекращающаяся ноющая боль.

Хуже стало, когда ему на лицо положили какой-то шерстяной обрезок. Он и так мало что мог различить — с глазами что-то случилось, зрение стало мутным, словно смотришь из-под воды. Но хотя бы видел свет, яркие полосы ламп. А тут наступила тьма. И стало страшно.

Вскоре повязку сняли, но мир накрыла тень. Тень мигнула и половина зрения Петровича погрузилась во тьму. Он так и не понял что произошло.

Впрочем, все это не вызывало у Петровича удивления. Пока что жизнь после смерти была лишь продолжением, которое имело свой быт и понятные правила. Но как обстоят дела с тем, что рассказывали люди? Рай, Ад, Бог, а может, гурии или перерождение в корову? Что может с ним случиться завтра

и случится ли? Неужели это конец или что-то будет после?

От мыслей Петрович погружался в смертельную дремоту.

Очнулся вновь на своих похоронах.

Один глаз по-прежнему не видел, а в остальном, как истинный верующий, он различал лишь свет и тьму. Вокруг было шумно, суетливо и раздражал скрежет колченогих стульев по истёртому паркетному полу.

Людская масса бродила, раздавалась вширь разговорами полушёпотом, кряхтением и покашливанием; бессильно всхлипывала женщина.

Гроб с Петровичем поставили посреди комнаты, и смертью своей он занял всё свободное пространство. Живым оставалось тесниться по стенам. Кое-как внесли и установили на оставшемся пятаке стол, поставили водку и чем закусить. Свет люстры множился в коричневых лакированных стенках шкафов и проливался сверху на запрокинутое лицо покойника. Собравшиеся взглянули на него и, не чокаясь, выпили.

«Пока не меня», — подумал каждый.

Потянулись слова прощания, поцелуи в холодные губы, за окном просигналила белая буханка «пазика» с табличкой «Ритуал». Люди набились в прихожую, толкались, мешали друг другу, каждый искал то свой шарф, то бобровую шапку, надевали тяжёлые пальто на согнутые спины.

Петровича зарыли на кладбище за городом.

Гроб опустили в прямоугольную яму, края которой дышали октябрьской землёй, ещё помнящей бабье лето.

Петрович лежал на неуютных жёстких сосновых досках и слушал, как с мягким стуком падают комья земли на крышку гроба. Его тело распирало от трупных газов. Он чувствовал, как по всем его членам идут особые процессы умирания, которые неизвестны никому из живых. Разве только прокажённым, которые гниют заживо. Он мучился.

Который день, неделю, месяц Петрович был заточён под землёй? Он ощущал, как тело разрушает само себя. Клетка за клеточкой, ткань за тканью. Словно его бросили в пасть ненасытному демону, и он варится в его желудочных соках. Невозможностерпеть.

Под кожей завелись мириады прожорливых тварей, настолько мелких, что никогда не увидишь без микроскопа. Кожа лопалась, сочилась гноем и вонючими жидкостями, слезала лохмотьями. Обнажилось мутное позеленевшее мясо человечье. Почти вся кровь собралась на спине и пудовым гнётом давила, растягивала сосуды, тщилась порвать спину.

Завелось червиё.

Теперь он понял доктора, резавшего его на части. Вспомнил каждое слово из его бормотаний. Где жизнь? В каком закоулке она прячется? Хотелось поднять руки, растерзать себя, размять, раздавить и развозить по доскам гроба то укрытие, где хранилась искра. Прекратить боль. Живое гниение, острое

жевание тела.

Сознание путалось, сворачивалось в шипящие змеиные клубки, завязывалось узлами бесконечности. Мысли крутило и мутило, но они не прекращались. Непрерывный суд охватил само бытиё.

Но руки не поднимались.

Даже кричать было нечем.

Десны усохли и обнажили вампирские зубы. Губы натянулись в узкую полоску и лопнули. Живот провалился, и было слышно, как кто-то там лакомится обмякшей плотью.

Бога нет. Дьявола нет. Никто не заберёт его с продлёнки жизни. Петрович хотел кричать от отчаяния. Но рот и связки не подчинялись. Только он сам, во плоти, в теле, и непрекращающаяся боль умирания. Он мыслил, а, следовательно...

И тогда он услышал отдалённый гул, как от надвигающегося на пустой чёрный ночной полустанок локомотива. Гул приближающегося урагана. Гул сотен и тысяч голосов. И все они кричали. Все они были рядом, по-соседству, и каждый пронумерован на своём месте на кладбище.

И Петрович завыл вместе с ними.

ГОСТИ

ИВАН ШВАРЦ

Автор о себе: «Родился в 1989 г., вырос на севере, в Ханты-Мансийске, сейчас живу в Тюмени. Образование и род занятий – математик-программист. Женат. В 14 лет пытался написать fantasy-роман, вышло странно. В жанре ужасов больше всего ценю интересный сеттинг и эффект погружения».

— Чёрт...

Он отбросил потухшую спичку. Жёлто-чёрная свеча не загоралась.

— Ну, давай же, давай!

Вновь раздался протяжный скрежет, и кромешную темноту озарилось мерцающее сияние. Наконец, на кончике обожжённого фитиля зародился крохотный янтарный огонёк. Чёртова сырость! Юноша глубоко вздохнул и опустился на колени. Он был совершенно голый, высокий и худощавый. Тонкие руки от плеч до локтей покрывали глубокие царапины, живот пересекали длинные рваные шрамы.

— Взываю к вам, владыки,зываю на коленях... Явитесь по зову плоти, явились на запах...

Поскуливая, он впился острыми ногтями в свои плечи.

— Явитесь по зову плоти! Явитесь на запах.

Свеча чадила, наполняя воздух гарью и запахом жжёной шерсти. Дыхание юноши стало тяжёлым и судорожным, на бледной коже выступили капельки пота. Из потревоженных царапин потекли вязкие тёмно-бордовые ручейки.

— Явитесь на зов!

Из темноты донёсся нарастающий стрекот, свеча разгорелась чуть ярче.

— Червь...

— Воззвал.

— Владыки! — радостно воскликнул юноша.

— Один пришёл...

— Без угощения.

— Скоро, владыки! Нашёл уже, скоро! Как просили, владыки, как просили. Только... Владыки... Умоляю!

Раздался утробный, булькающий смех.

— В последний раз...

— В долг.

Комната огласил сдавленный визг, быстро сменившийся глупым беззаботным смехом. Жёлто-чёрная свеча потухла.

— Добрый вечер. Ваше имя?

Саша представился. Коренастый охранник прошептал что-то в рацию и, дождавшись ответа, попросил его заглянуть в объектив небольшой камеры.

— Хорошо, можете проезжать.

Тяжёлые ворота поползли в стороны, открывая вид на бледное пятно двухэтажного особняка. Сквозь плотно завешенные окна пробивался тусклый свет.

Он оставил машину под широким навесом, поднялся на порог и постучал. Послышались шаги, дверь приоткрылась и в полумраке прихожей он разглядел высокую, стройную девушку, одетую в строгое вечернее платье.

— Александр? — с улыбкой спросила она.

Саша кивнул.

— Рада вас видеть. Меня зовут Мария. Прошу за мной.

Они шли по длинному узкому коридору.

— Могу я узнать, отчего вы решили посетить нас, Саша? — спросила Мария, не оборачиваясь.

— Любопытство, в основном. Филипп уверял, что у вас бывает очень интересно.

— Разумеется. Но что именно он рассказывал?

— Честно говоря, ничего конкретного. По большей части, «приходи — не пожалеешь».

— Филипп себе не изменяет. Так или иначе, в нашем заведении мы стремимся поддерживать атмосферу интимности и взаимоуважения, вне зависимости от интересов гостей. Вы меня понимаете?

— Понимаю, — ответил он с лёгким раздражением. Ох уж этот пафос...

— Хорошо, — они остановились у лестницы, ведущей на второй этаж. Сверху доносился тихий шелест человеческих голосов. — Здесь я вас оставлю. Добро пожаловать в «Омут». Желаю вам приятного вечера.

Он поднялся в просторную залу, освещённую тёплым светом старомодных электрических ламп. Гости «Омута» — мужчины и женщины самых разных возрастов, — занимали глубокие кресла и мягкие кожаные диваны, небольшими островками раскиданные по всей комнате. На бежевых стенах гнездились в резных рамках старые чёрно-белые фотографии, в дальней части пыпал матово-чёрный камин, неподалёку от которого высилась барная стойка. Приятно пахло табаком и дорогими духами.

— Саш, привет! — он повернулся на голос. Размашистой походкой к нему направлялся Филипп. — Очень рад тебя видеть!

— Привет, — ответил Саша, пожимая протянутую руку. — Уютно здесь...

— О, ещё как! — Филипп подхватил его под локоть и повёл вглубь залы. — Как ты, нормально доехал? Проблем не возникло?

— Нет, всё нормально.

— Скажи, за такие деньги, ещё бы и проблемы!

Саша хмыкнул, припоминая размер вступительного взноса. Не сказать, чтобы он был разочарован, но явно ожидал чего-то большего, чем ретро-интерьер и симпатичная девушка-администратор. Филипп, будто прочтя его мысли, весело махнул рукой:

— Расслабься, не всё сразу. Скоро сам поймешь.

Они остановились у небольшого диванчика, на котором пара молодых людей обсуждала что-то с низенькой, толстоватой девушкой.

— Добрый вечер, дорогие собратья! — звенящим от восторга голосом обратился к ним Филипп. Девушка удивлённо посмотрела на Сашу, мужчины переглянулись. Затем один из них встал и, поправив пиджак, пожал Филиппу руку.

— Добрый, Филипп Евгеньевич. Чем обязаны?

— Да вот, ввожу новичка в нашу тёплую компанию.

Мужчина нахмурился, а затем повернулся в сторону Саши:

— С кем имею честь?

— Саша.

— Приятно познакомиться. Вадим, — он вновь перевёл взгляд на Филиппа. — Общительный вы какой.

— Не меньше вас, Вадим Андреевич. Кстати, всё хотел спросить, как дела в сфере высокого искусства? Татьяна, как поживают ваши хрюшки? — Филипп посмотрел на низкорослую девушку.

— Хорошо поживают. Честно говоря, не ваше это дело, — ответил за неё Вадим.

— Разумеется, нет. Куда уж нам до больших художников! — тем же добродушным тоном сказал Филипп и, манерно раскланявшись, утянул Сашу в сторону пары свободных кресел.

— Что это было? — озадаченно спросил Саша, присаживаясь в кресло и поглядывая в сторону странной компании.

— Так, небольшая постыдная тайна... — Филипп откинулся на мягкую спинку. — И даже немного скучная. Эта девочка, Таня, вроде как художница, портретист. Замороченная, со своей философией, большими идеями и прочей лабудой. Ну и как-то она решила, что для её художеств краска — плохой проводник. Типа, для картин живых людей нужна органика. Сперва она перебрала всё, что можно выдоить из человека, ну, там слюна, моча, сперма... Да бог знает, что ещё! И пришла, предсказуемо, к крови. Человеческой. Коровья, говорит, совсем не то. Сперва себя резала, потом у знакомых покупала, а потом, каким-то чудом, повстречалась вот с этим Вадимом. Ну, и нашла себе покровителя, он-то её сюда и привел. Теперь у него, говорят, целая коллекция портретов, — Филипп подмигнул. — И того, второго, Глеба, тоже он привел. У них тройное увлечение: Глеб ищет шлюху посочнее, глушит и привозит на ферму — это у них, вроде, подвал такой, где-то за городом, — времяя от времени туда заглядывает Вадим, выбирает очередную «хрюшку» — и на крюк, свежевать, кровь сливать, ну, а Танька потом рисует. Как-то так.

— Это серьёзно? — хмуро спросил Саша.

— Куда уж серьёзнее... — ответил Филипп, отворачиваясь в сторону камина.

Несколько минут они сидели молча, Саша обдумывал слова Филиппа. Глупости...

Но Филипп заговорил вновь и его лёгкий, шутливый тон окончательно сменился мрачной серьёзностью:

— Ты пойми, все эти художники-эстеты — это всё ерунда, мелочь. Вон там, видишь двух парней у бара? — он указал на высокую стойку, за которой двое прилизанных молодых людей неспешно потягивали коктейли. — Ценители женского тела, точнее, лучших его частей. Собирают их, по живым и мертвякам,

а потом сшивают вместе. И, заметь, не абы как, а ровно, аккуратно. Так, чтоб красиво было, понимаешь? Ну, и трахают потом то, что вышло, на глазах друг у друга. Занятные ребята, но не вполне адекватные. А, к примеру, вон те дамы, — он махнул рукой в сторону троицы женщин, на вид, лет пятидесяти, — с ума сходят по трупам, особенно детским, особенно кривым. Травмированным, обгорелым и так далее. Я бывал у них в гостях — целая кунсткамера. В общем, тут у многих есть свои, так скажем, нестандартные интересы. И есть люди опасные, как те парни, а есть относительно безвредные. Будь общительным — и узнаешь много нового.

Он посмотрел на часы.

— Впрочем, есть и совместные увлечения. Увидишь, с минуты на минуту.

Саша невольно поежился. Да что за бред этот Филипп несёт? Они общались около полугода, и для Саши Филипп был всегда в меру весёлым, легкомысленным ребёнком очень богатых родителей. Таким, какие обычно и составляют основной контингент всяких непомерно элитныхочных клубов вроде этого «Омута». Сегодня он впервые показался ему стариком, уставшим от жизни и, что самое жуткое, совершенно искренним. Но эти его байки... Чушь же, ей-богу! Вадим этот со своими «хрюшками». Ерунда какая-то.

— Знаешь, я пойду. В другой раз... — сказал Саша, вставая.

— Поздно, Саш. Как друг тебе рекомендую, сядь.

Саша хотел было ответить, но двери распахнулись, и в зал вошла Мария. Шум голосов притих.

— Дорогие гости! Как вы знаете, сегодня у нас особый вечер. Сегодня мы можем разделить кулинарный триумф и гастрономическое наслаждение с одним из самых искусных мастеров Европы. Этот человек не в первый раз балует нас своим присутствием, но каждый его визит — большая честь и огромное событие для нашего скромного заведения. Прошу приветствовать — Мастер Вэйно.

Раздались жидкие аплодисменты.

Вслед за Марией вошёл невысокий мужчина средних лет, облачённый в белоснежный поварской костюм. Он был седоват, коренаст и имел кавказские черты лица. Из-под лохматых бровей поблескивал острый и тяжёлый взгляд.

Несспешным, уверенным шагом они прошли к барной стойке, туда, где в окружении диванов и кресел пряталось некое подобие сцены. Повернувшись к зрителям, Мария несколько раз громко хлопнула в ладоши: двери вновь раскрылись и четверо мужчин внесли в комнату широкий поддон с тремя крупными овальными предметами, наглоухо закрытыми полотнами темно-синего бархата.

Резким движением Мастер Вэйно сорвал два полотна. По залу прокатилась волна одобрительного шёпота, а Саша от неожиданности опрокинул на себя бокал, который держал в руках.

Под бархатом оказались две металлические клетки, выполненные в форме взрослого человеческого тела, поставленного на четвереньки. В одной из них находился стройный, атлетичный мужчина, совершенно голый, с ма- ской-кляпом во рту. Его руки, ноги и торс были привязаны к тонким прутьям широкими красными лентами. Мужчина остервенело вращал глазами и вяло

подёргивался. По соседству, в таком же положении стояла белокурая девушка, полноватая и розовощёкая. Под клетками были установлены стальные раковины, сплошь покрытые темными разводами.

Саша резко дернулся, вновь собираясь встать, но Филипп схватил его за руку и зло прошипел:

— Последний раз прошу: успокойся. Не поймут.

Он опустился обратно в кресло. Сердце клокотало где-то у самого горла.

В это время Мастер Вэйно торжественно скинул полотно с третьего предмета — под ним был серебристый кухонный столик с небольшой газовой плиткой, сковородками, парой мисок с зеленью, батареей соусов и подносом с набором сверкающих ножей и горкой резиновых жгутов.

Продемонстрировав свой арсенал, повар отошёл на край сцены, пропуская Марию к клеткам.

— Уважаемые гости, напоминаю: Мастер Вэйно приготовит для каждого из вас одно-единственное неповторимое блюдо. Вы можете выбрать пол, а также любую часть на ваш вкус. Мы готовы начать, Мастер?

Повар кивнул.

— Прекрасно. Прошу вас, дорогая! — с улыбкой Мария обернулась к хрупкой девушке, сидящей неподалёку от сцены. На вид гостье было не больше двадцати — с короткой стрижкой, редкими веснушками и робким, невинным взглядом. Она встала, неловко помахала кому-то рукой и прошла к клеткам. Деловито погладив обнаженные бедра белокурой девушки, она ушипнула пленницу за бок, а затем обошла вокруг и глянула в глаза. Пленница ответила жалобным хриплым рыком, вырвавшимся из-под маски-кляпа. Гостья ухмыльнулась и подошла к клетке с мужчиной. Вновь последовали поглаживания и щипки. Затем, будто подводя для себя некий итог, она отошла на несколько шагов назад, сказала что-то Мастеру Вэйно и, с той же невинной улыбкой, вернулась к своей компании. Повар взял со стола узкий филейный нож, пару жгутиков, и направился к клетке с мужчиной. Просунув длинное лезвие через прутья, он быстрым движением срезал с правой ягодицы толстый слой кожи, отогнул его и, ловко орудуя инструментом, принялся вырезать кусок мышцы. Несмотря на плотный кляп, по зале разнеслись приглушённые вопли. Саша в ужасе закрыл глаза, но, спустя пару секунд, открыл их вновь — в темноте ему вдруг показалось, что все гости «Омута» разом обратили к нему свои взгляды.

Между тем Вэйно отошёл к своему столику, положил парное мясо на бу-мажное полотенце, развёл газовую плитку и, не обращая на гостей ни малейшего внимания, занялся готовкой. Через несколько минут до Саши донесся тяжёлый и, что самое жуткое, аппетитный мясной аромат.

Слегка обжарив кусок, повар сервировал блюдо и взмахом руки подозвал официантку. Гостье был подан слабой прожарки стейк, украшенный веточкой розмарина и парой листьев салата.

— Господа, не стесняйтесь! — подала голос стоявшая чуть поодаль Мария.

Тщетно пытаясь унять дрожь, Саша, бледный и взмокший от ледяного пота, наблюдал за гостями: они, как ни в чем не бывало, по очереди подходили к клеткам,

выбирали понравившиеся части, сообщали Мастеру свои пожелания и, в томительном ожидании, возвращались на свои места. Художница Таня — теперь-то он уже не сомневался в истории Филиппа, — задумчиво возила по тарелке небольшим полусырым кусочком, набрасывая бледно-красными линиями какой-то рисунок. Прилизанные «ценители женского тела», сидевшие за барной стойкой, с интересом ковыряли вилками что-то мягкое и желобразное. Сдавленные вопли живых угощений становились все более вялыми. У мужчины, помимо ягодицы, уже отсутствовал крупный кусок бицепса и часть левого плеча, а у девушки не хватало правой икроножной мышцы и правого же уха, а левая грудь пустым мешочком спадала прямо на металлические прутья — каким-то образом, повар умудрился вырезать из неё кусок.

Филипп, к счастью, заказ не сделал. Он всё также сидел напротив, молча прихлёбывая из своего бокала. Кажется, происходящее его никак не заботило.

— Да ладно, чего расстроился? Это же не ты в клетке сидишь.

Перед Сашиними глазами предстал образ: он стоит на четвереньках, голый и беспомощный, а хмурый повар орудует в нём длинным острым ножом. В памяти всплыли слова Вадима: «Общительный вы како й».

— Не знаю. Мне кажется, в этом есть что-то естественное, в пищевой цепочке, — продолжал Филипп. — Люди порождают общество, которое пожирает людей... Общество, в свою очередь, порождает гостей «Омута», и те, как видишь, пожирают общество. Ну, а из гостей «Омута», рано или поздно, выходит следующее звено — и угадай, кем пытаются они? Всегда есть тот, кто хочет тебя сожрать...

— Ну, а я-то здесь причём? — дрожащим голосом спросил Саша.

Филипп одним глотком осушил бокал и прищурился.

— Саш, ты мне нравишься, честное слово. Не стану врать, сперва я тебя, как человека, не понял. Какой-то ты был скучный, напряжённый... А потом ничего так, можно сказать, расцвел. Вот я и подумал: «Наверное, этот парень именно тот, кто мне нужен!».

— Да о чём ты? — Саша почувствовал, как липкая капля пота стекла вниз по виску.

— О себе! И о своей маленькой, невинной тайне, которой я очень хочу с тобой поделиться. Ведь на самом деле мы с тобой очень похожи, ты и я. Но ты пока этого не видишь, а вот я, можно сказать, нутром чую.

«Ни хрена мы не похожи», — пронеслось в голове у Саши.

— Ладно, я смотрю, ужин тебя не радует. А зря, Мастер Вэйно у нас не часто бывает. Ну, тогда, может, отайдем ненадолго?

Саша ощутил новую волну страха — идти за Филиппом ему совсем не хотелось. Присутствовать в этом кошмаре, впрочем, хотелось ещё меньше — как раз в этот момент молчаливый повар быстро и методично орудовал в глазнице девушки длинным спиральным инструментом. Обречённо кивнув, Саша поднялся с кресла и на ватных ногах отправился вслед за приятелем.

Филипп вёл его вглубь особняка.

— Я снимаю тут одно помещение, оно, конечно, тесновато, но выбирать не

приходится. Больше Они никуда не приходят. Как и сказал, одни следуют за другими. Пищевые цепи, знаешь ли...

Саша почти не слушал, просто шагал следом, как во сне.

Они миновали несколько узких коридоров и спустились по небольшой крутой лестнице, ведущей в подвал. Вдоль серых стен тянулись одинаковые металлические двери. Филипп подошёл к одной из них и достал ключ. Звонко щёлкнул замок, и дверь приоткрылась, выпуская в коридор густой запах плесени. Филипп скользнул в проём, поманив за собой Сашу.

Комната была низкой и тесной. С потолка на коротком кабеле свисала тусклая лампочка. В центре, прямо на полу стояла толстая жёлтая свеча, в её мутном воске чуть заметно чернели какие-то мелкие вкрапления. Обильные следы сажи говорили о том, что свечу часто зажигали. Мебели, не считая стоявшего у двери деревянного стула, не было.

— Добро пожаловать в мою скромную келью! — бодрым голосом объявил Филипп. — Теперь расслабься и ничему не удивляйся.

С этими словами он начал быстро раздеваться, складывая одежду на стул.

— Ты чего? — спросил Саша.

— Да погоди ты...

Обнажившись, Филипп щёлкнул выключателем и комната погрузилась в непроглядную тьму. Вспыхнула спичка, слабо осветив контур его худощавого тела. Спустя пару попыток фитиль с треском разгорелся.

— Просто стой и молчи, ладно?

— Я хочу уйти.

— Да твою ж мать, ты можешь просто пару минут помолчать? — взвизгнул Филипп, вставая на колени.

От едкого дыма кружилась голова, а тело быстро наполнялось тягучей слабостью. Саша попытался отойти к выходу, но не устоял и беспомощно осел на холодный пол. Со стороны Филиппа донеслось тихое бормотание. Послышалась глухой треск — будто кто-то надорвал кусок марли. Голова кружилась всё сильнее и сильнее.

Внезапно Филипп вскинул голову и посмотрел прямо перед собой, в темноту.

— Владыки... — проговорил он.

Саша перевёл взгляд туда, куда смотрел Филипп — ничего. Его затрясло в ознобе. Он услышал, как на бетонный пол падают капли его пота. Кап. Кап. Тук. Он попытался расстегнуть пуговицы рубашки, но пальцы не слушались. Тук. Тук. Тук. Слишком часто. Он прислушался — в комнате нарастил глухой стрекот.

— Владыки! — повторил Филипп.

Пламя свечи стало ярче. Мутным взглядом Саша разглядел в глубине комнаты очертания двух высоких существ. Он услышал голос — низкий, гортанный, обволакивающий.

— Сосуд...

— Угощение.

Одно из существ направилось к Саше. Словно тень из кошмаров, в полумраке простояло грунтовое тело, блестящее подтеками желтоватой слизи. Раздувшую гнойную плоть оплетали тонкие нити, беспрестанно скользящие вдоль узких огрубевших канавок, вместо лица был скомканный пучок волос и тонкой, покрытой синими прожилками кожи, скрученной в узкие глубокие расщелины на месте глаз и рта. Короткая, непропорционально худая рука сомкнулась на Сашином горле. В глубине чёрных глазниц на мгновение мелькнула сине-зелёный зрачок.

— Сочный...

Медленно приблизилось второе создание. Низкое и худое, словно огромное насекомое, сплошь поросшее гладким серым хитином и, подобно собрату, совершенно безлиное: голова походила на смятый, раздавленный пчелиный улей, испещрённый мелкими круглыми сотами, из которых тонкими струйками вытекало что-то чёрное и смолистое.

— Годится....

Тонкой трехпалой лапой оно сжало Сашину плечо. Одна из серых пластин с хлюпаньем приподнялась и откуда-то из недр мягкого, желеобразного тела, отчаянно выскребая маленькими острыми лапками, выбралось нечто, отдаленно напоминающее кузнечика. Оно огляделось по сторонам, а затем с противным стрекотом бросилось в сторону Саши, пробежало по его руке, перескочило на плечо и метнулось вверх по шее.

С ужасом Саша почувствовал, как эта мерзость пытается втиснуться в маленькую щель его ушной раковины. Стрекот и шуршание, казалось, заполнили собою весь мир.

Неожиданно отвратительное чувство пропало. Он без сил рухнул на пол, ощущая, как комната вокруг начинает плыть. Последняя картинка: распластанный на коленях, измазанный кровью Филипп что-то кричит, в полумраке мелькает несколько бледных точек — наверное, всё тех же мелких насекомых, — и подвал заполняет протяжный сладостный стон.

— Просыпайтесь, Саша.

Он открыл глаза — вокруг вновь был зал «Омута», но вечер, видимо, уже закончился: не было ни гостей, ни жуткого Мастера Вэйно, ни клеток с живым угощением. Лишь мягкая, бархатная тишина. Саша ощупал правое ухо — никаких царапин или ссадин, никаких следов подвала.

— Что случилось? — он озадаченно потёр глаза, прогоняя остатки дрёмы.

— Видимо, вы утомились и заснули прямо в кресле, — Мария стояла рядом.

— А Филипп?

— Он ушёл. Простите, но и вам пора, — девушка мягко подхватила его под локоть, помогая подняться.

Они вновь шли по длинному коридору, слабо освещенному тусклыми темно-зелёными светильниками. Воздух, казалось, стал влажным и густым. Саша пытался вспомнить, в какую дверь повёл его Филипп. А, да вот же она. Машинально он надавил на изогнутую ручку и дверь приоткрылась. Саша

посмотрел на Марию.

— Конечно, как член «Омута», вы можете посетить внутренние помещения.
Он кивнул и шагнул за дверь.

Перед ним была скромная гостиная: старый, облупленный коричневый стол, потрепанный тряпичный диван и широкая люстра, украшенная нелепыми пластиковыми алмазами. В памяти шевельнулся образ старой, полузыбкой квартиры из далекого детства. Раздался до боли знакомый скрип двусторчатых дверей и в комнату вошла щуплая черноволосая девочка. Саша охнул — это была Ольга, соседская дочка и его самая близкая школьная подруга. Заводная, вечно-весёлая Ольга, в четырнадцать лет скончавшаяся от лейкемии...

Он навещал её в больнице и страшно переживал, когда подруги не стало, но на всю жизнь запомнил её именно такой, какой она сейчас стояла перед ним — улыбающейся и беззаботной. Вот только в улыбке её не было того счастья — наоборот, она была как будто натянута на девичье лицо, отталкивавшая и страшная.

— Привет, Сань. Давно не виделись... — девочка улыбнулась ещё шире.

Саша попятился назад, но вместо двери нашупал за спиной сплошную стену.

— Ну вот, только пришёл и сразу убегаешь, — обиженно сказала Ольга. — А я вот, представь, соскучилась.

Она ухмыльнулась и подошла к Саше вплотную. Тонкие холодные ручки, подобно тискам, сжали его запястья.

— А помнишь, что мы с тобой творили, там, за гаражами? Я помню... — прошептала она сладким голосом. — Я бы повторила...

И, не дожидаясь ответа, она впилась в его губы ледяным, скользким поцелuem. С отвращением он почувствовал, как ворочается у него во рту нечто, совсем не похожее на человеческий язык. Он попытался вырваться, но Ольга сильнее сжала его руки, издав низкий, полный наслаждения стон. Наконец, она отстранилась.

— Сочный...

— П-пошла ты... — выдавил Саша.

Призрак в ответ хохотнул, а затем вцепился зубами в его нижнюю губу. В затылок ударила острыя, режущая боль, ручеёк тёплой крови заструился вниз по шее, стекая на грудь и затекая под рубашку.

— И такой вкусный, — она похотливо облизнула окровавленные губы, а затем лёгким движением оттолкнула Сашу в сторону, повалив его на пол.

— Саш, солнышко! — раздался женский голос.

Двери вновь распахнулись, и в проёме показалась статная темноволосая женщина, одетая в длинное бордовое платье — его покойная мать. За спиной призрака клубился чёрный туман.

— Сын, ты чего на полу?

Ольга хищно оскалилась. Призрак матери подошёл ближе.

— Давай помогу.

Саша быстро замотал головой, одновременно пытаясь отползти подальше.

— Ну, не хочешь — не надо... Тогда ты мне помоги, Саш, — призрак опустился на колени.

— Мне бы волос...

Собравшись с силами, Саша отпрянул подальше. Мама на четвереньках поползла следом.

— Ну, или зубов... Ногтей... Да всё равно... Что-нибудь!

— Не дам, — выдавил из себя Саша.

Призрак улыбнулся, обнажая кривую челюсть.

— Дашь. Ещё и взять попросишь.

Он закричал, но тотчас его рот зажала холодная, мягкая ладонь. Из-за спины вынырнула Ольга, обхватила Сашу за голову и уставилась в его глаза. В карих зрачках вспыхнули два сине-зелёных огонька. Очертания комнаты померкли, растворяясь в изумрудно-лазурном вихре беспокойного кошмара, сотканного из хаотичных обрезков его памяти.

Словно пятнадцать лет назад, он ощутил, как тонет в глубоком деревенском колодце, не в силах выбраться наружу, и затхлая вода наполняет рот и нос, невыносимо обжигая и сдавливая грудь. Темнота колодца исчезла — и вот он в глухой лесной чаше, наступает на гнездо земляных ос, и рой злобных насекомых беспощадно жалит его истерзанное тело. Он отмахивается, зовёт на помощь, пытается бежать, но... На очереди следующая картинка, источник которой, быть может, лежал среди прочитанных когда-то книг или запавших в душу фильмов — его, связанного по рукам и ногам, медленно полосуют острыми ножами, срезая длинные лоскуты кожи, а затем, полуживого, сбрасывают в глубокую песчаную яму, где он ворочается, словно в битом стекле... Жестокость образов нарастала, словно подпитываясь его мучениями. Он горит в пылающем сарае, замерзает на холодной мостовой, стгнивает заживо, терзаемый полчищами плотоядных тварей, не в силах вырваться, не в силах скрыться. Это был истинный ад, без надежды на смирение и покой.

В недрах сознания раздался знакомый голос: «Отдашься. Разделишь страдание. Разделишь наслаждение.» Двое демонов — словно звери, сбившиеся в стаю, — были рядом с ним. Они питались, с удовольствием вытягивая из него горячий, густой поток боли и ужаса, не торопясь и смакуя каждый обрывок его чувств, каждый порыв его эмоций. Кто он для них? Сосуд. Угощение. Невероятная, черная смолистая жижа заполняла собою весь мир. Был ли смысл страдать? «К чёрту вас. Берите,» — услышал он собственный голос. Из тёмной бездны донёсся смешок — низкий, клокочущий. «Да берите же, берите!» — звенели в сознании его мольбы. «Всего берите! До конца! Умоляю!» — и, чем больше он упрашивал, тем медленнее становился чёрный поток образов.

Он очнулся. Вокруг по-прежнему были холодные стены подвала, горела свеча, а рядом с ней на полу лежал Филипп. Демоны по-прежнему были здесь, еле различимые в полумраке. Один из них указал на Филиппа: его худое, израненное тело сотрясалось в немом плаче, из рваной раны на животе прямо на голый бетон вытекало содержимое брюшной полости.

«Разделишь страдание. Разделишь наслаждение».

Саша подошел к Филиппу, присел на корточки и нежно приобнял.

— Ну-ну, всё хорошо, — он погладил приятеля по волосам, а затем с силой вонзил свободную руку прямо в распоротую рану, разрывая тёплые скользкие внутренности и проталкивая её вверх, туда, где должно было быть сердце. Вот и оно — слабый, умирающий комочек. Он сжал кулак — Филипп дёрнулся и замер.

Саша вынул руку и выжидающе посмотрел в полумрак. Раздался удовлетворённый смех и в воздухе мелькнуло несколько белых точек. Мощным потоком Сашу захлестнула волна чувств и видений, вновь он ощутил неземную боль и страдание, но, на сей раз,

Это было иначе — так, словно кто-то собрал все эти страшные, острые эмоции в один огромный шар, а затем вывернул наизнанку, переиначив саму суть их восприятия. Одним словом, это было... наслаждение. Абсолютное, высшее, ни с чем не сравнимое. Весь опыт его жизни — всё самое сладкое и приятное, что испытывало его сознание и его плоть — всё прежнее до этого мгновения сделалось тусклым и бесцветным, пресным и неинтересным. Все желания, весь мир вокруг — всё собралось в пылающем белом зареве. И ради этого нового был готов на всё.

Жёлто-чёрная свеча потухла. Саша поднялся на ноги и ощупал под рубашкой длинный шрам, пересекавший его грудь. Он улыбнулся, вытер руки о лежавшую на стуле одежду Филиппа, поправил пиджак и вышел из комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь.

ДЕНИС НАЗАРОВ

От автора: «О – это воплощённая в жизнь идея о том, что читатель – непосредственный участник создания произведения. Это попытка максимально связать в одно целое форму и содержание.

Этим рассказом я хотел приблизить самого читателя к тексту как таковому и показать, что иногда это может быть страшно».

Книга лежала среди банановой кожуры, яблочных огрызков, бумажек и прочего хлама, которым мы кормили пакет для мусора последние сутки. Жёлтая страница смотрела на меня через тонкую оболочку, будто спрашивала – возьму ли я книгу в руки или позволю ей присоединиться к океану бумажного, пластикового и прочего мусора на свалке. Точно не знаю, почему Егор её выкинул... Хотя догадаться не сложно. Кому сдался ветхий томик с оторванной обложкой и потрёпанными страницами? Это я не привык выкидывать книги. Даже когда рвались в клочья дешёвые томики в мягкой обложке, что я покупал по сто рублей в книжном на Мечтателей двадцать пять, я оставлял их. Не заклеивал, а просто втискивал на полку между более надёжными томами в твердых переплетах, где они продолжали собирать пыль.

У меня не было никакого особого трепета перед книгой. Я не испытывал удовольствия от запаха бумаги или типографской краски, скорее, даже наоборот. Не был я и сторонником теории, что информация куда лучше усваивается с бумаги, нежели с экрана. Книга для меня оставалась просто книгой, убежищем информации, иногда полезной, иногда нет, но я никогда не выкидывал прочитанное и не отдавал друзьям.

Мне просто казалось странным и неправильным выбрасывать пусть даже самый изорванный том, из которого выпадали листы или обложка отклеивалась от корешка. Странно, но это было похоже на предательство. Отнюдь не предательство имени автора или его труда. Скорее, предательство текста как такового.

Все те сюжеты, что я пропускал через себя, будь они плохими или хорошиими, что-то всё равно меняли во мне, а потому я сохранял всё, что покупал или получал в подарок, пусть даже знал, что никогда не вернусь к уже прочитанным историям.

Я вовсе не думал оставлять книги в наследство детям, если они у меня когда-нибудь будут. Большинство из дешёвых томиков рассыпалось прямо в руках и годились разве что на растопку. Однако небольшая, заполненная разнородной литературой полка служила мне чем-то вроде маркера, или, если угодно, якоря, за который я мог зацепиться в не самые лучшие дни, и найти в этом совершенно обыденном зрелище покой, а взяв случайную книгу в руки, внезапно отыскать там ориентир, банальный свет в конце туннеля.

Так я и сидел за столом, медленно потягивая горячий кофе, и глазел на страницу, спрятавшуюся за тонким слоем темного полиэтилена, все думая, забрать лиувечный томик или же отправить его в утиль. Наверное, Егор будет хохотать, узнав, что я вытащил выброшенную им книгу из мусора.

Я допил кофе, почистил зубы и стал собираться на улицу. Делал это медленно, все

еще решая, как поступить с книгой. Я даже не осмотрел её, чувствуя странную тревогу, будто стоит мне её вытащить из мусора, и вернуть её на место я уже не смогу, а ведь, допускаю, что она того не стоит.

Натянув свитер и джинсы, я ушёл в прихожую, накинул куртку, обулся, и только тогда направился в кухню за мусором. Ещё немного посмотрел на книгу и, наконец, решившись, присел на корточки, развязал пакет и вытащил томик на свет. Он потянул за собой прилипшую к странице банановую кожуру, которую я брезгливо стряхнул и стёр пальцами липкие остатки фрукта.

Обложки не было, но поскольку книга была сделана на совесть, жёлтые страницы ещё крепко удерживал корешок, впрочем, на нём никаких надписей не нашлось, он был просто грязно-бежевого цвета. Буквы оказались слегка размытыми, отпечатаны нечётко, а первая страница обозначалась номером пятьдесят семь, что только утвердило меня в правильности решения Егора. Я невольно представил, что она месяцы, а может, и годы валялась в чьем-нибудь сортире, служа запасным вариантом, на случай, если кончится туалетная бумага. И, похоже, этим вариантом активно пользовались. Но что-то привлекло мой взгляд, когда книга ещё лежала в пакете. И теперь, уже вблизи, я с удивлением глазел на страницу.

Текст был набран крайне неэкономично, узкой колонкой, оставляя по краям листа огромные пустые поля. Казалось, поля эти зажали текст в рамках и пытаются его раздавить. Ещё больше я удивился, когда, пролистав книгу, заметил, что на некоторых страницах текст становился ещё уже, едва вмешая одно короткое слово в строке, а затем снова возвращался к заданной на пятьдесят седьмой странице ширине.

Вспомнилась история, которую любила рассказывать мама. Как однажды, будучи ещё совсем малышом, я разрисовал одну из папиных книг. Точнее на-чиркал цветными карандашами прямо на белых полях нескольких страниц. Она вспоминала это с улыбкой, посмеиваясь, но, по её словам, отец тогда совсем не обрадовался. Самое забавное, говорила она, что я изрисовал именно поля, не тронув текст, будто боялся зацепить его. После шутки и отец, рассказывая, что чтение той довольно унылой книги стало куда веселее, когда он увидел цветастые линии на полях. Правда, после того случая рисовал я только под присмотром, а книги убирались подальше.

Устав сидеть на корточках, я придинул стул и уселся на него. Снова вернулся к начальной странице и прочёл:

...Ольга не пришла. Опустошенная,
измотанная, она не верила, что я жду
её там. Предпринять что-то я не мог,
оставаясь пленником того места, о котором
уже говорил выше. Но та печаль, что
яглядел в её глазах в последний
приход ко мне... В то финальное свидание,
единственное, с которым у меня была
связана рухнувшая теперь надежда,
уже не оставляла места для сомнений.
Она смирилась и старалась теперь забыть
меня и тот образ, что я тщетно пытался

подарить ей. И что оставалось мне? Только сдаться... Плыть по течению в ожидании, когда рухнет и оболочка, по какой-то причине сохраняющая меня на этом свете. Осколки бывшего меня, тень сомнений, переживаний, забытых чувств... Мое вечное падение в бездну, которой нет конца.

Всё, что осталось. Всё, к чему я пришёл. Весь смысл, который у меня теперь есть, сузился до размеров швейной иглы. И ужас, так и не покинувший меня, бил в мозг этой иглой, пристрачивая меня к оболочке нового, чуждого мироздания.

Я так долго ждал, что неугомонная швея уколет палец или нить её наконец закончится. Но надежды умерли.

Я положил книгу на стол и глянул на пакет с мусором. Теперь, прочитав этот вязкий и непонятный абзац, я все ещё не видел причин оставлять книгу у себя. Видимо, Егор был прав. Такое чтение явно не по мне. Тем более пытаться вникнуть в смысл, начиная с пятьдесят седьмой страницы, было дело гибким.

Перевернув книгу, я убедился, что и в конце страниц не хватает. На триста двадцатой предложение обрывалось на полуслове. Однако я не торопился выбросить томик. Я всё не отводил глаз от широких полей. Никак не мог взять в толк, что именно меня так притягивает в них.

Они не давали ощущения воздуха, как, наверное, предполагалось. Напоминали, скорее, оболочку, которая скимала текст, не пуская буквы за грань, за неё вырвалась лишь нумерация страниц. Я ощущал едва уловимую инверсию, будто это не светлые поля листа и тёмные буквы на нём, а наоборот. Я мог с лёгкостью представить, что поля чёрные, а текст белый, и так мне казалось даже проще понять причину, по которой было избрано такое странное типографское оформление. Но всё-таки нет, я не мог найти ответа. Не сейчас.

Потому, оставив книгу на столе, я встал, схватил пакет с мусором и покинул квартиру. Я слишком загнал себя с этими дурацкими мыслями, пора на свежий воздух.

Вернувшись с улицы, я переоделся, сварил кофе, и снова схватился за книгу. Именно тогда я понял, что на протяжении всей недолгой прогулки только и думал о ней. И это понимание вызывало во мне противоречивые чувства. Абзац, прочитанный ранее, не заинтересовал, и до сих пор казалось, что тратить время на чтение истории, не имеющей ни начала, ни конца, лишено смысла, однако что-то заставило меня в тот день вернуться к ней, чтобы потратить на чтение добрых два часа, пока Егор не вернулся из института.

Что-то подобное, в общем-то, уже случалось со мной. Бывало, что я снова и снова возвращался к книгам, которые сначала ничем не цепляли, пока я не преодолевал некий рубеж и все-таки не втягивался в историю. То ли это и правда было характерно некоторым вещам, то ли оказывалось странной штукой

мозга, который в определенный момент сдавался, будто говоря: «Чёрт с тобой, читай эту нудтигину!». Но, как ни странно, именно такие книги в итоге запоминались надолго и оставляли внутри самый глубокий след, который я осознавал не сразу. В то время как захватывающее, лёгкое чтиво, несмотря на доставленное удовольствие, забывалось уже через неделю. Однако во всех прошлых случаях я знал, что у книги есть финал, а здесь меня неизбежно ждало разочарование, как однажды это случилось с «Замком» Кафки. Но как сказал один литературовед: «Незаконченный роман — это своего рода отдельный жанр». Так что я решил, что, может, это и есть тот самый случай. Как я уже говорил, от чтения меня оторвал Егор, позвонив в дверь. Не раздайся этот звонок, я, быть может, так и просидел бы до самого вечера, читая почти через силу и, ожидая, когда же наступит тот самый рубеж. Я сильно сомневался, что моё непонимание текста кроется в отсутствии начала книги. Скорее, сама манера, в которой она была написана, лишала читателя возможности с первого захода осмыслить всё то, что хотел сказать автор. К тому же, вечно скачущая ширина колонок этому только способствовала.

До прихода Егора я читал этот фрагмент.

...Я вспоминал дни, когда мы с Ольгой
только начали жить вместе. Самое
счастливое время моей жизни, и, как
я думаю, в её — тоже. Она готовила
по рецепту какое-то замысловатое
блюдо, а я всё пытался вклиниваться
в процесс, предлагая свою помощь.
Но поранил палец, нарезая лук,
и едва не перевернул сковороду
с раскалённым маслом.

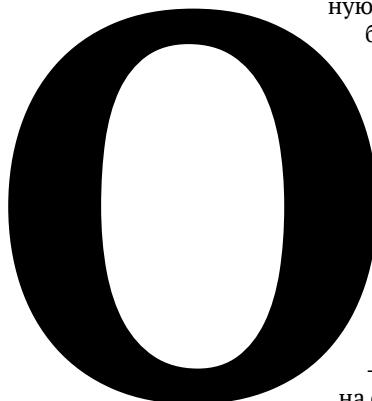
Тогда Ольга
заявила, что
больше толку
от меня будет,
если я просто
посижу на месте
и посмотрю
телевизор.

Глупенькая. Она
не понимала, что
причина моей
неуклюжести
в том, что я
без конца
смотрел на неё.

Тогда, в лучах
заходящего
солнца, что падали
через открытую
балконную дверь.
Купающаяся

в освежающем потоке
легкого ветерка.
Не бегающая,
порхающая по кухне.
Боже, она была
прекрасна.
Теперь всё это
кажется, далёким сном.
Полузабытой грезой.
Она была моим
миром, пока они
не нашли меня.
Пока не лишили
мечты, нашего дома...
Утащили в это тёмное
место. В безликий мир.
Заточив меня в тюрьму.
А ведь тогда она была
Моей единственной

Я как раз смотрел на эту огромную «О», единственную букву, сумевшую потеснить тяжёлые, непропаивающие поля страницы. Наверное, в этот момент и наступил тот рубеж, когда мне уже не терпелось продолжить чтение, но раздался звонок.

Я встал и направился в прихожую, чтобы открыть дверь.

— Привет, — устало сказал Егор, входя в квартиру.

Я кивнул в ответ, занятый разглядыванием его штанов и куртки, покрытых мириадами мелких грязных точек.

— Что это с тобой?

— Какой-то мудила на джипе обрызгал, пока я на светофоре стоял. Причём у самого универа. Так что в метро я ехал как свинья.

— Обидно, — сказал я.

— Обидно, — повторил Егор. — Сам-то чем занят?

— Читаю, — ответил я. — Кстати, спросить хотел...

— Да погоди ты, я сначала в душ, потом побазарим.

Егор направился в комнату, а я вернулся в кухню. Глянул на раскрытую книгу, где чёрным кольцом выделялась огромная «О», но недавнее жгучее желание продолжить чтение как отрезало. Загнув уголок страницы, я захлопнул книгу. Затем поставил греться воду в чайнике, включил плиту и вытащил из морозилки пакет с пельменями.

Из ванной послышался шум воды. Дождавшись, пока согреется чайник, я всё ещё продолжал размышлять над странной книгой. Что самое удивительное, волновала меня сейчас не история как таковая, а, скорее, сам факт

существования её на бумаге. По желтоватым страницам, мелкому и нечёткому кеглю, даже запаху, она напоминала мне издания советских времен, те самые, каких было полно в библиотеке отца, и где на задней обложке всегда мелкими буквами печаталась цена. Таких изданий и сейчас хватало: он пылились на старых антресолях и в забитых хламом тумбочках, их выкидывали в подъезды, их за копейки продавали выпивохи рядом с супермаркетом неподалеку от нашего дома. Только странное оформление, огромная буква «О» и путаное повествование не давали увязать эту книгу с остальными изданиями тех времен. Удивляло, что нечто подобное вообще могли напечатать в таком виде. Возможно, это был какой-то низкокачественный самиздат, что вполне объясняло ту легкость, с которой автор размещал текст на странице и без особых на то причин делал буквы чуть ли не во всю страницу. О, О, О... Ольга?

Чайник закипел. Перелив воду в кастрюлю, я поставил пельмени вариться, а сам направился в комнату, откуда притащил на кухню ноутбук и стал рыскать в интернете в поисках автора книги, а если повезёт, то и самой книги в полном виде. Однако это ни к чему не привело. Я нашёл несколько романов, в которых использовались различные типографские хулиганства, но это всё было не то. Я пытался вбивать несколько цитат в строку поиска, но и это ничего не дало, что лишь утверждало в мысли, что это явный самиздат, и, вполне возможно, в единственном экземпляре.

Когда Егор помылся, и в домашних трико и плюшевых тапках-зайцах прошоркал на кухню, я показал ему книгу и улыбнулся.

— На кой черт ты её из мусорки вытащил? — спросил он. — Она порвана, толку никакого.

— Откуда она у тебя? — спросил я.

Егор взял тарелку и стал выкладывать пельмени

— Когда папа умер, я в его вещах разбирался, захватил некоторые книги, а эта, видать, как-то в общей куче оказалось. Ну, я как дурак, возил её туда-сюда со всеми этими переездами, даже не замечая. Вчера вот наткнулся на неё, да выбросил. Нахер этот лишний груз... Ты чего не ешь?

— Сейчас буду, — ответил я. — Слушай, а кто автор, не знаешь?

Егор пожал плечами. Перенёс тарелку с пельменями на стол, уселся, захватил один пельмень вилкой и стал на него дуть.

— Она так и была порванной, — сказал он. — Сдалась она тебе...

— Да вот интересно оформленена. Никогда такого не видел.

— Хер знает, я не рассматривал, — ответил Егор и, положив пельмень в рот, принялся с аппетитом жевать.

А вот мне есть перехотелось. Понятно теперь, что от соседа ответа не получить, да и, собственно, чего я и правда к этой книге привязался? Ну, ударился автор в эксперименты, это ещё ничего не говорит о качестве текста. Взгляд привлекает, а на деле, может, и совсем пустышка, да ещё бесконечные рефлексии по какой-то Ольге. Вот только что имел в виду автор, написав, что его героя уташили в тёмное место? Кто уташил, и о какой-такой оболочке он писал, что сохраняет его на этом свете? Быть может, это какой-то странный фантастический роман, а, может, и просто унылая графомания? По крайней мере, добравшись до сто тридцатой страницы я увидел только переливания из пустого в порожнее и топтанье на одном месте.

Я всё никак не мог окончательно определиться со своим отношением

к странному тексту. Более того, думая об этом под чавканье и сопение Егора, я вдруг ощутил, что прочитанная этим утром часть мне уже знакома. Узнавалось даже не то, что написано, а, скорее, стиль изложения. Это чувство пришло внезапно и почти сразу улетучилось, отогнанное разумом. Точно так бывает с дежа вю.

— Ты чего задумался? — спросил Егор.

— Да так, вспомнил кое-что.

Меня вдруг замутило. К горлу подступил комок, а запах пельменей из аппетитного показался мерзким... тошнотворным. Я поднялся и вышел из кухни. В коридоре остановился, опёрся рукой о стену и несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул. Тошнота не проходила, хуже того: в голове застыл комок необъяснимого страха. На секунду я будто увидел себя со стороны. Вот он я, стою, согнувшись, а за спиной обои на стенах чернеют, стена начинает двигаться подобно желе, вздрагивает, переливается волнами, тянется ко мне чёрными руками, чтобы схватить... Втянуть в себя...

Я резко обернулся. Но стена оставалась прежней. Оранжевые обои, мелкие линии рельефного рисунка, будто полосы, оставленные на песке ползущими змеями. Сотнями ползущих змей. А, быть может, поверхность дерева, изъеденная короедами. Этот образ вызвал новый приступ необъяснимого страха. Но затем всё прошло — и страх, и тошнота. Осталась слабая тревога и чувство бесконечной пустоты, где-то там, под желудком. Пустоты, какая бывает после тяжёлой потери. Такой же, какую я ощущал после смерти мамы.

Я направился в комнату. Нужно просто поспать.

Проснулся я поздно вечером. За окном уже стемнело, свет в комнате был выключен, но стены, пол и потолок озаряло мерцание телевизора. Егор играл на приставке, нацепив подключенные к геймпаду наушники, и что-то тихо бормотал под нос. Явно недоброе, поскольку за ту пару минут, прошедших с моего пробуждения, экран телевизора уже дважды украшала крупная надпись: «Вы умерли».

— Тварь такая! — выругался Егор, снял наушники и выключил игру.

— Который час? — зевая, спросил я.

— Начало седьмого. Я через часик свалю, со мной пойдёшь?

— Куда?

— В бар, договорились с парнями встретиться. Ты их помнишь, они с моего универа. На прошлый новый год вместе тусили.

Я на секунду задумался. Выпить не хотелось, но перспектива выбраться из дома и развеяться все-таки манила. Однако я вспомнил тот самый новый год, заполненный унылыми беседами, что вели его друзья, пока я всё больше молчал и плясался в телевизор, где показывали ещё более унылый «Голубой огонек».

— Не, я пас, — ответил я.

— А чего так?

— Лень мне.

— Ну, как знаешь...

Егор покинул комнату, на выходе щёлкнув выключателем. Яркий свет реzanул по глазам. Я зажмурился и застонал, а Егор в коридоре залился хохотом.

Из комнаты я направился прямиком в душ, где долго пытался отойти ото

сна, а когда вышел и переоделся, Егор уже обувался в прихожей.

— До скорого, — сказал я. — Я, конечно, вряд ли спать рано лягу, но ты захвати ключи.

— Конечно, счастливо!

Дверь закрылась, ключи в замке провернулись дважды, и я снова остался один в квартире. Точнее не совсем один, со мной была странная книга, к чтению которой я тут же приступил, мгновенно забыв о том, что минуту назад думал только о еде.

Открыв следующую страницу после огромной буквы «О», я прочёл:

...болочкой.

Всего одно слово, даже не слово, а продолжение той самой буквы. Оболочка? Перевернув страницу, я ожидал снова наткнуться на очередной сюрприз, но меня встретила всё та же узкая колонка текста. С уже слегка угасшим интересом я принял читать и, пока продвигался, ощущал себя всё хуже и хуже. Нет, тошноты как после возвращения Егора не было, но ужас вернулся. Я физически ощущал застывший в голове комок страха. Как по спине бегут мураши, и — клянусь — я бы даже обернулся, чтобы убедиться, что всё ещё один в квартире, вот только сам же автор меня от этого и предостерегал.

Это было отупляющее, кошмарное чувство: мне было страшно читать, не видя того, что происходит вокруг, и вместе с тем я боялся прекратить, боялся поднять голову. В любом случае, отчёлливая уверенность, что меня ожидает нечто ужасное, при любом исходе — не проходила.

В эту тайну я проник, сам не желая того,
А теперь мне уже не спрятаться.
Они всегда знают, где меня искать.
Я пытался бежать, но от себя не убежишь.
Они всегда рядом, возможно, прямо
сейчас за моей спиной, пока я пишу,
а, может, и за вашей, пока вы читаете эти
строчки. Если их вообще кто-то читает.
Я не вижу их, только воображаю,
но порой кажется, что они именно такие,
какими мне видятся.
Я замечал движения на периферии зрения,
но разве могу быть уверенным, что это
правда? Они дали мне проклятую
пластиковую ручку «Бик» и этот бесконечный
рулон тонкой бумаги, которая рвётся, стоит
чуть сильнее надавить на неё стержнем.
И что я должен тут писать?
Когда слова мои кончатся. Когда я устану
изливать душу, покончу с воспоминаниями,
примусь ли заполнять все однообразными
прочерками? А могу ли я иначе? Бесконечно
медитировать над бумагой, растворяться
в её белизне, будто утопая в глубоком снегу,
что, в конце концов, затянет меня, набьётся в рот,
уши, нос. Заморозит каждую клеточку тела.
Мне не уйти отсюда. Осталась только тёмная

оболочки и эти слова, бесконечные слова.
 Буквы и штрихи. Я пишу печатными,
 иногда письменными. Сколько нас тут?
 Запертых в такие же оболочки. И однажды
 они придут за кем-то ещё...
 Тут так холодно, и я вспоминаю те летние дни,
 но воспоминаниям мешает бесконечный шум.
Шум глушит твой сигнал и приводит
к неполадкам в цепи.

И вот тут я остановился. И не только потому, что последняя фраза была подчеркнута, я узнал её. Это были чужие слова, их я точно где-то встречал. Я резко встал, и кровь ударила в голову, заставив пошатнуться. Я ухватился за стол, кружка с недопитым чаем упала на бок и горячий напиток медленно, будто вязком сне, потёк из неё по белой поверхности стола, густым киселем повис на краю и плюхнулся на пол. Будто и не чай, а желе. Глянув на настенные часы, я увидел, что уже девять часов вечера. Но это было невозможно, я провел за столом не больше двадцати минут. Где-то с краю зрения, на самой периферии мелькнула тень. Я вздрогнул, и чёрные точки поплыли перед глазами, напоминая о множестве одинаковых грязных пятен на куртке Егора. Нелепые странные связи роились в мозгу, детали собирались в конструкт неясной формы, чтобы тут же рассыпаться, измениться и запутать меня ещё больше.

Я поспешил в комнату, стал рыться на полке с книгами в поисках той самой, где я мог встретить увиденную цитату, но я не помнил, что это за книга, думал, что подскажет интуиция, и наугад выхватил какой-то томик в твёрдой обложке, я даже не глянул на неё. Раскрыл и непонимающе уставился на страницу...

ГЛАЗ

...было написано там крупными буквами. Нет, нет, нет. Не было у меня такой книги, никогда не было.

И тут
 буквы поплыли: над-
 пись расползлась чернильным
 пятном по странице,
 меняя форму,
 делалась выпуклой,
 набухала и опадала. Пока про-
 стой текст из четырёх букв-
 ся в настоящий глаз. Налитый не превратил-
 смотрел на меня, холмом красным, он
 над страни- цей, тонкие возвышаясь
 пульсирова- ли по капилляры
 сужа на листе её краям, ри-
 тую сетку. Зрачок замыслова-
 вздрагивал, роговица
 отражала мое наполненное
 ужасом лицо.

Я закричал, бросил книгу на пол, и она захлопнулась. Я отбежал назад, глядя на потрёпанную обложку. Я не мог разобрать слов, книга стала единственным предметом в комнате, оставшимся вне фокуса. Я ждал, что её страницы сейчас пропитаются кровью от раздавленного глаза, но ничего не происходило. Да и обложка вдруг стала разборчивой, словно на неё навели резкость, и читалась вполне хорошо. Поэма «Москва — Петушки». Книгу мне подарила на день рождения сестра, а у меня всё не доходили руки взяться за неё. Но Глаз? Шутка сестры? Да что за вздор?

Боже, я схожу с ума...

Я не знаю, что надоумило меня взяться писать на полях книги. Чего я добивался? Это происходило само собой. Я просто взял ручку, вернулся на кухню и стал заполнять поля, начиная с пятнадцатой страницы, хаотично, криво, совершенно не заботясь — сможет ли это кто-то прочесть. Только перед этим я выкинул проклятую книгу с глазом. Больше не заглянул внутрь, а чтобы не отсвечивала, отправил её прямо в окно, где она теперь лежала во влажной от дождя траве. Забавно: вот и первая книга, которую я выбросил. А ведь сестра так хвалила её, но, похоже, к прекрасному мне уже не притронуться.

Мелькали тени? Бывало, я что-то замечал краем глаза, но не могу быть уверен до конца. Я просто писал. Писал начало безумной книги, всё то, что происходило с героем и с Ольгой. Я просто выдумывал на ходу, не имея понятия о том, что же там было на самом деле. Как там говорят? Читатель — обязательный участник. Важно не только написанное автором, но и то, как читатель воспринимает текст. Я всего лишь пошёл дальше. Решил дописать книгу. Придумаю начало, а там и до финала доберусь. Я не мог этого не делать.

Вот так меня и застал Егор, вернувшись утром домой. Точнее не застал. Почему-то, войдя в квартиру, когда уже давно наступил рассвет, а может и пришло время обеда — сказать наверняка трудно — он меня не увидел. Посмотрев прямо в моё лицо, когда я поднял голову, отвлечённый от бесполезного занятия, Егор не поздоровался. Снял обувь, куртку и направился в комнату. Только когда я окликнул его, он заглянул в кухню и удивленно посмотрел на меня.

— О, а я думал, тебя дома нет.

— Ты же прямо на меня смотрел, — ответил я.

Егор нахмурил брови и цокнул языком.

— Видать, я вчера перебрал. Пойду прилягу.

И он молча ушёл, оставив после себя запах перегара.

А я вдруг почувствовал, что проваливаюсь в бездну. Я не помнил ни единого слова из написанного за ночь. Кинув ручку на стол, я встал и, пошатываясь, побрёл к чайнику. Он оказался пуст. Фильтровать воду я поленился, и набрал воды прямо из крана. Вернув чайник на место, щёлкнул кнопкой и опустил тяжёлую голову, направив тупой взгляд в пол. Спать мне не хотелось, но я чувствовал дикую усталость, понимая в то же время, что должен продолжать писать.

Однако сделать это сейчас мне было не суждено. Чем дальше я смотрел на ламинат, тем темнее он становился, пока, в конце концов, не стал угольно-чёрным и... живым. Чёртов пол шевелился. Тёк подобно воде, замирал, вздыхал и опадал. Но когда я попытался отойти от чёрного пятна, ощутил, как чьи-то ледяные руки обхватили лодыжки и не отпускают. Резко дернувшись,

я попытался высвободиться из хватки, но лишь грохнулся на пол и вскрикнул, ударившись локтем, который тут же прострелило, будто электрическим током. Егор не прибежал на помощь, наверное, он уже крепко спал.

Я перевернулся на спину и понял, что никто меня не держит. Я лежу на полу, на самом обычном ламинате, чуть холодном. Ощущаю, как дует по полу и, повернув голову, вижу, что за окном уже закат. И лучи заходящего солнца наполняют кухню, а в них купается она. Её талию обхватывают тесёмки зелёного фартука. Ольга порхает бабочкой, держка в руках деревянную лопатку. Она такая красивая и такая хрупкая, что хочется взять её и запереть под стеклянным куполом, чтобы никакое зло на свете не тронуло этой красоты. Её волосы блестят в свете лучей, переливаясь фантастическим цветами, а в широко открытых, таких добрых и искренних глазах горят искорки, она хохочет, заливается смехом, но вдруг падает и руки её охватывает огонь. Она кричит, пока языки беспощадного пламени лижут ладони, затем предплечья, перекидываются на лицо. И я вскакиваю, бегу к ней, но она пропадает. Развеялась дымка миража. И вместо Ольги теперь плачу я, стоя на коленях там, где только что была она. Хмурый дневной свет, в котором летает пыль и хлопья пепла, укутывает меня в объятьях. Что-то тащит меня вниз. В темноту.

Я не знал, сколько прошло времени, но Егор меня больше не видел. Он бродил по кухне, пил чай, портил воздух, жрал вонючие пельмени и всячески избегал садиться на мой стул, будто ощущал, что я хоть и незримо, но еще там. Я даже не пытался докричаться до него. Наверное, он думал, что я просто ушёл. И плевать, что мои кроссовки в прихожей, а куртка висит на крючке. Он же не знаменитый сыщик с Бейкер-стрит, такие мелочи его мало волнуют.

Я продолжал писать. Поля в книге давно покрыты мелкими буквками, я истратил все свои тетради и блокноты, которые отыскал. В ход пошли даже чеки из магазина, любая бумага, где я мог оставить хотя бы букву, каждый свободный миллиметр. Вот тут у меня спичечный коробок и на нем я уместил целое предложение. Вот тут чайный пакетик и на нем буква «О», а на другом «Б». Я не тронул только стены и свои книги, и даже не из уважения к ним, мне просто было страшно открывать их. В итоге я вспомнил о туалетной бумаге. Под раковиной нашёл упаковку на четыре рулона и теперь писал на них. Их хватит надолго, только бумага тонкая и всё время норовит порваться.

Лишь бы хватило чернил в ручке. Иногда я замирал, вертел её в руках, разглядывая логотип «Бик», грыз колпачок и снова принимался писать. А Егор всего этого не видел. Ему было плевать на бардак, который я развел, тот оставался вне поля его зрения. Он куда-то уходил, вернулся с новой пачкой сигарет, и кинул на стол промокшую от дождя книгу «Москва — Петушки». Наверное, для меня. Хороший он все-таки человек.

Я уже написал начало книги, всю историю, вплоть до пятьдесят седьмой страницы и теперь пишу продолжение, но я понимаю, что финала не будет. У этой истории нет конца.

Я слышу, как они сопят в спину, как мелькают их тени на периферии. И с каждым часом мир вокруг всё темнее и темнее.

Иногда чьи-то холодные руки — не руки даже, а лапы — касаются плеч, сжимают их и будто тащат меня в пучину, на самую глубину, хотя я всё ещё

остаюсь сидеть за столом и писать, и писать, и писать. Вот только вокруг почти одна чернота. Но почему-то белая бумага передо мной всегда белая. Иногда я теряю мысль и просто заполняю бумагу метр за метром точками и тире, вот так:

Или так:

тире тире тире, тире точка точка точка, тире тире тире, точка тире точка точка, тире тире тире, тире тире тире точка, тире точка тире точка, точка тире

Иногда вывожу огромные буквы на всю ширину бумаги, и делаю прочие глупости. Но, в основном, я заполняю её воспоминаниями. Я больше ничего не выдумываю, просто вспоминаю. А чтобы вспомнить, закрываюсь от мира, как когда-то закрылся от Ольги. Как же глупо это было, почему я испугался тогда? Почему не смог вынести любви, которую она дарила? Я, как идиот, искал выход... и нашел его.

Она смирилась и больше не приходила, я отгородился стеной. А когда она потеряла надежду — умерла. Умерла по моей вине. Ведь кто мы, в конце концов, без надежды? Пустые склянки? Если нет ничего внутри, то оно появляется снаружи. Я сам становлюсь смыслом, наполнением чей-то чужой, пугающей оболочки. Становлюсь для неё всем, кормлю её воспоминаниями, невысказанными словами, сдержанными слезами, затаенными обидами, сиюминутными капризами, потерянными целями, бессмысленными спорами, поиском истины, тошнотворными пельменями, отходами жизнедеятельности, соплями, криками, беседами с соседом, который меня не слышит, и которого я уже не вижу за тёмной стеной. Бесконечными записями в попытках понять, как допустил всё это. Вот этим дневником на другом рулоне туалетной бумаги.

Я комментирую собственные записи, путая их. Жую и глотаю бумагу, лишь бы оставить что-то себе, сохранить хоть частичку. И они злятся. Они тянут меня всё ниже. Смотрят мне прямо в затылок, и от холода их взгляда волосы встают на затылке.

Где Ольга?

Почему она не приходит?

Когда я смогу выйти отсюда?

Их липкие лапы сжимают плечи. Я боюсь повернуть голову, боюсь увидеть мерзкую лапу с длинными когтями, кожу в чешуйках как у змеи. Змеи, оставившей длинные борозды на обоях в квартире... В какой квартире? Ольга, наверное, ждёт меня там... Может, эти твари совсем не такие, но я их такими представляю и пишу об этом. Наверное, для них это смешно. А, впрочем, так ли важно, что я пишу? Всё еда...

Иногда я чувствую на плечах другие руки, на моем затылке — другой взгляд. Он согревает меня, а руки нежные, такие знакомые. Но потом они становятся горячее, пока кожу на плечах не начинает жечь, и вот тогда она уходит, и возвращаются они.

Я вспоминаю Ольгу.

Она умерла?

Как это случилось?

Это я виноват или эти твари, что прячутся во тьме?

Ты была моей оболочкой.

Мне снятся сны, где мы снова и снова на кухне в нашей съемной квартире. Я случайно режу палец и кровь, густая, будто и не кровь вовсе, а желе, тягуче капает на пол. А Ольга смеётся и сгорает, снова и снова сгорает. Ведь пожарные не успели вовремя, а меня не было рядом.

Где я был?

Затем всё пропадает. *Tabula rasa*. Чистый лист. Незамутнённое сознание. И я слышу их голоса. Да и не голоса, это вовсе — чистая энергия. Порой кажется, что я, как чертов радиоприёмник, передаю чьи-то послания на бумаге, которая никогда не кончится, так же, как и чернила в ручке «Бик».

Но я думаю, что однажды это прекратиться — оболочка треснет. Нужно лишь одно: больше слов, ещё больше знаков и букв. Мне не нужно это читать и перечитывать. А значит — больше путанных, глупых, осмысленных или нет фраз, чтобы они объелись, чтобы их внутренности набились мною, и они лопнули, разлетелись на куски, забрызгав ошмётками стены моей камеры. И когда оболочка рухнет, я выйду на свет.

Когда-нибудь.

Когда я всё отдам и всё забуду.

ЮРИЙ ПОГУЛЯЙ

От автора: «Хотелось написать что-нибудь о бессознательной секте. Наведённой, незаметно вползающей в жизнь».

Я не заметил, когда всё началось. Шёл первый месяц лета, в городе воцарилось тепло, и небо стало чуточку светлее. Я одержимо мечтал об отпуске, которого не видел уже третий год, и всё свободное время висел в телефоне, проглядывая различные предложения туроператоров. Приценивался. Разочаровывался. Вновь искал.

И крутился в ежедневной суete, как лемминг в центрифуге. Работа и мечты о путешествии, дорога домой с прикованным к экранчику смартфона взгляdom, поздний отход ко сну, ранний подъём и новый цикл. Жизнь шла своим чередом по протоптанной колее, никак не соприкасающейся с окружающим миром.

Поэтому когда в лифте мне сказали:

— Дащенка моя тоже убегла, — я вздрогнул от неожиданности и бесцеремонности чужого вмешательства в мой отработанный ритм. А также удивленный тем, что в лифте есть кто-то ещё, кроме меня.

Со мною поднималась крошечная старенькая Савельева с третьего этажа, когда-то давно я даже дружил с её внучкой. В школе ещё. В памяти осталась только фамилия.

— Найдется, не волнуйтесь, — выдавил я из себя растерянно.

— Нет, Юрочка. Третий день её нет. Всегда на второй возвращалась, лапушка моя. Никогда так долго не гуляла. Скорее всего там же она, где и остальные.

В тот момент я не понял её слов. Для меня это всё было банально и скучно. Старушка переживала за свою кошку, как и положено женщине, чьи дети давно улетели из гнезда и звонят лишь по праздникам, а муж, прожившей с нею почти полвека — ушёл на встречу с всевышним после инсульта.

— Ничего, вернется, — сказал я. — Это же кошка. Они всегда возвращаются.

Она покачала крошечной головой в смешной шапочке, посмотрела мне в глаза:

— На сердце неспокойно что-то, Юрочка. Дурное грядёт, — устало и ужасающе серьёзно произнесла она, вновь перепутав мое имя. Двери лифта открылись, Савельева вышла на площадку, и мы пожелали друг другу доброго вечера.

Только на следующий день, во вторник, я понял о каких «остальных» говорила старушка с третьего этажа. Доска объявлений у парадной пестрела сообщениями о пропаже домашних любимцев. Собачки, кошки, попугай. На самой двери на уровне ручки скотчем кто-то прилепил записку с сердечками и фотографией пушистого персидского кота. Детской рукой на ней было старателю выведено: «Помогите найти Барина!».

В среду объявления покрывали дверь целиком. Здесь искали даже крысу

Пирата и шиншиллу Шушу. Будто чья-то злая воля высосала из окрестных дворов всех любимцев разом, не глядя на породы и виды. А в четверг за ярмарку несчастья принялся наш дворник, коротышка откуда-то из Средней Азии. Я возвращался домой, когда увидел, как тот обдирает с дверей пугающие призывы о помощи.

— Черт знает что происходит, а? — сказал я, остановившись.

Он вздрогнул, испуганно посмотрел на меня, затем быстро отвернулся и, втянув шею в плечи, принялся с ожесточением скоблить металл, отколупывая намертво прилипшую бумагу.

— Нелюбители домашних животных какие-то у нас объявились, похоже, хе. Есть любители, а есть, хе-хе, нелюбители.

У меня было настроение поболтать. Однако дворник что-то забормотал на своем тарабарском, и веселья не разделил. Наоборот, его затрясло ещё сильнее. Решив, что он просто не понимает меня — я приложил ключ к домофону и посмотрел на азиата в профиль. Коротышка был бледен, по лицу текли крупные капли пота, в глазах стоял такой ужас, что мне захотелось броситься наутек. То, что жило в зрачках дворника, страдало безумием.

— Дараخت... Дараخت... Ба гурба! Ороиш дараخت, — лихорадочно повторяли потрескавшиеся чёрные губы. Меня он не видел. — Ба начот. Дараخت.

Я ушёл. Захлопнул за собой дверь в парадную и почти минуту стоял, слушая захлебывающий голос, беспрестанно повторяющий «Дарафт» и ритмичные скребки по металлу.

Шиш.Шиш.Шиш.

Будто у дворника выросли кошачьи когти, и он стачивал их о железо. Мои пальцы заныли, и я потер кончики, разминая, прогоняя ощущение забившейся под ногти краски. Потом поспешил домой, на шестой этаж, с испорченным отчего-то настроением и неприятным чувством тревоги.

Чертов скрежет преследовал меня весь оставшийся вечер. Я проходил по коридору мимо входной двери и не мог отделаться от мысли, что дворник до сих пор стоит там внизу и скребет, скребет, скребет. Куски засохшей бурой краски забиваются под ногти, пальцы кровоточат, оставляют полосы на железе, колкие шипы вонзаются всё глубже, глубже, а он бормочет свое «Дарафт» и не останавливается.

Я даже вышел на лестничную площадку, как будто вынести мусор, но на самом деле — прислушаться. Лязгнула крышка мусоропровода, стеклянные банки из-под томатов застучали по грязному ходу, удаляясь, раскалываясь, исчезая в горе помоев там, внизу. Я же слушал молчание парадной. Было тихо. Очень тихо. Непривычно для подъезда шестиэтажного дома. Скрежет раздавался только у меня в голове.

А еще в соседней квартире очень жалобно мяукала кошка.

Я постоял у окна, глядя на темнеющий двор и черные коробки гаражей, а затем вернулся домой, планируя быстро поесть, свалиться в кровать и посмотреть какую-нибудь драму. Я люблю драмы. Когда их смотришь один, в особо прочувственные моменты можно и слезупустить, на душе сразу легче становится, светлее. И никакого удара по репутации — для всех ты по-прежнему суровый мужчина.

А после фильма (или под его звуки) было не менее ценным повернуться носом к стенке, обнять подушку (об этом тоже не хотелось бы никому говорить)

и уснуть. Мой обычный вечер.

Но не сегодня. Кино показалось пресным, несмотря на Де Ниро и Брэдли Купера. Сон не шел. Зудели пальцы. Под ногтями будто что-то застрияло.

Город уже спал, под окнами почти затихли автомобили, оставив пустые дороги с мигающими жёлтым светофорами дляочных гонщиков, а я лежал на спине, под одеялом, и смотрел в потолок. Мне казалось, что внизу опять заскребли по железу заскорузлые ногти. Я приподнялся на локте, вслушиваясь и кляня себя за богатое воображение.

Ночь изменилась. Я вдруг отчетливо услышал в ней голос. Он шел не с улицы, не из соседского телевизора. Невнятный, с мужской хрипотцой и женской мелодичностью. Но сколько я ни вслушивался — не мог разобрать ни слова. Пульсирующая, неразборчивая речь пропитала ночь, стала темнотой. Проникла и в меня тоже.

И я восторженно замер, чувствуя, что ещё чуть-чуть, и мне откроется истина, которую доносил до меня неведомый. Ещё самая капелька, и мне станут известны ответы на все вопросы. Вообще на всё. Слова вот-вот должны были обрести смысл, и изменить мою жизнь. Дыхание замерло в груди, сердце сладко заныло. Боже, как я ждал этого осознания. Как тянулся к нему!

Пьяный крик с улицы выдернул меня из объятий темноты, и я в гневе бросился к окну и, только распахнув его, очнулся. Сильно тряслись руки. Я стоял мокрый от пота, задыхающийся. От частых ударов в груди кружилась голова. Ноги подкосились, я сел на пол, держась рукой за грудь. Сердце заныло, застучало. Голос исчез, и оставил после себя лишь липкое ощущение страха. Ужаса перед тем, что этот неведомый, обещающий волшебство, вернётся.

И мне это понравится.

Борясь с дурнотой, я побрёл на кухню, где влез в коробку с медикаментами. Порылся в ней немного и вытащил упаковку фенозепама. Остаток с последнего нервного срыва. Дурное средство. Но мне помогало. Всегда.

Я забросил крошечную таблетку в рот, запил её водой, вслушиваясь в темноту. На улице запел пьяный мужчина, и его заунывное, и при этом маршевое, «Звезда по имени солнца»казалось воплощением одиночества в ночной мгле.

Он ведь спас меня. Гулящий пьяница в сонном мегаполисе. С этими мыслями я забрался под одеяло, и когда пришла теплая волна феназепама — провалился в сон.

Утром на лестничной площадке мне повстречался сосед. Мы иногда здоровались за руку, но даже не знали имён друг друга. Выглядел он неважно: под глазами в мешки собрались плохие мысли, лоб хмурился.

— Привет...

— Доброе, — максимально бодро ответил ему я.

Лифт дополз до нашего этажа, хрустнул, остановившись. Двери распахнулись, и я прошёл внутрь.

Сосед остался на площадке. Он смотрел прямо перед собой и шевелил губами.

— Едешь? — спросил я. Он вырвался из плена дум, торопливо шагнул в лифт.

— Ночью кот окно разбил, представь? — вдруг сказал он. — На кухне. Там

у меня не стеклопакеты стоят. Высадил форточку! Вот как?!

— Ничего себе!

— Жена говорит — весь день норовил слянить. Я когда с работы пришёл — она его даже в комнате заперла, чтобы между ног не прорвался. Вечером чуть не рехнулись от его канюченья. Я бы выпустил, но ты читал, да? Внизу? Вот, не стали выпускать. А ночью скотина выпрыгнул. Насмерть. Фигня это все, что они на четыре лапы падают. Фигня. Я вышел... И... Там увидел...

Он резко замолчал. Мы вышли на первом этаже. Спустились по лестнице. Он посмотрел на меня с сомнением, будто хотел чего-то спросить, но я опередил его:

— Доброго дня. Все будет хорошо!

И торопливо, делая вид, что безмерно опаздываю, поспешил на автобусную остановку. Я не хотел, чтобы он сказал лишнее. Не хотел ни минуты больше пребывать в его компании, чтобы не коснуться тёмной паутины, окутавшей соседа. Она была у него в волосах, она высывалась из рукавов и вязкими дорожками оплетала ноги.

Сосед её не видел. Да и была ли эта липкая субстанция на самом деле — мне знать не хотелось.

Иногда, пока важные слова не сказаны, можно сделать вид, что ничего не было. Можно немножечко оттянуть неприятный момент.

В течение занятого заботами рабочего дня я то и дело возвращался в память к ночному страху. И каждый раз шумно вздыхал, прогоняя мысли. Коллеги притворялись, что не замечают этих резких, свистящих вздохов, но я-то видел, какие косые взгляды они бросали в мою сторону.

Начальник несколько раз поднимался из-за своего стола и вопросительно поднимал левую бровь, а я лишь виновато улыбался. Тревога грызла сердце. Предвестники старых, почти забытых панических атак бродили вокруг меня и сжимали грудь. Мне казалось, что на этот раз это не нервы. Что на этот раз мне ударят прямо в сердце. Что сейчас-то оно и содрогнется в последний раз. Под конец рабочего дня, страшась остаться в офисе в одиночку, я быстро собрался и поспешил на улицу, к людям, и бродил по летним проспектам до поздна. Когда же ноги сами вывело меня к моему двору, я торопливо пересек его, поднялся к себе и сразу же принял таблетку.

После чего около часа лежал на кровати, вслушиваясь — пробьется ли сквозь пелену седативных тот странный зов. Гул не вернулся. Да и дом молчал, лишь урчали под окнами двигатели пролетающих мимо моей жизни автомобилей. Я даже не заметил, как уснул.

А ночью меня разбудил крик на лестничной площадке. Я открыл глаза. Во тьме мигали зелеными огоньками электронные часы. 03.43. Приснилось?

Словно в ответ мне вопль повторился, но сейчас он звучал как-то тише... Слабее. Я опустил ноги на тёплый ковер у кровати, нашупал тапочки и, стараясь не шуметь, прошел к двери, прислушался.

Подъезд молчал.

Может, все-таки, показалось?

Я вслушивался в тишину, не смея открыть дверь, и в какой-то момент мне

посыпалось жалобное всхлипывание. Кто-то там, снаружи, тихо-тихо пла-
кал, из последних сил, а потом вдруг отчетливо проскурил:

— Не надо... Я никому не скажу...

Я узнал соседа, у которого ночью выпрыгнула кошка. Взялся за ручку двери, планируя выйти на площадку, но не решился. Сжался весь, вслушиваясь. Всхлипывания прекратились.

Показалось? Если бы крик мне не послышался, то наверняка кто-нибудь уже бы и выбрался проверить. Ведь не может весь подъезд стоять, как я, у двери и трястись от неуверенности?

Игра воображения?

Отстояв так несколько минут, в тишине, я вернулся назад и забрался под одеяло. Затем вновь поднялся и запер дверь в комнату. На всякий случай.

Наутро я не воспользовался лифтом. Что-то потащило меня по лестнице пешком, и, пробегая пролеты, я озирался, в страхе, что увижу причины ночного крика. Мне хотелось найти доказательства собственного безумия. Успокоиться и начать его лечить. Так много проще жить, когда все определено. Когда все знаешь.

На площадке между первым и вторым этажом пол ещё не высох от недавней уборки. Редкой, надо сказать, у нас в подъезде.

Мне стало дурно. Запах хлорки смешивался с каким-то сладковатым ароматом, от которого, тем не менее, кишки скручивались в тугой комок. Я когда-то был на бойне и... Там пахло так же.

Не помню, как оказался у выхода из парадной. Не помню, как вышел наружу. Свежесть утра чуть привела голову в порядок, и я услышал, что слева от меня кто-то возится. Обернулся. Дворник запирал дверь в мусоропровод, и, увидев меня, поспешно отвел взгляд. Вытер руки о штаны спецовки и заторопился к себе в гараж, выделенный под домовые нужды. Застучала металлом старая тележка, которую он с видимым усилием толкал перед собой. На ней подпрыгивал пластиковый бак, накрытый мокрой мешковиной.

Я чуть было не подскочил к нему, чтобы содрать грязное тряпье. Я был уверен, что найду в баке труп соседа.

Но ничего не сделал, лишь проводил дворника испуганным взглядом. Вызвать полицию? Что я им скажу? Арестуйте его, пожалуйста?! Он азиат, он странно себя ведет? Потому что мне так кажется? Потому что я принимаю седативные? Просто поверьте мне?

Я же сам себе не верил. Но сосед...

Дворник почувствовал мой взгляд и обернулся, испуганно втянул шею в плечи и налёг на тележку.

Соседа я больше не видел. Несколько раз звонил в дверь, один раз даже заполночь, но мне никто не открыл. Хотя я был уверен — там кто-то дышал. Кто-то смотрел в глазок на меня и дышал.

Я стал следить за дворником. Осторожно, памятую о возможной судьбе соседа. По вечерам выходил на лестничную площадку, вроде бы просто покурить (хотя до этого даже не пробовал сигарет), но на самом деле наблюдал за двором. За моим притихшим и опустевшим двором, в котором по-прежнему

появлялисьочные собачники. Как и раньше ползали в поисках парковки разнообразные автомобили и возвращались с работы люди. Но при этом все было уже иначе, уже не так.

Жители двора теперь всегда торопились. Иногда даже срывались на бег, чтобы побыстрее оказаться в парадной. Хозяева волокли рвущихся с поводков питомцев по газонам и спешили назад, под защиту стен. Никто ни на кого не смотрел. Никто не спрашивал друг друга — что происходит. Каждый был поглощен чем-то...

Несколько раз я сталкивался с соседями по парадной, и они будто не замечали меня. Торопливо открывали замки, звеня ключами, и скрывались в квартирах. Пару раз я прислушивался к тишине в их жилищах, но не мог различить ни звука.

Они словно прятались, и этажи больше не знали ни звука ссор, ни крика детей, ни какой-либо музыки. Это пугало меня. Я не прекращал пить феназепам, и даже добавил таблетку утром, но все равно не мог перестать думать об этих странностях. На работе вел себя как настоящий зомби, и дошел до того, что начальник решительно отправил меня в отпуск.

Я не сопротивлялся, хотя уже и не хотел никуда ехать. Потому что мне нужно было следить за дворником. Потому что на фоне удивительного страха, поглотившего людей, по двору смело перемещался только азиат! У него даже осанка исправилась.

И уже через несколько дней наблюдений я отметил для себя отдельную схему в его жизни, отличную от обычной.

Очень часто и подолгу он пропадал за гаражами. Там ещё с моего детства образовался мёртвый угол между старым бетонным забором (начинающимся от жилого дома и до гаражей), самими гаражами, школьным забором и школьной же хозяйственной постройкой из белого кирпича. В детстве, когда школу ещё не обнесли заборами, я похоронил там хомяка. А в подростковом возрасте мы постоянно бегали туда в туалет, и, по-моему, с тех пор иначе этот закуток я и не воспринимал.

Поначалу я было решил, что и дворник ходит туда по нужде, но иногда он находился там часами.

После недели наблюдений я решился, и, пока никого не было рядом, торопливо спустился, как был — в домашних тапочках, и заглянул в этот закуток. Под моими ногами что-то хлюпало, воздух пропитался удушливой кислотиной нечистот, но я упорно прошёл глубже, пока не увидел будку, высотой метра три, сколоченную из фанеры и досок. На двери висел большой замок. Я приблизился, чувствуя, как в воздухе проступает запах гниения. Когда до строения оставалось метров десять — смрад уже выворачивал мне желудок. Я остановился, закрыл нос рукавом и всмотрелся в странное строение, вокруг которого росла непомерно пышная для каменного города трава. Высокая, изумрудная, и чудовищно вонючая.

Она извивалась. Сначала я подумал, что это ветер, но после пригляделся, и понял, что зелёные стебли тянутся ко мне. Они чувствовали меня.

И, клянусь Господом-Богом, в зелени, облепившей будку, что-то шевелилось!

Я торопливо попятился, не отводя взгляда от иззывающейся ярко-зелёной

травы. Мерзкие изумрудные волосы скользили по фанере будки, будто оберегали её, гладили.

В себя я пришёл лишь на детской площадке, напротив злосчастного забора. Сел на скамейку и уставился на бетонное сооружение, за которым лизала будку жуткая трава.

Что-то скрипнуло совсем рядом, и я даже подпрыгнул от неожиданности. В нескольких шагах от меня на старых качелях сидела маленькая девочка, лет девяти. Из-под натянутой до бровей красной тканевой шапочки сверкали бирюзовые глаза.

— Привет! — сказал я. — Почему ты одна?

Мне безумно хотелось отвлечься беседой, пусть и с ребёнком. Тем более что здесь не было того липкого страха, преследовавшего меня эти дни.

— Мама сказала, что нельзя говорить с незнакомцами, — очень серьёзно ответила она и шмыгнула носом. — Кроме дворника.

— Да я живу во-он в той парадной!

Она посмотрела в указанную сторону и одинокое недоверие содрогнулось. Во взгляде появилась надежда.

— А почему вы в тапочках?

Я посмотрел на отсыревшие ноги в зелёных шлепанцах из Икеи. Содрогнулся.

— Так получилось...

— Вы странный...

— Да, наверное, — растерянно согласился я. — Наверное, странный. А почему ты одна тут?

— Никого не отпускают гулять. Говорят, эпидемия свинки. Что такое свинка?

— Это такая болезнь... — всё вокруг было как во сне. Как чёрно-белое кино, необычайно унылое на фоне той зелёной травы.

— Покачать тебя?

Она закивала, и я поднялся со скамьи. Взялся за холодное сидение. Качели жалобно заскрипели.

— Почему тебя мама отпускает, раз эпидемия?

Я смотрел на её затылок в красной шапочке с мордочкой зелёного динозаврика. Яркое детство на фоне серого забора. Мои ноги пропитались чужой мочой, в ноздрях застрял смрад будки, таящейся по ту сторону, и я все ещё чувствовал живой интерес травы к себе.

— Я не знаю. Мама сказала, что я уже взрослая и могу гулять одна. А других мне слушать не надо. Что так я буду самодостаточной! Что за мною присмотрят. Дворник присмотрит.

Она второй раз сказала о нем. Второй раз!

— По-моему, это больше не моя мама, —тише сказала девочка. Качели скрипели, каркала одинокая ворона, а с проспекта по ту сторону моего дома пролетали автомобили.

— Почему?

— Она не улыбается. Они все не улыбаются. И все смотрят туда.

Не нужно было указывать направление. Я понял, о чём она.

— Как и вы, — добавила она. — Но вы другой, у вас смешные тапочки.

Я хмыкнул.

— И вы улыбаетесь.

Девочка повернулась, вцепилась тоненькими пальчиками в качели.

— Вы слышите дерево?

— Кого?

— Дерево. Оно там, — в этот раз девочка ткнула рукой в сторону забора. — Мама говорит с ним во сне, но потом говорит, что я всё придумываю. Что я должна молчать, иначе оно разозлится.

— Почему ты думаешь, что она говорит с ним?

— Я его видела. Оно растет в ящике, пушистое-пушистое, и на нем игрушки. Тоже пушистые. Оно меня зовёт, но я притворяюсь, что не слышу.

— Ты была... Там? — я имел в виду будку.

— Во сне! А вы его разве не слышали? Если не спать ночью, то его все слышат. Но не признаются! Им нравится.

— Полина! Немедленно домой! — прервал нас недовольный окрик из окна.

— Мама зовёт, — девочка спрыгнула с качелей и побежала к парадной. Потом вдруг обернулась и звонко крикнула:

— До свидания.

Я стоял, ошеломлённый странным разговором, и смотрел на забор. Внутри меня останки смелого юноши, которым я был когда-то, требовали пойти немедленно к той будке и вскрыть её. Перебороть отвращение перед запахом и увидеть правду. Убедиться, что нет ничего инфернального, и мне просто выпала судьба поговорить с больным ребёнком. Больной мужчина нашёл большую девочку. Так бывает.

Потому что нет никого, зовущего по ночам. Нет голоса, не было тех криков в парадной, и все мои заморочки — это всего лишь результат стресса.

Однако бунтарь внутри притих, и я отправился домой, где под работающий телевизор сидел на кухне за кружкой остывшего чая и пытался понять, что же происходит. Пытался разобраться в себе и отыскать хоть капельку отваги, способной выдернуть из сомнений. Сделать шаг.

«Ты болен,» — говорил внутренний голос.

«Нет, что-то определенно происходит. Ты видишь это?»

«Это болезнь! Борись с ней. Осознав её — ты уже на пути к выздоровлению. Тебе надо обратиться к специалисту. Таблетки не панацея».

«Но дворник, девочка...»

«Мнительность. Ты в синяке на ноге теперь увидишь проявление рака!»

Подобные безмолвные монологи преследовали меня и до этого, утихая только после таблеток. Но на этот раз я понял, что говорю вслух. И замолк в испуге. С трудом дождался десяти часов вечера, проглотил лекарство и запил его стаканом воды.

Мне приснилась Полина с качелей, и её красная шапочка с зелёным динозавриком. Девочка шла по ночной улице, взявшись за руку дворника, и обворачивалась на стоящую под фонарём маму.

Которая уже не была её мамой.

Наутро я, прихватив с собой ледоруб (остался ещё со студенческих туристических времен) отправился к будке. На лице моем играла улыбка, потому

что когда перестаешь думать и начинаешь действовать — всегда становится легче. Просто надо найти опору для первого шага.

Пусть даже это будет сон.

Я быстро миновал спящий двор, свернул за синий гараж, проскользнул по натоптанной тропке за школьный хозяйственный блок и встретил дворника. Он стоял на коленях перед распахнутой дверью будки. Жалкий, перепуганный и благоговеющий. Я крадучись подходил к нему, и чем ближе становился, тем отчетливее слышал запах гниения. Азиат же в священном восхищении беспрестанно лопотал что-то на своем языке и не замечал моего приближения.

Вонь стала нестерпима. От неё крутило наизнанку, и я терялся в догадках, что же могло вызывать столь ужасный запах. Трупы? Боже, тот крик ночью!

Мне вдруг вспомнился ночной сон, и образ убитых детей ясно возник перед глазами. Я живо представил себе разлагающиеся тела подростков в ящике дворника. Несмотря на утреннюю июньскую прохладу — рубаха моментально вымокла от пота. Рукоять ледоруба скользила в ладони. Ритмичные притягивания безумца в тишине родного двора погружали в потустороннее состояние, когда балансируешь на грани и не понимаешь где сон, а где явь. Плюс ещё этот чертов шум в ушах от таблеток.

Я заглянул в будку, поверх головы дворника.

Полина была права. Там, укрытое от солнечных лучей, росло похожее на ёлку дерево. На пушистых ветвях извивались многочисленные гирлянды, и по лампочкам бегали сине-зелёно-красные волны. Мне стало жутко от вида растения, запертого листами фанеры в убогом подобии гроба. Больше всего на свете захотелось, чтобы дверь в будку захлопнулась.

Однако я подошел ещё ближе и увидел те самые меховые игрушки, о которых (как она могла знать? Как?) говорила Полина. Дворник заплакал, опустил лицо в ладони, а я сделал ещё шаг и застыл. На ветвях висели отрезанные кошачьи головы. Пасти скалились в посмертной агонии, и сквозь них торчали неестественно длинные иглы дерева.

— Какого... — хрипло сказал я, и дворник замолчал. Спина его напряглась, и сам он весь будто собрался перед прыжком.

— Я звоню в полицию! — жалко предупредил я, и свободной рукой полез в карман.

— Нет! — фальцетом воскликнул он. — Нет!

Он резко обернулся и кинул мне в лицо ворох хвои. О, она оказалась совсем не мягкая, наоборот — я вскрикнул от боли. Кожа вспыхнула от множества ядовитых уколов. В голове помутилось, будто в ней включили профилактику с белым шумом, но дурнота ушла. Я отпрянул, выставил перед собой ледоруб, вот только когда пришёл в себя — азиат все ещё стоял в дверях будки и в ожидании смотрел мне в глаза. Испуганно, с надеждой.

— Тебе конец, — сказал я и шагнул к нему.

Он пронзительно закричал в отчаянии, сел на корточки и закрыл голову руками. Лишь в последний момент я удержался от того, чтобы не вонзить остриё ледоруба в затылок азиата. Вместо этого ударил его ногой в лицо. Дворник повалился на бок и поджал колени к животу, заслонился руками, отражая мои побои и жалобно взвизгивая.

Боже, никогда в жизни не испытывал подобной слепой ярости. Перед глазами болтались на ветвях головы кошек, мне в лицо вновь летела колючая

хвоя, и всё напряжение последних дней изливалось в череде ударов по извивающемуся на земле человеку. В висках кузнечными молотами барабанила кровь, и каждый пинок немного унимал алое безумие, делал всё сильнее далёкий голосок разума, который вопил: «Стой! Остановись!».

Однако прекратил я только, когда меня оттащили в сторону. Это были два парня из соседнего подъезда. Мы с ними никогда не дружили, а в школьные времена даже сталкивались лбами. Один лохматый, вечно набычившийся, с белёсыми бровями, почти незаметными на выгоревшем от солнца лице, а второй в кепке на стриженом затылке.

— Стой, сук! Стой! — непрестанно повторял Бык. Он со времён школы набрал как минимум полсотни веса. — Стой, сук! Стой!

— Эй, братишка, ты как? Ахмет-Махмуд? Слышишь? — говорил за моей спиной второй. Потом он как-то странно и страшно ахнул.

— Сань? Ты чё? — спросил Бык.

— Ничё, — немного растерянно ответил тот. Меня рванули назад, что-то вскрикнул Бык. Перед глазами возникло лицо Сани. Я уставился на множество красных свежих оспин, будто ему в морду сунули что-то колючее.

Что-то с иглами.

Взгляд стриженого был пуст.

— Дараҳат заифтар, — услышал я позади всхлип дворника. — Лозим духтари.

И тут меня выбутили под возглас:

— Сань, сук, вали его!

Я не знаю, когда прибыла полиция, и кто вызвал скорую. Но когда пришёл в себя — хмурый, небритый врач неотложки задал мне несколько вопросов, посветил в глаза ручкой-фонариком и махнул рукой двум патрульным. Те подняли меня с газона и без лишних церемоний повели к припаркованному неподалёку полицейскому «Патриоту».

Я выворачивался из их хватки и кричал о дереве в будке. Я кричал об обезглавленных кошках, но на меня старались не смотреть. Взгляды плавали вокруг, и замирали на мне, только если я отворачивался. Случайные прохожие и зеваки шептали про себя: «безумец-безумец, смотрите, это сумасшедший», и только сидящий у машины «скорой помощи» окровавленный дворник не прятал глаз. Он смотрел на меня с удивлением, с настороженностью и молчал. Полицейские же не просто игнорировали мои вопли, но и держали как-то брезгливо, с опаской. Из меня рвались проклятья, вызванные страхом и отчаянием. В такие моменты понимаешь, что стоит помолчать, но тебя уже несёт, и ты в панике повторяешь самому себе: «Нет! Не вздумай этого говорить, не надо!» и сразу же выкладываешь мысли на всеобщее обозрение.

Но потом я увидел кое-что и заткнулся. Бык и Саня-Стриженый, стояли у гаражка, у тропинки к будке, уверенно перегородив проход к Древу. «Это они,» — запоздало понял я. Они что-то наговорили про меня полицейским, пока я валялся на загаженном собаками газоне. В чём-то убедили их, а мои крики лишь усугубили ситуацию. Я сыграл на руку Древу.

Исколотые лица парней были направлены в мою сторону все то время, пока автомобиль полиции выезжал со двора. Во взгляде ребят появилась

чуждость, схожая с безумием азиата. Яд... Дерево взяло их, но у него не вышло подчинить меня своей воле. Почему?

«Может, все дело в таблетках?»

В отделении я уже не спорил, не сопротивлялся. Сказал, что был не в духе, что слегка повздорил, был не прав и обещал исправиться. Я винился так истово, как мог. Меня отпустили поздним вечером, незадолго до закрытия метро, (дворник не стал писать заявление), хотя после навязчиво бодрого лейтенанта со мною долго говорил не менее навязчиво добрый мужчина в штатском с мягким, но невероятно цепким взглядом, за которым таились белые стены и успокаивающие уколы. Мне удалось убедить его в своей адекватности. Хотя, признаюсь, сам я в ней сомневался.

Когда я покинул участок и вышел на ночную улицу, то минут пятнадцать стоял под фонарём, неподалёку от крыльца отделения полиции, и боялся сдвинуться с места. Мне казалось, что исколотые рядом, что они ждут меня. Что стоит ступить во тьму и дороги назад не будет.

Июньская ночь дышала теплом и покоем. По улицам, несмотря на поздний час, прогуливались туристы, приезжающие в мой город каждое лето. Они улыбались, смеялись, а меня била дрожь ужаса перед будущим. Я не понимал, как бороться с Древом и его стражами. Мне даже некому было рассказать о своих опасениях. Я оказался совершенно один против родного двора. Против места, которое должно придавать сил, а не тревожить. Дарить ощущение безопасности и чего-то неотъемлемого. Ведь на крыше того самого гаража я когда-то болтал ногами, будучи ребёнком. Сто раз заглядывал в закуток, где теперь выросла дьявольская будка, а школьником постоянно колотил мячом о белый кирпич хозблока. Что у меня оставалось теперь?

Ночь я провел на вокзале. А утром позвонил оттуда в ЖЭК и оставил жалобу на незаконные посадки во дворе. Весь вечер метался по городу, желая вернуться домой, но не решаясь на это. Они ведь ждали меня, наверняка ждали!

Вечером же ещё раз позвонил в ЖЭК, и приятный женский голос в телефоне рассказал, что нарушений по моему адресу не выявлено. Я спросил у девушки, не было ли на лице проверяющего, когда тот вернулся в бюро, красных точек от игл. Та повесила трубку, а я рассмеялся так, что привлек внимание прохожих. Они старательно отводили глаза от хихикающего незнакомца с мобильным телефоном в руках.

Меня всегда страшили книги и фильмы о безумцах. Есть нечто инфернальное в том, как человек уходит в несуществующий мир и не понимает этого. Для всего остального он лишь очередной псих в лечебнице, но его-то вселенная меняется. Он-то остается в ней. И ему никуда не деться.

Мой визит вспугнул дворника, это очевидно. И он что-то сказал такое тогда, торопливое, нервное. Что-то проговорил, обращаясь к Быку и Саше... Проклятое «дэрхат» и что-то ещё. И это значило — нельзя останавливаться, нельзя сомневаться. Надо действовать. Надо остановить его. Даже если они ждут меня — я обязан что-нибудь сделать.

Двор встретил молчанием. Он пропитался тревогой, и прохожие старались

в него не заворачивать. Я торопливо проскочил мимо забора и юркнул за гараж. Где столкнулся с Быком. Он преградил мне дорогу, многозначительно скрестив руки на груди. В правой был зажат мой ледоруб.

— Я хочу увидеть его, — сказал я и соврал. — Оно звало меня.

— Иди отсюда, сук, — отрезал Бык. Пустой безумный взгляд бегал по моему лицу, на губах подрагивала улыбка человека, который знает многое, но не спешит делиться. Улыбка приближённого к тайне. — Ещё рано.

Я сделал шаг вперёд, стараясь заглянуть ему за плечо. Рука с ледорубом напряглась, Бык пошевелился, и мне не оставалось ничего, кроме как отступить. Я услышал шаги сзади и обернулся. Женщина лет сорока, с припадающей на задние лапы немецкой овчаркой, остановилась у угла гаража, окинула нас, стоящих на тропе, измученным взглядом и ушла прочь.

— Оно соберёт вечером. Мы всё сделали. Теперь будет как надо, — сказал Бык. — Но сейчас рано, сук. Вечером. Ты должен знать.

Я кивнул, невероятно напуганный тем, как легко он принял меня за своего. Сделал несколько шагов прочь.

Мне вновь показалось, будто в траве вокруг будки что-то шевелилось. Но теперь оно было больше. Точно. Значительно больше.

Чудовищно больше.

И рядом с изумрудными зарослями лежала какая-то красная тряпка с зелёным пятнышком. Я никак не мог понять, почему она меня так тревожит. Почему кажется такой знакомой. Снедаемый тревогой, вернулся в квартиру, последний оплот моей старой, хорошей жизни. Запер вторую дверь, накинул цепочку. А потом ещё и придинул стул к ручке.

Что это была за тряпочка? Почему она меня так зацепила?

Около полуночи в парадной одновременно захлопали двери квартир, провожая покидающих их владельцев. Я забился в ванную, но даже там слышал эти проклятые удары. Эти призывные там-тамы.

Началось. Что-то началось. И я не нашёл в себе сил спуститься. Вскоре всё резко утихло, и дом словно вымер.

А потом мне в дверь постучали.

Резкий звук в темноте бросил меня в ледянную испарину. Первым желанием было притвориться, что меня нет дома, но эта трусость вдруг возмутила меня. Весь вечер сердце нагревала ненависть к себе и презрение, и неожиданно пришло понимание, что, спрятавшись, я предам последнее, что у меня осталось — родные стены. Поэтому я, не скрываясь, подошёл к двери, захватив с собой нож. Поджилки тряслись, в горле стало сухо, но я выцарапал из него: «кто?»

Никто не ответил. Мои пальцы, будто по чужой воле, скинули цепочку. Глухо стукнул отодвинутый стул, чавкнула дерматином, открываясь, вторая дверь. Через глазок я увидел, что на площадке стоит бабка Савельева. Седые лохмы торчали дыбом, обкусанные губы шевелились. Она затравленно озиралась по сторонам и, заметив мою заминку, прижалась к двери.

— Юрочка, откройте! Откройте, умоляю вас!

Я впустил её внутрь, почувствовав себя заговорщиком. Плотно прикрыл дверь. От Савельевой пахло старостью и немытым телом. Она подслеповато шурялась, разыскивая во тьме моё лицо.

— Вы знаете, что с моей кошечкой? Знаете что с Дашенкой, да? — забормотала

она, и, не дав мне ответить, продолжила. — Элла Леонидовна говорила, что знаете. Что вчера, когда вас увозили, вы кричали... О Дашеньке. Вы знаете? Она мертва?

— Я не уверен... Вы слышали... Двери?

Перед глазами вновь возникли кошачьи головы в ветвях. Белые зубки оскаленных мордочек. И следы от иголок на мясистом лице Быка.

— Она каждую ночь мяучит на балконе. Что-то говорит, но я не открываю. Мне кажется, это не она. Что она теперь с ним.

— С кем?

Она отшатнулась, заискивающе улыбнулась, отчего состарилась ещё лет на двадцать. Я напугал её глупым вопросом, бросил назад в сомнения. В думы, что не реальность изменилась, а сознание. Столкнул с табуретки разума, на которой и сам-то с трудом держался.

— С деревом? — поспешил я уточнить, но Савельева уже открыла дверь и спиной вывалилась на площадку. Слепо нашарила кнопку вызова лифта.

— Скажите же! С деревом, да? Вы тоже его слышите? Вы слышали двери? Вы знаете, что происходит?

Она перестала улыбаться и устало сказала:

— Всё меняется, Юрочка, — лифт захлопнул пасть, проглотив её, и потащил вниз, на третий этаж.

Я смотрел на закрывшиеся двери и трясясь, как в лихорадке.

— Я видел её голову на том дереве! Я видел её! — вырвался крик. Эхо прокатилось по немым лестничным пролетам. Секунды прошли как часы. Снизу донеслось старческое шарканье, и грохнула железная дверь.

Страх и любопытство провели меня на пол-этажа ниже, к окну во двор. Я привычно прижался к стенке и посмотрел вниз.

Двор был переполнен людьми. В сумерках, под одиноким фонарём у помойки я видел почти всех жителей нашего микрорайона. Я узнал уборщицу из школы, где учился, увидел бывшую одноклассницу, к которой когда-то писал нежные чувства, но удостоился лишь пьяного секса на десятилетии выпуска. Увидел ту женщину, что гуляла с собакой сегодня.

Они толпились у синего гаража, где стоял проклятый дворник и два его новых помощника — Бык и Саня-Стриженый. Они чего-то ждали.

Через открытое окно не доносилось ни звука. Двор молчал. Впитывал. Я вернулся назад в квартиру, запер все замки и принял двойную дозу лекарства, чтобы забыться, но всё равно ворочался до двух ночи, слушая тишину и страшась шагов на лестничной площадке. Шагов и звонка тех, кто был когда-то моими соседями, но теперь служили Древу и пришли за мною. В момент засыпания мне почудился далекий вскрик, но химия уже подействовала, и я ушёл в темноту.

Тем вскриком была вышедшая в окно хозяйка Дашеньки.

Мне сказал об этом участковый. Он, бледный, нервный, все утро крутился в поисках свидетелей и к десяти часам присел на лавочке возле парадной и закурил. Я увидел это со своего наблюдательного поста и торопливо спустился, сделав вид, что просто вышел подышать сигареткой. Сел рядом, в своих чертовых зелёных тапочках, и мы разговорились. Охотно, как солдаты после боя. Солнечный день прогнал ночной ужас, и я уже не мог гарантировать, что

те люди во дворе были на самом деле. Однако смерть Савельевой...

Мы с участковым болтали, а из окон на нас смотрели соседи. Молчаливые, внимательные. Я старался не показывать вида, что замечаю их силуэты.

— Будто никто не работает, — сказал мне участковый после короткой беседы. На вид ему было не больше двадцати пяти, приветливые голубые глаза смотрели весело и с легкой хитринкой. — Все по домам сидят, едриные колобахи. Никто ничего не видел, не знает. Лишь смотрят. У меня, клянусь, в груди ёкает от этих взглядов. Жуть какая-то, а не подъезд. Вроде не так раньше было. Ты сам-то здесь обитаешь?

Я кивнул. Он внимательно посмотрел мне в глаза и хмыкнул:

— Порядочный, раз не сталкивались. Я-то всех шумных тут уже повидал. И теперь, смотрю, все смиренные стали. Молчаливые. Хорошо, конечно, что не дебоширят, как раньше, а всё равно жутковато.

— Она частоссорилась с дворником, — мой взгляд упал на кобуру участкового. — Савельева. Что-то они не поделили.

— Да? И что?

— Не знаю, что-то там, за гаражами, — идея вывести представителя закона на будку показалась мне интересной.

— Да? — опять повторил он. Глянул в сторону гаражей. — Ну, пойдем, посмотрим, что они, колобахи, могли не поделить.

Я шёл следом, едва сдерживаясь от того, чтобы не подгонять неторопливого участкового. Мне страшно хотелось рассказать про исколотых, про дерево в будке, про кошачьи головы в ветвях, про людей на улице ночью. Про что-то в густой траве.

Но скажи я хоть слово — он наверняка бы озабочился вызовом «неотложки». Поэтому я молчал. Молчал, когда участковый свернулся за гараж. Молчал, когда Бык без лишних слов ударил удивленного полицейского ледорубом в голову, и та с жутким хрустом и хлюпаньем раскололась надвое. Кровь брызнула в лицо «исколотому», труп участкового упал на землю и его ноги заплясали в агонии, а я в тот же миг рванулся к кобуре. Схватил пистолет, дёрнул его на себя и оторвал оружие вместе с цепочкой и хлястиком на штанах. Отбежал прочь от окровавленного Быка, который нарочито медленно стряхнул серо-красную кашу с лезвия ледоруба.

Мне хотелось заорать так громко, как не способен кричать человек. Я обернулся, в поисках прохожих, и увидел уже знакомую собачницу с овчаркой. Но она и её пес безучастно смотрели на труп полицейского, словно на земле развалилась куча мусора, а не человек.

Из окон дома на меня пялились люди. В каждом проеме, со второго по шестой этаж, стояли женщины и мужчины, старики и подростки, и все они следили за мною. Все как один.

Палец сам щёлкнул предохранителем «Макарова». Я передёрнул затвор, поднял оружие и направил ствол в грудь Быка. В глазах того появилось удивление.

«Не дёргайте, жмите плавно,» — когда-то сказал мне инструктор по стрельбе, и я сделал так, как он учил. Отдача наполнила меня восторгом. Пуля отбросила Быка на землю и я, не колеблясь, пошёл к будке.

Уже недалеко от неё я вновь увидел ту красную тряпку, так запавшую мне

в память. Она лежала на границе с изумрудной травой. И только в этот момент я узнал в ней шапочку с динозавриком. В глазах потемнело.

Позади раздался рык: хозяйка пса, оскалившаяся от гнева, бежала ко мне. Я вскинул пистолет.

Бах!

Она споткнулась и ткнулась лицом в землю. Затихла. Пёс с визгом убежал. А я застонал от ужаса.

Потому что в траве у будки, оплетённая стеблями, лежала Полина с качелей. Хищная зелень опутала её с ног до головы, проткнула кожу во многих местах и... питалась.

А вокруг в траве шевелились иссушенные, оплётённые, и всё ещё живые домашние любимцы. Те, которые пока не украсили собой ветви Древа. У девочки под стянутыми веками лихорадочно метались глаза, будто она видела плохой сон, но никак не могла проснуться.

Сверху послышался звон, и из окна выпрыгнул пожилой мужчина с воплем:

— Назад! Назад, святотатец!

Он грохнулся на землю в пяти шагах от меня, и я услышал хруст переломанных костей. Прыгун взывал от боли.

Бах!

Я промахнулся мимо дужки замка, пуля пробила фанеру и исчезла в будке.

Бах!

Замок лязгнул, и я рванул дверь на себя. Запах гнили чуть не сбил меня с ног. Древо ощетинилось иглами, встречая меня. Десятки кошачьих голов оскалились, закачались. Я стоял в зловонии и смотрел на врага, внезапно осознав, что у меня нет никакого плана. Что я лишь догадываюсь, как бороться с растением, поработившим мой двор. Нужно было подумать об этом заранее. Купить бензина или хотя бы взять с собой топор.

Древо почувствовало мою слабость и восторжествовало сквозь многоголосый вой слуг, спешащих ему на помощь. Пенсионер со сломанными ногами орал от боли, но подползал ближе, извергая проклятья. Люди в окнах исчезли, никто не повторил его прыжка, и сейчас они толкались на лестницах. Торопились ко мне.

Четыре патрона в обойме...

Я шагнул в будку, и иглы впились в меня. Вонзились в ладони, охватившие теплый ствол. Яд сцепился во мне с химией феназепама, и разум вновь устал. Ранки зажглись болью, и я рванулся назад, ломая дерево. Ветви опели тело, трава била по ботинкам и жалила кожу, проникая под штаны, а я обхватил ствол руками и раскачивался взад-вперед. Иглы тонкими пальцами искали мои глаза, лезли в ноздри. Древо вопило о помощи, и ему обезьяньими криками отзывались его слуги, бегущие со всех концов двора.

Ствол треснул, дерево поддалось, но тут в глазах потемнело от страшного удара в голову. Я обмяк, и меня потащил прочь здоровенный бугай, живший в доме за детской площадкой. Он визжал от ненависти, а я цеплялся за ветки, и те изивывались под пальцами, выскальзывали. Древо треснуло ещё раз; мужик

выдернул меня из будки и бросил на землю.

От удара из груди выбило дыхание, я лягнул великана ногой в живот, пеперевернулся на спину и прострелил ему голову. У гаража появился растрепанный дворник. Он стоял на четвереньках и по-звериному скалился, безумный взгляд цеплялся за Древо в будке. Хрипло крикнув, азиат обезумевшим животным, не вставая на ноги, поскакал в мою сторону.

Бах. Он взвизгнул и скорчился на земле. Я же пополз к будке. Из неё торчала одна из ветвей и длинная хвоя на ней, попав под лучи дневного света, извивалась, как брошенные на угли черви.

— Не нравится, — сквозь туман в голове прошептал я, ухватился за ветку левой рукой. Направил пистолет в сторону прохода у гаража.

Слуги уже не бежали. Они стояли с ошеломлённым видом, плечом к плечу и не понимали, почему оказались здесь. Не понимали, что видят перед собой и зачем так спешили. Древо не питало их больше. Не кружило им головы. Оно умирало.

Я потянулся выше, схватился за следующую ветку и потянул её к себе. Никогда в жизни не слышал ничего мелодичнее этого треска.

Дерево вывалилось из будки, стукнуло меня по голове и оцарапало лицо. Движение игл замедлялось.

— Дяденька, — послышалось откуда-то снизу и слева. Я повернулся и увидел открытые глубоко запавшие глаза девочки Полины.

— Оно меня ест... — испуганно и чуть слышно прошептала она бледными губами. Трава вокруг неё обмякла, ослабила хватку.

— Оно больше не будет, — сказал я.

У гаражей завопила от ужаса женщина. Где-то завыла приближающаяся сирена.

Рука с пистолетом опустилась сама собой.

После долгих и утомительных экспертиз, следствий, судов я перестал сомневаться в своём здравомыслии. Воспаленный мозг не придумает столько бюрократии. Но, в конце концов, дело закрыли, и мне удалось избежать привидительного лечения. Не стану зачитывать вердикты врачебной комиссии и следственного комитета. Я их и не помню, если честно.

Куда важнее для меня было желание разобраться в том, с чем я столкнулся там, за гаражами. Но у меня не вышло. Никто не смог дать мне внятного ответа. Ни биологи, ни зоологи. Чаще всего над моими вопросами просто смеялись, иногда выставляли вон с охраной. В интернете моими вопросами интересовались лишь натуральные безумцы. Поэтому я перестал искать, решив довольствоваться личными выводами.

Скорее всего, тот дворник был лишь первой жертвой Древа. Может, бедолага нашёл его где-то, прикоснулся, и оно взяло его. Заставило служить себе. Заставило кормить животными (их полуразложившихся тел много нашлось в той пышной траве вокруг будки), а потом найти пищу повкуснее, сытнее. Древо впитывало в себя жизнь и росло, становилось могущественнее. Если бы не таблетки, я тоже нашёл бы себя в служении ему.

И тогда оно переварило бы девочку Полину, высосало бы её до конца.

А потом слуги притащили бы следующую жертву. Затем ещё одну... А дальше? Оно бы зацвело? Дало бы плоды?

Мне страшно об этом думать. Я рад, что победил его. Да, оно отравило мой двор и, в конце концов, пришлось продать квартиру и переехать (я не мог больше смотреть в глаза соседям, которые уже побывали на той стороне).

Теперь я живу в кирпичном коттедже на холме, в двадцати километрах от Дубово (какое, оказывается, жуткое название). Вокруг моего дома нет ни одного дерева, а в аптечке всегда лежат спасшие рассудок лекарства. Конечно, пришлось пойти на нарушение закона, чтобы приобрести нужные запасы — но зато теперь я спокойнее сплю.

И почти не думаю о самой будке, о том, что Древо не могло вырасти в ней самостоятельно. Что кто-то его там посадил, оберегая от губительных солнечных лучей. Что в мире сотни тысяч таких тёмных закутков, где уже сейчас из-под земли может тянуться тонкий стебелёк с шевелящимися мягкими иголками.

Почти не думаю.

Но всегда готов.

АНДРЕЙ ТУРКИН

Автор о себе: «29 лет. Живу на Урале: Челябинская область, город Коркино. Образование средне-специальное. Последние 2 года занимаюсь продажей бытового и профессионального инструмента. Основную часть рабочего времени провожу в офисе или в нашем магазине, что позволяет заниматься писательством. Еще увлекаюсь музыкой: играй на гитаре; в студенческие годы играл в любительском рок-коллективе».

Его появление сопровождалось испуганным перешептыванием. Местные жители пришли посмотреть на того, кого так страшились последние недели. И сложно упрекнуть людей в той злобе, с какой они изрыгали проклятия, встречая пойманное чудовище.

— Оборотень. Оборотень идёт, — гремел суровый бас, а когда хозяин отворил ворота, и трое крепких мужчин ввели закованного в цепи человека, мне стало по-настоящему жутко.

События разворачивались во владениях Митрофана и его жены Маргариты.

Детей у них не было, так что их скромное жилище идеально подходило для предстоящего дела.

Дом их — низенькая покосившаяся изба, обнесённая высоким забором — гнездилась на последней улице, на границе болот, простирающихся до самого леса. Глядя на Митрофана, почти двухметрового верзилу, с трудом верилось, что он способен прятиснуться в крохотное жилище. Бедняге постоянно приходилось пригибаться, чтобы попасть в дом или выйти наружу.

С противоположной стороны к забору примыкал сарай с инструментами и прочей, необходимой в хозяйстве утварью. В дальнем конце двора, где я, собственно, сейчас и находился в иступленном состоянии, располагался хлев. Несколько свиней в нём мирно существовали через тонкую перегородку с курами, и ещё оставалось место для хранения соломы.

— Оборотень, — снова пробасил один из троицы и толкнул пленника в угол двора.

Мурашки ледяной волной окатили мое тело, а руки, скимавшие однозарядное ружье, затряслись, как листья на ветру. Даже с оружием я не чувствовал себя в безопасности, зная, что нас ожидает долгая и мучительная ночь в компании зверя.

Передав пленника из рук в руки, мужчины потолковали с хозяином дома и двинулись прочь. Но только когда деревянные створки с грохотом захлопнулись, а на кованые петли опустился тяжёлый засов, я в полной мере осознал ужас предстоящих событий.

Вместе со мной и Митрофаном остались ещё три человека. Все — огромные бородатые мужики возрастом за пятьдесят, и я, едва обросший первым пушком юнец.

На фоне этих могучих и бесстрашных охотников я выглядел жалким котёнком, путающимся под ногами. Но, так уж сложилось, что моё двадцатилетие

ПОД ПОЛНОЙ ЛУНОЙ

совпало с поимкой оборотня, который терроризировал наше село уже несколько недель. А мне, как сыну охотника, по старому дедовскому обычаю, в этот день предстояло доказать, что я стал настоящим мужчиной. При других обстоятельствах я бы отправился за своей добычей в лес, но судьба распорядилась иначе. И вот я здесь.

Небо сплошь затянуло плотным кольцом туч. Начинало смеркаться, отчего всё происходящее представляло моему взору в сером цвете. Я, не отрываясь, наблюдал за оборотнем, боясь пошевелиться. Зная из легенд природу этих существ, их силу и выносливость, я опасался, что ни ружье, ни четвёрка бравых охотников не смогут защитить меня, если ситуация выйдет из-под контроля. Никто из нас ранее не сталкивался с подобным зверем.

Наверняка знаем только одно — убить оборотня способна обычная пуля, можно не транжирить лишний раз серебро, такое дорогое и редкое при нашей жизни.

Медленной поступью, с ружьем наперевес, ко мне подошел Ипполит и положил руку на плечо:

— Что, малец, замер, как вкопанный? Испугался?

Я прекрасно видел, что этот бравый охотник сам напуган до ужаса, но держит эмоции под контролем. Однако блестящие глаза, дрожащее правое веко и едва уловимый скрежет зубов указывали на истинные чувства.

Что я мог ответить этому здоровяку, когда он сам едва держал себя в руках?

— Нет, — твердо сказал я, словно бросая ему вызов. — Просто замёрз немногоС болота тянет сыростью.

Это было правдой лишь отчасти. С заходом солнца, действительно, похолодало, и усилился ветер.

Я с достоинством выдержал оценивающий взгляд Ипполита, ни разу не моргнув. Он натянуто улыбнулся, похлопал меня по плечу и двинулся к остальным.

Шум толпы за забором постепенно стихал. Народ, понимая, что с наступлением темноты лучше держаться от опасного места подальше, принял расходиться. Я недоумевал, почему те трое охотников, которые поймали и привели оборотня ко двору Митрофана, не остались с нами? С тремя лишними ружьями было бы намного спокойнее.

Может, я переоцениваю возможности чудовища?

Как бы то ни было, я боялся отвести от него взгляд. Мне казалось, что, как только я это сделаю — он превратится. И даже понимая, насколько эти мысли глупы (рано еще для подобных метаморфоз), ничего не мог с собой поделать. Сильно хотелось по малой нужде, но я продолжал торчать поблизости и сверлить взглядом пленника.

Он был выше меня примерно на голову. Такой же высокий, как Митрофан и Ипполит, но значительно моложе и не так крепок в плечах. На вид ему около тридцати: ясный взгляд говорил о внутреннем спокойствии, на выразительном смуглом лице — ни страха, ни паники. Он выглядел обычным человеком: встретишь такого на улице — ни за что не догадаешься, что скрывается у него внутри.

Я думал: а как, собственно, охотники определили, что этот мужик — оборотень? Не могли ли они ошибиться? Может, потому пленник и ведет себя спокойно, понимая, что ему ничего не грозит?

Тем временем Митрофан с Ипполитом вынесли из сарая большой деревянный стол и поставили его посреди двора. Толстые берёзовые сучья заменили

ему ножки; столешница сбита из сосняка, покрыта несколькими слоями лака и отполирована овечьей шерстью.

Пока они занимались приготовлениями: искали подходящие поленья для сидений, доставали из погреба бутыли с самогоном, подбирали подпорки под ножки стола, чтобы он не шатался, двое других мужчин — Григорий и Всеивод, так же, как и я, не отрываясь, следили за оборотнем. Тот, в свою очередь, не обращал на нас никакого внимания. А из наших, каждый, хотя и вооружен, но при столкновении с чертовщиной даже оружие не придаёт уверенности.

— Не спускайте с него глаз, — наказал Ипполит. — Особенно, когда мы к нему спиной.

— Пусть только попробует дёрнуться, — оскалился Григорий. — Я всажу ему картечку в брюхо.

Но верил ли он сам в свои слова, сказать затрудняюсь. И почему так опасался Ипполит, если луна ещё едва проглядывала над верхушками деревьев, и по всем правилам (какие я когда-либо слышал), покамест оборотень не представлял опасности?

Не в силах больше терпеть, я быстрым шагом направился к туалету, надеясь, что пока меня не будет, ничего не произойдёт. Оперев ружьё на угольник, и кинув последний взгляд на пленника, я опрометью бросился внутрь, молясь сделать свои дела как можно быстрее. Я приступившись к каждому звуку, а сердце порой замирало, когда слышались резкие вскрики охотников, или когда что-то с грохотом падало.

Справившись, вновь занял свой пост. Подходить ближе я не решался, намереваясь простоять на этом самом месте вплоть до утра, если потребуется.

Тогда-то и раздался громкий рык Митрофана:

— Снимите с него цепи.

Поначалу я подумал, что услышался, или что-то не так понял, но по недумённому выражению лица Ипполита, быстро сообразил, к кому именно обращён этот приказ.

— Митрофан, это не разумно.

— Этими ржавыми цепями мы его не удержим, а только разозлим, — ответил хозяин дома. — Тем более, ещё слишком рано, чтобы его опасаться. Пусть проведёт это время как человек, а не как животное.

В тот момент, когда Ипполит осторожно двинулся в сторону оборотня, я крепче сксал ружье. Оно было заряжено и готово к использованию.

— Боишься этого парня? — С усмешкой бросил вслед Митрофан. — Что же будет, когда увидишь зверя?!

— Не боюсь я его, — после этих слов походка Ипполита стала заметно решительней. Он подошёл к оборотню и, наклонившись, вытащил шплинты из оков. Загремев, цепи рухнули ему под ноги, а мужчина, гордо выпятив грудь, двинулся обратно.

Оборотень продолжал сидеть, уставившись в одну точку. Изредка окидывал взглядом охотников, пару раз останавливаясь на мне, и я поспешно отводил глаза, боясь, что какая-нибудь зараза сможет прицепиться через этот взгляд.

Теперь оборотень был свободен, но не предпринимал попыток спасения.

Меня разрывало от любопытства: о чём он думает, что может рассказать (если пожелает того) и прочее. Каково это — быть оборотнем? Раньше я никогда не видел этого человека. Не из нашего села, это уж точно! Должно быть, пришёл из соседних деревень, когда вода отступила в начале лета, и появилась

возможность обойти топи с северной стороны.

На столе, между делом, появились кружки и тарелки. На резном подносе — наломанный вручную хлеб, над которым сразу же стала виться мошара. В огромном казане источало чудный запах (от которого побежали слюнки) тушеное мясо с картофелем. Как обычно, сложившись едва ли не пополам, Митрофан протиснулся в маленькие двери, больно ударившись лбом. Громко выругался, и чуть не уронил ароматное, источающее нежные запахи приправ, блюдо.

Охотники радостно загудели и, побросав свои занятия, сгрудились возле стола. Казалось, никому более нет дела до одиноко сидящего в постепенно темнеющем углу оборотня. Про него попросту забыли. Расслабились, предвкушая хороший ужин и выпивку. Ипполит потирая ладони, высматривая подходящий для своего аппетита кусок.

— После такого ужина и помирать не страшно, — весело проговорил Григорий, первым усаживаясь за стол.

— Не торопись помирать, — махнул на него рукой Митрофан, — будет тебе ещё.

Последним штрихом стала кастрюля салата из огурцов и помидоров, принесённая Ритой. После чего женщина сразу же удалилась, подгоняя сердитым окриком мужа. На сегодня их двор стал загоном для зверя, и это обесценивало всё остальное.

— Я разолью, — вызвался Всеволод и схватился за бутыль, наполненную мутной жидкостью.

Ловким движением он выдернул пробку и закряхтел от удовольствия, унюхав аромат выдержанного самогона.

— Напиток богов!

— Два раза прогонял, — с гордостью заметил Митрофан, усаживаясь.

Огромной ложкой он принялся накладывать мясо в тарелку, блаженно принюхиваясь, и едва не макая бороду в подливу. А я всё стоял, не зная, как поступить. С одной стороны, я очень проголодался, но...

Но страх перед зверем (освобожденным от оков) удерживал на посту. Лицо оборотня было уже не различимо, оставался лишь неясный силуэт. С заходом солнца темнело быстро, сумрак, стущаясь, обволакивал мир.

— Малец, а ты чего стоишь? — махнул мне рукой Митрофан. — Не бойся, оборотень сейчас не опасен. Иди за стол. У тебя же сегодня особенный день.

Мне пришлось присоединиться к остальным, и оставил свой пост. Нельзя показывать страх. Пусть думают, что я осторожен, а не труслив. Не выпуская ружья из рук, аккуратно сел за стол. К моему разочарованию, место осталось лишь со стороны дома, а это означало, что мне предстоит сидеть спиной к оборотню. Приходилось постоянно озираться, чтобы не подпустить опасность с тыла.

Пока охотники обсуждали ядрёный самогон, я быстро положил себе два куска мяса, отломил хлеба и жадно принялся есть. В животе заурчало — я даже не представлял, насколько голоден.

— Та-ак, — стукнул по столу Ипполит, — Малец, давай-ка, сперва выпьем! За здоровье. Чтобы встретить рассвет живыми и невредимыми.

Я даже не заметил, как на дне моей кружки заплескалась ядовито пахнущая жидкость. От одного её запаха меня едва не стошило. То была гремучая смесь, способная свалить с ног носорога.

Охотники посмеялись над моей гримасой, а затем вскинули кружки вверх.

— Эта ночь будет долгой, — Митрофан поднялся на ноги, бросив беглый взгляд на оборотня, — но... У нас есть оружие, — он демонстративно потряс ружьём, — и у нас есть правда. Мой дед однажды встречался с оборотнем, как вы, должно быть, слышали...

Охотники закивали, соглашаясь со словами хозяина. Даже я знал, каким суровым мужиком был дед Митрофана. О нем до сих пор ходили различные байки, хоть и помер он лет тридцать назад.

— ...и он выжил! — продолжал хозяин. — Более того — он убил зверя! Знаете, что он тогда сказал?

Охотники покачали головами, послушно ожидая окончания тоста.

— Эта тварь чертовски сильна... Но не бессмертна! Эти слова я вспомнил сегодня, когда узнал о поимке оборотня. Так уж сложилось, что именно мой дом стал временной узницей для зверя. Но это не проклятие для меня, а возможность стать таким же отважным человеком, каким был мой дед. Это возможность для всех нас. И для тебя, в первую очередь, — Митрофан указал на меня пальцем. — И мы не посрамим наших предков трусостью или отчаянием. После сегодняшней ночи нас будут знать героями. Не забывайте этого! — Последние слова он прокричал.

Охотники одобрительно засвистели, захлопали, мы сдвинули кружки, чокаясь, и выпили. Горло мое обожгло, словно адским пламенем, а из глаз брызнули слезы. Большину часть содержимого я успел проглотить, но остатки выплеснулись на землю. А меня скрутило пополам.

Мужики заржали, Ипполит похлопал меня по плечу.

— Ничего, малец, в первый раз у всех так бывает, — сказал он.

Отставив кружку, я набросился на мясо, желая поскорее избавиться от привкуса самогона. От второй кружки я отказался, но обещал позже присоединиться к остальным и нагнать по мере возможностей.

— Почему нельзя убить его сейчас? — негромко спросил я Ипполита, сидяшего рядом. — Зачем ждать, пока он превратится?

— Потому что нам надо убить зверя, а не человека, — ответил охотник. — Если убьём его сейчас — убьём того парня, что сидит в углу, а не чудовище. Злой дух переселится в его убийцу, и всё начнется заново. Ты понял, малец? Нужно... убить... зверя!

— Понял, — я кивнул, не отрывая глаз от Ипполита.

— Ещё нужно убедиться, что он на самом деле оборотень, а не сумасшедший, считающий себя им, — вставил Митрофан. — А для этого, как ни крути, придётся дождаться превращения.

— Нельзя ошибиться, и убить невиновного, — добавил Всеволод.

Я всё равно не понимал... Как же люди в селе определили, что этот человек — оборотень? Но задать ещё один, наверняка глупый вопрос не решился. Глядя, как охотники жадно пожирают свой ужин, как выпивают кружку за кружкой, я не хотел отрывать их и портить аппетит своими расспросами. Да и мой рот был занят тушенным мясом и рассыпчатым картофелем, так что разговоры я отложил.

После сытного ужина хотелось откинуться в уютном домашнем кресле перед камином...

Но необходимо быть начеку. При каждом подозрительном шорохе я нервно озирался. Так недалеко и до паранойи.

Потом я заметил, что и остальные поглядывают в угол двора. Чем темнее

становилось, тем чаще беспокойство мелькало на лицах. Охотники пытались скрыть свой страх, но он нарастал, и это было видно. Вот кто-то из них смеётся, что-то говорит, а в следующее мгновение дрожь охватывает его тело, улыбка становится натянутой, но не исчезает, чтобы никто ничего не заметил, но полные ужаса глаза косятся на обратня. Затем всё встаёт на свои места.

Я не осуждал их. Только сумасшедшие ничего не боятся.

Но было ли мне спокойнее от моих наблюдений?

Я считал, что они понимают, на какой риск идут, но, похоже, до охотников только теперь стало доходить, на что именно они вызвались.

— Однажды был случай... — завёл очередную басню Ипполит, и принялся в красках расписывать, как спас красну девицу из лап медведя, и как она его потом отблагодарила на сеновале. И как он в итоге подхватил от неё заразу, и три месяца пил вонючие отвары и ходил в туалет со слезами.

Меня разморило: должно быть, самогон подействовал. Эти ощущения были в диковинку, поскольку крепких напитков я отродясь не пробовал. Бывало, что с соседскими ребятами выпивали из родительских запасов немного браги, но, по сравнению с тем варевом, которое «посчастливилось» испить сегодня, она казалась парным молоком.

В одном стало легче — страх постепенно отступал. Я всё реже оборачивался посмотреть, что делает пленник; пару раз даже рассмеялся после очередной байки Всеволода, а затем подпер голову руками и едва не захрапел.

На улице холодало, но в моём нынешнем состоянии это ощущалось как приятная свежесть. Докучали лишь мошки да комары, с противным писком они кружили над столом и назойливо лезли в лицо.

Где-то вдалеке ухала сова, чуть ближе, на болоте квакали лягушки и стрекотали насекомые. Ночь с каждой минутой приближалась к неизбежному — к схватке с чудовищем.

В какой-то момент я чуть не отключился, но голос Митрофана, прозвучавший, как гром среди ясного неба, едва не заставил меня вскочить с места.

— Пусть оборотень поест последний раз по-человечески! — без предисловий заявил он, чем поверг всех присутствующих в шок.

Разговоры оборвались, наступила гробовая тишина. Ипполит забегал глазами. Григорий вынул из ножен длинный зазубренный клинок и положил на стол рядом со своей тарелкой. Ипполит последовал его примеру — тем самым показывая, что они не возражают против затеи Митрофана.

— Пусть садится с нами, — в итоге согласился Григорий. — Он всё-таки ещё человек.

Я не мог поверить своим ушам. Они либо уже напились (хотя, держались достаточно ровно на своих местах), и у них отключился инстинкт самосохранения, либо решили сыграть в какую-то игру, о которой я не имел ни малейшего представления. Чего они добивались? Пощекотать друг другу нервы? Кто первым выкажет свой страх, или что-то другое?

— Эй, оборотень, — окликнул Митрофан. — Иди к нам за стол. Голодный, поди?

Не моргая, я смотрел на пленника и молился, чтобы тот отказался от побратимства со своими палачами. Но, вопреки моим ожиданиям, он молча поднялся, откинул ногой ржавые цепи, лежащие у ног, и направился к столу. Я задрожал, но не сдвинулся с места, и лишь рука сама собой потянулась к ружью.

— Полено вон там возьми, — указал рукой Митрофан.

Я не хотел сидеть с ним за одним столом, но что я мог поделать в этой ситуации? Не вставать же; остальные могут неправильно понять подобный жест, а мне, кровь-из-носу, сегодня необходимо держаться.

Поставив чурбак рядом с хозяином дома, пленник молча сел и обвёл всех взглядом. После чего взял предложенную вилку, достал из казана кусок мяса и принял яждано насыщаться.

— Кто ты? — нарушил молчание Григорий.

— Оборотень, — ответил человек.

— Это я знаю. Как тебя зовут?

— Игнатом.

Передо мной сидел обычный человек с обычным голосом и обликом.

Любопытство и страх боролись во мне: я выискивал отклонения, указывающие на его отличие от нас, но тщетно.

— Как ты стал обо... — начал Всеволод, но его резко прервал Митрофан.

— Дайте ему поесть спокойно!

Повисло молчание. Охотники вновь принялись за самогон. Отыскали пустую кружку, налили оборотню — он и не думал отказываться.

Я наблюдал, как мужики невольно косятся на пленника, как рука Ипполита дёргается в сторону ножа, едва оборотень совершал резкое движение. Напряжение нарастало, и воздух за столом наэлектризовывался.

Что они задумали? Сыграть в русскую рулетку?

Я не хотел в этом участвовать, но и не мог придумать ни единой правдоподобной отговорки, чтобы покинуть место действия.

А лицо Игната вдруг скривилось, и в этот момент меня как током поразило. Пальцы судорожно заскребли по гладко отполированному корпусу ружья, и тут он резко поднялся и, отвернув голову от стола, громко чихнул.

Только тогда я осознал, что вскочил вместе с ним, и с ошарашенным видом что-то бормочу, сжимая в руках оружие. Вот так позорище!

Охотники засмеялись. Крошки хлеба полетели изо рта Ипполита, у Григория потек по бороде самогон, и только оборотень молча стоял, впившись в меня бесстрастным взглядом. Я не знал, что делать и чего ждать. Посмеется ли он вместе со всеми или бросится на меня через стол и вцепится в горло?

— Малец-то шустрой, — сквозь смех проговорил Митрофан, затем повернулся голову и обратился к Игнату. — Ты и обернуться не успеешь, как он на тебя наскочит.

Я недоумевал: что их так забавляет? А если бы он и в самом деле начал превращаться? Хотя, быть может, для оброты необходимо какое-то время, и я просто чего-то не знаю? Тогда уж лучше спросить, чем выставлять себя на посмешище.

— И как быстро это всё произойдет? — я обращался скорее к оборотню, поскольку глаза мои были прикованы именно к нему.

И он ответил, тогда как остальные ещё не отсмеялись.

— Быстрее, чем ты успеешь поднять ружье, — спокойно ответил он, не спуская с меня глаз. — К тому времени я дотянусь до двоих своими когтями.

Смех за столом прекратился. Сглотнув ком, подступивший к горлу, я сел на место и выпустил из рук ружье. Постепенно приходило понимание, с какой целью Митрофан позвал зверя за стол. На улице окончательно стемнело, а охотники всё больше пьянили, хотели они того или нет. Держа оборотня

на глазах, мы сможем заметить, когда начнётся превращение.

Вдалеке послышался протяжный волчий вой. Не сговариваясь, каждый обернулся на Игната, который, словно под гипнозом, всматривался в сторону леса и, как показалось, внимательно прислушивался...

— Не хочется ответить? — поинтересовался Ипполит, махнув головой на источник звука.

— Не хочется, — ответил оборотень и сел на место.

Он превосходно держался, его хладнокровию оставалось лишь позавидовать; не поддавался на провокации, не сутился — вёл себя спокойно и не-принуждённо, словно сами охотники пришли к нему в гости, и он снисходительно позволил им сесть за стол. Я не мог не удивляться, наблюдая за ним.

— А, знаете, что?.. — заговорил Ипполит, и до моих ушей донёсся странный звук.

Приглядевшись, я пришёл в ужас: это дрожала его рука, до белых костяшек скжимавшая кружку, отдаваясь трепором по всему столу.

«Он перепуган до смерти, — пронеслась мысль в моей голове. — Едва сдерживается, чтобы не свалиться в обморок».

— Ведь, скорее всего, мы умрём этой ночью, — прошептал Ипполит, понурив голову.

Всеволод поперхнулся хлебом и громко закашлялся.

— Что ты несёшь? — хозяин гневно взорвался на охотника. — Не пугай зазря людей.

— Я и не пугаю, а говорю то, что вижу... и чувствую, — ответил он и указал пальцем на Игната. — Взгляни на него.

Все взоры моментально устремились на мирно жующего мясо пленника.

— Он ведёт себя так, словно ему дела до нас нет. Ты бы смог так держаться, находясь в компании пяти вооружённых человек? Зная, что они в любой момент могут тебя пристрелить, как только одному из них покажется, что превращение началось?

— Мы больше напуганы, чем он, — добавил Григорий.

— Дело говорит, — закивал головой Всеволод.

— Да, — тихо произнёс Митрофан, — ты прав.

Меня затрясло. Я не мог поверить: они готовы «опустить руки»?! Они не просто боятся — они смирились с неизбежностью! Храбрятся друг перед другом, а на самом деле трясутся!

— Он совершенно не боится нас, а значит, чувствует превосходство. Так, оборотень?

Но Игнат продолжал грызть мясо, не удостоив Ипполита даже взглядом.

— Но и убить его прямо сейчас мы не можем, — напомнил Митрофан, затем посмотрел на меня так, что слезы навернулись на глаза. — Прости, малец, что так вышло.

Я лишь хлопал глазами, не в силах ничего ответить.

— Я могу открыть ворота, и ты уйдешь, — продолжил он. — Ты ещё слишком молод для такого.

— Если я уйду, то уже никогда не стану мужчиной, — слова сорвались прежде, чем я успел подумать. Но сказанного не воротишь и, горько вздохнув, я добавил:

— Я останусь с вами. Мы сможем его убить!

По неловкому молчанию охотников я понял, что это не так. Они напивались,

чтобы забыться; чтобы потерять чувство времени; чтобы умереть, не ощущив ни боли, ни страха.

— А поскольку мы все умрем, — подвел итог Ипполит. — И всё, что произойдёт этим вечером, навсегда останется за этим забором, раз малец никуда не собирается, я бы хотел кое-что вам рассказать. Вот тебе, Митрофан. Очистить, так сказать, душу напоследок.

— Ну-ка, ну-ка, — хозяин уселся поудобнее и скрестил руки на груди. — Я тебя внимательно слушаю.

— Помнишь, год назад у тебя подохла вся скотина на дворе? — Ипполит поднял кружку и сделал большой глоток.

— Помню, — Митрофан прищурился, ещё не до конца понимая, к чему клонит собеседник.

— Так знай — это я её потравил.

Густые брови Митрофана поползли вверх. Он ожидал услышать очередную версию случившегося, на крайний случай, имя злоумышленника, но то, что им окажется сам Ипполит, не мог и вообразить.

— У тебя же тоже всю скотину потравили? — Он непонимающе уставился на товарища, пытаясь собрать в голове всю картину целиком.

— И я тогда на тебя подумал, потому и решил отомстить тебе. Помнишь, мы поспорили, у кого боров больше?

— Помню.

— У меня он оказался больше. А через неделю — сдох вместе с остальными свиньями. Я и решил, что это ты...

— Зачем бы мне так поступать из-за какого-то борова?

— Я разозлился, и не мог думать ни о чём другом. Но ты прав: вскоре я узнал, что это не твоих рук дело, но было уже поздно. Как оказалось, жена перепутала мешки с подкормкой и накормила животных крысиным ядом. Представляешь? А я сгоряча уничтожил всю твою скотину...

— Да-а-а, — Митрофан сжал кулаки до хруста в костяшках.

Я приготовился к самому худшему. Если Митрофан кинется на своего обидчика, то перевернёт стол, и даже не заметит этого. И тот всей тяжестью обрушится на нас с Ипполитом. А мне не хотелось получить несколько переломов, чтобы потом остаться беспомощным перед чудовищем.

Даже в темноте я видел, как напряглись стальные мышцы Митрофана, как пульсировала вена на его лбу, как раздувались ноздри. Он пришёл в бешенство, и сгоряча мог наломать дров. Зачем Ипполит затеял этот разговор? На самом ли деле очищал душу, или хотел чего-то другого?

Григорий и Всеволод не спускали с хозяина глаз, ожидая начала действий. Никто из присутствующих не сомневался, что Митрофан кинется на Ипполита, если и не с ножом, то с кулаками точно.

Я перевёл взгляд на оборотня — тот чуть заметно ухмылялся. Видел ли это кто-то ещё, я не знал, но нарушить тишину не решился.

— А, знаешь, что?.. — воскликнул Митрофан. И это было добрым знаком — он пошёл на диалог — возможно, драки удастся избежать. — Мне тоже есть, о чём тебе рассказать...

Ипполит в мгновение обмяк, точно медуза, выброшенная на берег. Он ожидал чего угодно, но только не этого. Уж не хотел ли он намеренно спровоцировать

драку? Зачем? Может, подобным способом он рассчитывал выйти из игры?

Я не сразу заметил, что к волчьим голосам примешались и голоса сельских псов. Они скулили, лаяли, протяжно выли, вторя своим диким сородичам. Ничего хорошего это не предвещало; животные словно чуяли приближение беды. Я представлял, как собаки рвутся из загонов, роют землю и вертятся волчком, приходя в неистовство.

Близился час, и внутри пленника пробуждался ужас, готовый осквернить всё, до чего сможет дотянуться. Чудовище уже рвётся на волю, ведомое магнетизмом луны и необузданым голодом. По мере его приближения мы ощутим запах псины, исходящий от Игната; из его рта изольётся отвратительная смесь греха и непотребства...

— Выкладывай, — насупив брови, прохрипел Ипполит и подался вперёд. Ему не терпелось узнать, что натворил этот велиководный Митрофан, который муки в своей жизни не обидел.

— Помнишь, когда мы были детьми, у вас сгорел амбар? — проговорил Митрофан, смакуя каждое слово.

— Только не говори, что...

— Да. Я его поджёг. Неумышленно, конечно, но признаться побоялся. Помню, как бежал, сломя голову, а в спину мне летел пепел от соломы. Ветром его разнесло на десятки километров, и небо потемнело, как при грозе. Я нёсся через поле, запинался и плакал, не помня себя от страха, и молился всем богам, чтобы меня никто не увидел.

— В ту зиму мы чуть не умерли с голода, — зло прошипел Ипполит. — Нам пришлось побираться, как бродягам, чтобы выжить. Весь наш урожай сгорел подчистую, сдохли все собаки, и нам пришлось их съесть, чтобы мясо не пропало. Родители считали, что пожар произошёл из-за засухи. Моя сестра едва не умерла от кори, потому что мы не могли платить лекарю.

— Да, всё так, — согласился Митрофан. — Мой грех, не отрицаю.

— Ты чуть не убил всех нас, — рука Ипполита легла на рукоять ножа, но в это же самое мгновение послышался щелчок взведённого курка.

Митрофан целил из ружья в сидящего напротив Ипполита. Под столом, так, что никто не мог этого видеть. Поняв, что не успевает поднять клинок, охотник скривил лицо в зловещей гримасе и демонстративно убрал руку.

— РИТА-А, — прокричал Митрофан так резко, что я подскочил.

Через некоторое время со скрипом отворилась дверь, и в проёме показалась жена хозяина дома. Глядя на Митрофана, любой несведущий мог решить, что Рита его младшая сестра, либо дочь. Она была моложе супруга лет на двадцать, небольшого роста, кареглазая, с правильными чертами лица. Ее внешность нравилась мужчинам и вызывала зависть у женщин. Лишь одно в ее облике смущало окружающих — на руках и на ногах у неё было по четыре пальца...

— Принеси керосинку, а то мы уже друг друга не видим.

Рита молча вернулась в дом, притворив за собой дверь.

Доев очередной кусок мяса, Игнат со звоном бросил вилку на стол и протяжно отрыгнул. Казалось, о нём уже все позабыли в ходе последних событий, чуть не закончившихся дракой. Я единственный, кто следил за всеми.

Тяжёлые тучи внезапно расступились, и нас озарил лик полной луны. Она нависла над нами в безмолвном ожидании, словно высматривая своё дитя,

спрятанное под личиной человека. Чёрные пятна на её идеально круглой поверхности напоминали очертания некоего лица: уродливого, но живого. Бледно-жёлтый свет разлился по двору. Это был лишь обман зрения, но мне виделось, что на Игната свет лежал ярче, чем на всём прочем. Оборотень не мог сопротивляться; подался вперёд, изогнув шею, и закатил глаза к небу. Мне показалось, что он вот-вот завоет, но в самый последний момент тучи сомкнулись, закрыв луну.

— Что ты чувствуешь? — поинтересовался Григорий.

— Она зовёт, — ответил Игнат, не спуская глаз с небосвода. Он надеялся, что луна появится вновь, но тучи сплелись плотным кольцом, за которым разлился лишь неясный силуэт ночного светила.

А я готов был поклясться, что лунный свет подействовал и на меня. Внутренние стенания и тревога уступили место безмятежности; неконтролируемый страх сменился спокойствием и умиротворением. Луна воздействовала гипнотически, приводившая к себе взгляд, переворачивая мысли и сознание. Теперь я представлял, почему люди сходят с ума, наблюдая за ней долгое время.

Тишину нарушил скрип открываемой двери. Из тёмного проёма показалась Рита, неся перед собой керосиновую лампу. Пламя слегка притушено, но его хватало, чтобы сносно видеть на расстоянии нескольких метров.

Женщина поставила лампу на стол и начала собирать посуду.

— Сейчас вернусь за остальным, — сказала она и двинулась в дом, шелестя тапочками по гравию, которым были присыпаны самые низкие участки двора.

Стало светло и как будто немного теплее. Свет керосинки рассеивал тьму, выхватывая из неё задумчивые лица охотников.

Митрофан снял с пояса кисет, вынул трубку и упаковку табака. Не торопясь, прочистил трубку тонким металлическим шомполом, хорошенко продул, обстучал о край стола и наполнил чашку курительной смесью. Как только спичка разожгла табак, в воздухе разлился приятный аромат, и кольца дыма взметнулись в черноту ночи. Несколько раз затянувшись, хозяин пустил трубку по кругу.

— Я тоже хочу кое-что рассказать, — ни с того, ни с сего заявил Григорий. — Это напрямую касается тебя, малец.

Сердце моё скжалось. За свои годы я не успел ещё натворить ничего безрассудного, да и мне, если припомнить, никто гадостей не делал. Потому слова охотника меня обескуражили.

Но тут Игнат разразился приступом кашля, тем самым заставив каждого схватиться за оружие. Зазвенела сталь, защёлкали взведённые курки, даже пламя в керосинке заметно заколыхалось. Оборотень поднялся с чурбана и, не в силах откашляться, согнулся пополам.

— Что с ним? — В панике заголосил Всеволод. — Начинается? Он превращается?

Митрофан жестом приказал успокоиться. Но все были уже на пределе.

— Табак... — сквозь кашель проговорил Игнат. — Не переношу... запах.

Мужики облегченно вздохнули. Ножи и ружья вернулись на свои места. Григорий затянулся и передал трубку Всеволоду.

— Так вот, что я хотел вам рассказать, — успокоившись, продолжил он. — Когда-то мы были друзьями с твоим отцом, малец. С Семёном...

— С отцом? — переспросил я. Должно быть, выглядел как дурачок.

— Да, с твоим отцом. Мы дружили до самой его смерти, чтоб ты знал. И не было для меня человека ближе. Ты тогда ещё под стол пешком ходил.

— Он утонул на болоте...
— Правильно. Он утонул на болоте...

— Оно разлилось в тот год шире обычного. Он охотился...
— Всё верно, — согласился Григорий. — И я был с ним в тот день...
— Что?! Так ты это скрывал! — возмутились охотники.

— Заткнитесь! — рявкнул Григорий. — Да, да!

Я почувствовал, как дрожит нижняя губа... И стряхнул слёзы рукавом, сделав вид, что в глаза попал дым от трубы.

— Он угодил в топь и застрял. Его засасывало. Сначала по колено, потом по бедра... по пояс...

Никто не решался перебивать рассказчика.

— Он кричал мне, звал на помощь. А я стоял и смотрел, как он погружается в вонючую жижу. Я не знал, как ему помочь; стоял и кричал, умоляя его выбраться. Но в болото лезть боялся. Боялся, что и меня засосёт. И только когда на поверхности осталась лишь голова, с меня спало оцепенение. Я бросился за помощью, но сзади донёсся гортанный захлебывающийся голос твоего отца, малец. Он позвал меня по имени, и я вернулся, и продолжал наблюдать. Лишь когда последние пузыри исчезли с водной глади, я кинулся в село...

— Вот почему мы нашли его тело, — догадался Митрофан. — Ты участвовал в поисках, и ты нашёл то место. Изобразил, что нашёл... его следы, ведущие в топь, и носовой платок с инициалами.

— Да, всё так и было... — Григорий опустил голову.

В глазах у меня потемнело, руки налились свинцом. Я жаждал разорвать этого человека на кусочки, растерзать его у всех на виду...

Григорий весил раза в два больше меня, и был выше ростом, но слепая ярость притупила разум и заглушила инстинкт самосохранения. Он должен ответить за всё. Я сжал кулаки в полной готовности броситься в атаку. И сделал бы это сию же секунду, если бы не открылась дверь, и не вышла Рита за оставшейся посудой.

— А где оборотень? — Митрофан словно очнулся от сна.

— Вон он, в своем углу, — Ипполит бросил пьяный взгляд в темноту. — Да чёрт с ним. Луна уже высоко, сейчас начнётся...

— Точно, — согласился хозяин, затем крикнул жене. — Иди в дом, быстро. И закройся на щеколду.

— Зачем сразу в дом? — Ипполит изобразил на лице удивление. — Скоро мы все тут подохнем, а перед смертью я был бы не прочь потрахаться, — и он шлёпнул проходившую мимо него женщину. Та вздрогнула и отскочила в сторону, ища защиты у мужа.

— Что?! Скотина! — с медвежьим рёвом Митрофан поднялся с места.

Суровое лицо налилось кровью, заскрежетали зубы, готовые рвать, если придётся, любого. Ипполит поднялся тоже и опёрся кулаками о стол.

— Ты ещё не понял? Мы умрём! И она умрёт — никакие щеколды не удержат зверя. Так чего добру за зря...

— Недоносок! Я тебя убью голыми руками! — хозяин бросился на гостя. Мне не оставалось ничего, как отойти в сторону и позволить им разбираться между собой. Всеволод и Григорий последовали моему примеру. Сам того не ведая, я оказался возле Риты. Со стороны выглядело, будто я прикрываю её

собою, но на самом деле я не сразу понял, что она находится за моей спиной.

И тут случилось то, чего никто не ожидал. Григорий поднял над головой тяжеленный чурбак и с размаху опустил его на затылок хозяина, не ожидавшего удара с этой стороны. Раздался громкий хруст, от которого внутри у меня всё оборвалось, и могучий Митрофан рухнул на стол. Чурбак прокатился по его спине и упал на землю.

Череп охотника раскололся; кровь потекла из раны, окрашивая волосы в красный цвет. От удара левый глаз выбило из глазницы, и он повис на тоñеньком нерве, как на поводке.

Рита завизжала (в этот момент я осознал, что она стоит за моей спиной).

— Просил же по-хорошему, — произнёс Ипполит и подмигнул Григорию. — Ну, что? Я первый! — и он ногой столкнул тело Митрофана со стола.

Безвольное тело сползло на землю, оставляя за собой кровавые разводы.

Ошарашенный Всеволод подошёл ближе и присел рядом с мёртвым.

— Что вы наделали? — прошептал он. Вскочил на ноги... и наткнулся на выставленный нож Ипполита.

Охотник рывком протолкнул клинок глубже, по самую рукоять, не спуская глаз с товарища и с любопытством наблюдая, как доходит до того осознание смерти. Всеволод хлопал глазами, открывал рот, пытаясь набрать в лёгкие воздуха, а из живота на руки Ипполита закапала горячая кровь. Ипполит, улыбаясь, провернул нож сначала в одну сторону, потом в другую, разрывая внутренности, превращая их в месиво. Затем резким движением вынул клинок.

Всеволод потерял равновесие и упал, прижимая ладонь к животу, а Ипполит направился к перепуганной Рите. Ко мне! Я выставил перед собой руки от отчаяния и безысходности.

Перед глазами мелькнул огромный кулак, а следом наступила темнота. Мне снился оборотень, кружящийся волчком по двору. Он выискивал добычу, отравляя воздух зловонным дыханием, и ослеплял всё живое, смотрящее в его сторону. А сверху на это безумие взирала полная луна гигантских размеров.

Сквозь пелену мрака я слышал мужской смех и женский плач. Голова раскачивалась, перед глазами все расплывалось, меня крутило из стороны в сторону. Я не чувствовал рук и ног и не мог подняться. Я отчаянно надеялся, что все случившееся мне приснилось... Но то, что я сумел разглядеть, едва не лишило меня рассудка навсегда...

Второй раз я очнулся от крика петухов. Приоткрыв глаза, увидел занимающийся рассвет. Ужасно хотелось пить. Первая попытка приподняться не удалась; никогда в жизни я не чувствовал себя более беспомощным. С трудом перевернувшись на спину, я какое-то время пролежал в ожидании.

Потом услышал женский смех — и всё во мне замерло от ужаса — таким безумным он мне показался. Я выпрямился в полный рост. Рита сидела под столом и тихонько хихикала, а дальше...

Я увидел тела охотников, раскиданные по всему двору. Если с Митрофаном и Всеволодом всё было предельно ясно, то два других тела, принадлежащих Ипполиту и Григорию... Их изуродовали до неузнаваемости. Из растерзанного живота Ипполита тянулась длинная вереница кишок, оторванная левая рука валялась в пыли у сарая, а сквозь разорванное горло виднелся позвоночник. Поблизости лежал труп Григория. Его лицо, руки и ноги обгрызли до костей... Никогда и никому не доводилось видеть ничего подобного.

Осторожно ступая между телами, над которыми уже роились стаи мух, перешагивая лужи крови, я осмотрел место происшествия...

— Куда делся оборотень? — спросил я у Риты, опустившись перед ней на колени. Но она все так же раскачивалась из стороны в сторону и тихонько хихикала, не обращая на меня внимания.

Тогда я отправился искать помощь. Ворота оказались выломаны. Разнесённые в щепки створки едва держались на вывороченных петлях, протяжно поскрипывая на ветру.

Неимоверной силой обладал зверь... Но почему он оставил меня в живых? А Риту?

Остановившись, я ещё раз окинул взглядом двор и увидел то, что ускользнуло от моего внимания с самого начала...

Не помня себя от страха, я понесся по улицам, оставив позади злополучный двор Митрофана. Перед глазами мелькали дома, люди... —Меня окликали, но я не останавливался. Я бежал, сам не зная, куда. Дальше, дальше от проклятого места!

То, что я увидел на теле Ипполита... Я не представляю, как с этим жить теперь. На трупе охотника, выпотрошенном с невыразимой жестокостью и силой, я увидел след укуса... человеческих зубов.

ЕВГЕНИЙ ШИКОВ

От автора: «Мне в голову пришла идея написать рассказ-притчу вроде индийских или китайских, но в условиях современной России. Главный герой —этакий Кай из „Снежной Королевы“, или Сизиф из древнегреческих мифов, обречённый постоянно заниматься бессмысленным делом, раз за разом останавливаясь за шаг до его полного завершения, а затем начиная всё сначала.

Любовь же должна была придать всему происходящему смысл и спасти „Сизифа“ от его вечного цикла...»

1. ПЕРЕВЁРНУТАЯ МАШИНА

После пятого урока Полина впервые увидела фотографию, которую выложили на местном городском сайте. Машина лежала на крыше, её развороченный капот обнимал толстый клён, а чудом уцелевшие фары освещали изрытую колёсами землю, всю в опавших листьях, еле присыпанных первым снегом. Рядом с машиной на земле лежало два накрытых серой тканью тела.

— Говорят, он больше часа там лежал, — сказала Вика. — Горчаков. Выполз из машины и лежал там. Никуда даже не звонил, прикинь? Хотя мобильник у него работал.

— А почему именно «выполз»? — Полина пролистала остальные фотографии из новости, но больше интересных не было. Просто фотки счастливой семьи, ещё до аварии.

— Ну, ноги кажется, сломал. Ты представляешь — он листья переворачивал!

— В смысле? — удивилась Полина. — Какие листья?

— Какие-какие... кленовые! Ползал — и переворачивал их. У Алёшкина мама в скорой, она говорит, на вопросы даже не отвечал — всё листья переворачивал.

— А чего так? Зачем он... — Полина убрала телефон. — Слушай, а он головой не ударялся?

— Ударялся. У него закрытая травма какая-то.

— Ну вот, от того и спятили... — она взяла поднос с посудой и поднялась на ноги. — Ладно, пошли наверх. Шесть минут осталось.

Некоторое время все в городе обсуждали эту новость, но потом какая-то девочка в Стрелково спалила дом, и об аварии забыли.

2. ПЕРЕВЁРНУТЫЕ ЛИЦА

В больнице он снова увидел перевёрнутые лица. Сергей заметил их, когда его выписали из реанимации. Там он видел только лица в бледно-зелёных масках, с серёзным, озабоченным взглядом поверх. Только когда его перевели в терапию, он увидел лица без масок — и понял, что с ними что-то не так. В больнице Горчаков до этого никогда не бывал, только в поликлинике, поэтому сначала его это испугало.

ПЕРЕВЁРНУТЫЕ ЛИСТЬЯ

Уголки их губ всегда были направлены вниз, тёмные веки тяжёлыми мешками тянули лицо вниз. Тогда он понял, что это нормально для больницы — носить маски поверх лиц.

Первое перевёрнутое лицо он встретил через две недели. Девочка с остиженной, залитой зелёной головой, появилась у них в один из мрачных, серых вечеров. Её привезли на коляске и стали подготавливать постель, оставив девочку сидеть у окна. Девочка сначала не двигалась, а затем повернула лицо к Сергею и улыбнулась.

Сергею сделалось жутко. Стارаясь шуметь поменьше, он передвинулся к краю кровати, наклонился вперёд, упёрся ладонью в паркетный больничный пол, и, свесив вниз голову, взглянул на девочку.

Так и есть. На перевёрнутом лице её взгляд стал осмысленным — злым и ищущим, губы теперь кривились в оскале.

Сергей забрался обратно в кровать. Девочка через несколько секунд отвернулась к стеклу, и её лицо вновь стало безучастным. Вскоре медбратья переложили её в расправлённую кровать и вышли из комнаты.

Её увезли в ночь на субботу, и больше она не возвращалась. Уже потом Сергей узнал, что она пострадала в пожаре, который сама же и устроила. В пожаре погибли её брат и бабушка с дедушкой, сгорело два соседских дома. Зачем она это сделала, так никто и не узнал.

Сергей начал проверять всех, в особенности, когда ему разрешили перемещаться на коляске по больничным коридорам. Стارаясь делать это незаметно, он свешивал голову и смотрел на мир «перевёрнутым» взглядом, но у большинства людей почти ничего не менялось. Кто-то был испуган сильнее, чем хотел показать, кто-то скрытно радовался болезни родственника. Очередного «перевёрнутого» он встретил в холле, рядом с автоматом, выдающим шоколадки. Он общался с врачом, а точнее — слушал и кивал. Врач говорил, что его сыну после падения с велосипеда будут нужны кости. Возможно, на всю жизнь. Мужчина был расстроен.

Его перевёрнутое лицо светилось торжеством и яростью.

Сергей испугался и, стирая ладони о колёса, направил свою коляску к лифту. Он понял, что ни с какого велосипеда сын этого мужчины не падал. А, скорее всего, и не было у него велосипеда...

Потом он ещё часто видел перевёрнутые лица, глаза на которых перевёрнуты не были. Санитар из ожогового. Старушка, навещающая свою невестку и ждущая, пока та умрёт. Репортёр с федерального канала, листающий фотографии детей, забранных у матери-алкоголички, которые ему под мигающими лампами дежурного освещения протягивала нервничающая медсестра.

В марте Сергея, наконец, выписали, и он вернулся в свой дом, где теперь жила тётя и две старших сестры. Тётя встретила его с искренним радушием, но на её перевёрнутом лице читалась и затаённая радость от переезда в большой просторный дом из своей тесной квартирки, где им приходилось ютиться с бывшим мужем.

Было решено, что со следующего года Сергей вернётся в школу. Опять в восьмой класс.

3. ПЕРЕВЁРНУТЫЕ ИКОНЫ

В мае, на огоньке, Полина избила Лизу, и все это видели. Лиза была неприятной девочкой, с грубым лицом и проблемной кожей, из какого-то нелепого посёлка рядом с городом, или, может, военного городка. Полине не было её

жалко, но и ненависти к ней она тоже никогда не испытывала.

Лиза сидела рядом с ней — так уж получилось, когда мальчики сдвигали парты, — и всю дорогу пожирала рулетики, до которых могла дотянуться своими лапами, чем вызвала у Полины отвращение. Она одна — Полина это видела — умывая целый шоколадный рулет, но сделала это по-хитрому — переложила несколько кусочков на одноразовую тарелку, как бы всем с этого края стола, а затем два куска положила себе. Затем она съела всё с одноразовой, и вытянула ещё один кусок из нарезанного рулета. После этого съела два куска на собственной тарелке, и, чуть позже, один за другим, съела последние куски, оставив на месте рулета только усыпанную крошками бумажную подкладку. Между делом она пробовала и другие рулетики. Черничный ей понравился, но не так, как шоколадный, от которого она сожрала аж четыре куска. Она оценила с варёной стущёнкой, карамельный и крем-брюле — по три куска каждого. Клубничный и абрикосовый ей вовсе не понравились — всего по одному куску. Шоколадных конфет набрала ладонью и положила себе на тарелку, откуда они перекочевали по карманам. Затем она положила ореховый, два куска, себе на тарелку, попробовала — и сморщилась. С трудом доех первый кусок, она пальцами взяла второй и положила его обратно на общую тарелку.

— Сожри его, — вырвалось у Полины.

Дурында повернулась к ней и неуверенно улыбнулась.

— Что? — спросила она, показав испачканные в шоколаде зубы.

— Не ложи обратно, если своими говёным пальцами трогала, — Полина взяла кусок орехового рулета и переложила к ней на тарелку. — Жри давай.

— Ну, я потом поем, когда ещё чай вскипятят, — Лиза пододвинула к себе тарелку, вздыхая, будто её заставляют делать что-то неприятное. — Без чая не могу, он сухой.

— Шоколадный ты без чая жрала, — Полина взяла пластмассовый стаканчик и налила туда тархун. — На, запьёшь, как сожрёшь.

— Нет, спасибо, я пока...

— Жри, — сказала Полина, и Лиза перестала улыбаться. Она обернулась в поисках помощи, но все были заняты кто чем, и на девочек внимания не обращали. Тогда она вдруг успокоилась — столько людей ведь наблюдает, и повернулась к Полине с презрительной улыбкой.

— Сама жри, если так хо...

Полина признавалась потом себе, что внутри она даже надеялась на какой-нибудь бунт этой поселковой курицы. Как только та начала говорить, Полина с каким-то даже облегчением схватила кусок рулета и изо всех сил влепила его в лицо Лизы, заставив ту охнуть, а затем ещё пару раз ударила ладонью, вминая бисквит в крупные провалы ноздрей. Лиза закрылась руками и закашлялась. Полина с омерзением вытерла пальцы об её волосы и, подцепив пластмассовый стаканчик, вылила тархун Лизе на голову.

— На, колхоз, запей, — сказала она, после чего расплющила стаканчик о Лизин лоб.

В следующий момент рука учительницы вытянула Полину за шкирку из-за стола, за которым Лиза высмаркивала рулет с кровью из своего жирного носа.

Мама, конечно же, не приехала, потому что у неё был выходной, и к четырём вечера она обычно успевала уже уработатьсь, поэтому забирал её из школы

дядя Слава. Лизавет Херовна минут двадцать что-то втирала ему в своём кабинете, про её поведение и четвёртую четверть, но Полине было плевать. С дядь-Славой всегда можно было договориться, это ж не мама.

Пару раз он ей всё-таки вдарил, прямо при Лизавете Херовне, которая осталась этим весьма довольна. В машине он быстро расспросил Полину про произошедшее, и они двинулись к дому.

— К матери твоей заходил, — дядь-Слава вздохнул. — Расстроится она, когда узнает. Не бережёшь ты её.

— Дядь-Слав, — шмыгнула носом Полина. — А может, и не надо тогда? Рассказывать?

— Ну, не знаю, — покачал он головой. — Это всё-таки право матери — знать, что её дочь в школе наделала...

Полина умела играть в эту игру и знала все правила наизусть. Она освободила ремень, нагнулась и погладила дядь-Славу по колену.

— Ну, дядь-Слав! Пускай спит! Я ж это просто со зла натворила, а так-то я вообще добрая...

Дядь-Слава свернулся к водохранилищу, улыбнулся и, протянув руку, перевернул иконки, лежащие на приборной доске. Это был их общий знак. На обратной стороне иконок белела надпись «Спаси и сохрани».

«Нагнись и расстегни», — подумала про себя Полина, и опустила голову под руль.

Во рту со школьного «огонька» ещё оставался вкус шоколада, поэтому сначала было даже не противно.

4. ПЕРЕВЁРНУТОЕ ЛЕТО

Этим летом Сергею можно было делать всё, чего раньше было делать нельзя. Сидеть часами в интернете, ложиться спать после полуночи, вставать, когда сам захочет, есть прямо в своей комнате. Зато нельзя было делать того, что раньше — купаться, ходить на стадион, кататься на велике, играть в квадрат. Ноги теперь болели меньше, синяки на месте уже извлечённых штырей почти исчезли, и лишь толстые нитки шрамов всё также белели, расходясь бледной паутиной по коже лодыжек. Бегать тоже было нельзя, но Сергей уже, не уставая, ходил до супермаркета и обратно. Сёстры, глупые и шумные создания, уехали на лето в деревню, тётя каждую пятницу, а иногда даже и в вечер четверга, уезжала к ним, поэтому весь дом был в его распоряжении.

В супермаркете рядом с домом Сергей и встретился с Полиной. Она ругалась о чём-то с мамой прямо на кассе. Мама у неё была кассиршей, толстой и неопрятной, с плохой кожей и сальными волосами. Сергей встал на кассу за Полиной, поняв по обрывкам разговора, что Елена хочет устроить дочь на остаток лета в упаковщики. Полина, которой едва стукнуло пятнадцать, этого, конечно, не хотела.

— ...как заработаешь? Как ты заработаешь-то?

— Двенадцать-то тысяч? — фыркнула Полина. — Как нефиг-нафиг. И побольше заработкаю, да толку-то? Всё равно ведь отнимешь.

— Зарабо-отает она! — Елена закатила глаза. — Тоже мне, работница! Отойди, клиенту мешаешь!

Полина уставилась на стоящего позади неё Сергея. Тому стало неловко.

— Я могу подождать, — сказал он.

— Да проходи уже, — девушка отошла от кассы, с интересом его разглядывая. —

Это ты, что ли, Горчаков?

— Я, — Сергей стал выкладывать продукты из корзины на ленту, зажав трость подмышкой.

— Ты к нам со следующего года? А сколько тебе?

— Не знаю.

— Как так? Не знаешь, сколько тебе лет?

— Лет мне шестнадцать. Я не знаю, к тебе я пойду, или нет. Ты в каком?

— Бэ.

— Значит, не к тебе. Я в «а» попросился.

— А чего так?

— Он профильный. По алгебре. У меня хорошо с алгеброй.

— А в «бэ», значит, тупые, что ли?

— Не знаю. Я вообще плохо про восьмиклассников знаю.

— Восьмикла-асников, — рассмеялась Полина. — Ты и сам теперь восьмиклассник, если что. Давай помогу! — она схватила один из пакетов и пошла на выход. Смущённый Сергей захромал за ней.

— Полина! — закричала ей в спину мать. — Мы ещё не договорили!

— Я инвалиду помогаю, — крикнула, не поворачиваясь, Полина. — Благотворительность, слышала о таком?

Пока они шли до дома, Полина не замолкала ни на секунду. Выпросила у Сергея подержать трость. Попросила показать телефон. Спросила, знает ли он ответы на тесты за восьмой класс, и сильно расстроилась, узнав, что он уже не помнит. Узнав, что он живёт в доме один, она обрадовалась и напросилась в гости.

— Кру-ую! — дала она общую оценку, осмотрев все комнаты на двух этажах. — Тут можно всем классом туловища устраивать.

— У меня немногих друзей, — Сергей перевернул сосиски на сковороде. — А ты с кем живёшь?

— С мамкой, младшим братом и ещё с сестрой. Ещё дядь-Слава иногда у нас ночует, это наш сосед, но это обычно по выходным. Он нам денег даёт, мне вот — на телефон иногда ложит, иногда чего покупает...

— Он с вашей мамой...

— Трахается, ага... — Полина достала телефон. — Слушай, я сфоткаюсь у тебя на втором? У тебя там спальня крутая, шторы, все дела...

— Это родительская спальня... ну, теперь уже тётина. Фоткайся, только осторожно.

— Вот спасибо! — Полина выскочила из кухни и застучала тапками по лестнице.

Сергей повернул ручку на плите, и огонь под сковородкой, вздрогнув, пропал.

Остаток лета Полина забегала к нему несколько раз в неделю, когда тёти не было дома. Иногда оставалась у него одна, пока Сергей ходил до супермаркета — соваться в «логово матери». Полина отказывалась напрочь. Деньги у неё водились — как говорила сама Полина, она зарабатывала через инет. То ли администрировала какой-то форум про косметику, то ли консультировала в каком-то интернет-магазине — Сергей так и не понял, где. Иногда она приносила алкоголь, но Сергей пить не мог — всё ещё принимал таблетки «для головы».

— Психопат ты, — с горечью говорила тогда Полина. — Только психопатам

пить нельзя.

Сама она напивалась быстро, и тогда делала селфи с полупустыми бутылками, много и бездарно. Эти селфи она куда-то отсыпала, а потом «ловила лулзов с комментами».

— Самцы все озабоченные, — она подошла к Сергею, села ему на колени и, обняв рукой за шею, сделала несколько селфи, затем спохватившись, вскочила на ноги. — О, сорри, у тебя там как, ничего не поломалось?

— У меня всё нормально с коленками, — улыбнулся Сергей. — У меня ступни были переломаны.

— Я заслала в тред фотки с тобой, написала, что ты мой парень, они давно хотели моего парня увидеть. Хочешь, потом комменты пришлю?

— Нет.

— А покажи ноги, — её настроение менялось быстро и необратимо. — Давай, сделаем криповых фоток!

— Ну тебя, — Сергей попытался спрятать ноги, но Полина бросилась вниз, вытянула его ступни из-под стола, положила к себе на колени, снянула тапки, а затем и носки.

— Круто, — она провела пальцем по одному из швов. — Тебе не больно?

— Нет, только щекотно немного, — Сергей попытался убрать ноги, но Полина вдруг приподнялась и, положив ладони ему на колени, поцеловала его в губы.

— Тебе когда-нибудь отсасывали? — спросила она, оторвавшись от него, но всё ещё очень близко.

— Нет, — Сергей отодвинул стул, наклонился и стал натягивать на ноги носки. Полина, хмыкнув, вновь включила телефон.

— В треде говорят, что такой урод, как ты, никогда бы со мной не переспал.

Сергей, продолжая натягивать носок, посмотрел на неё перевёрнутую. Несколько секунд рассматривал, а затем отвернулся и стал надевать тапки.

— Ты часто плачешь? — спросил он.

Полина оторвалась от телефона.

— Что?

— Ты часто плачешь? — повторил Сергей. — Не от боли, или там чего-то ещё, а просто так?

— С чего ты взял?

— Я не взял. Я просто так спрашиваю.

Она ещё некоторое время смотрела на него, а затем, держась за столешницу, поднялась на ноги.

— Мне пора, — она забрала со стола полупустую бутылку.

— Хорошо.

— И это... скоро в школу, — она отхлебнула ещё коньяка прямо из горла, — давно хотела сказать... Ты ко мне там не подходи, хорошо?

— В смысле?

— В смысле мы с тобой не знакомы, — Она заткнула бутылку и направилась к выходу. — Ты странный и с тростью, как мелкий доктор Хаус. Ещё и на таблетках сидишь. Не подходи, короче, окей?

— Окей, — сказал он, помолчав.

Полина сунула ноги в балетки и, не прощаясь, вышла. Сергей поднялся и стал убирать со стола.

Был самый конец августа.

5. ПЕРЕВЁРНУТАЯ ШАПКА

Писец пришёл в конце октября.

Сначала Полина не поняла, почему все на неё оборачивались, пока историчка рисовала какие-то даты на доске. Маслюев даже привстал и, сделав колечком ладонь, подёргал ею рядом с пахом, что вызвало всеобщий смех. Тогда Полина начала что-то подозревать. Прямо на уроке, вытащив телефон, она вошла в общий чат, и весь мир вокруг неё с шумом ухнул куда-то вверх, оставив её в самом низу, в темноте и холода.

Они были там. Не все, но большинство.

Убрав телефон, Полина схватила рюкзак и выбежала из класса. Историчка даже не успела спросить, куда это она. И лишь злорадное, счастливое «шлюха» от коровы Лизы успело выскоичить за ней в коридор, пока дверь ещё не захлопнулась.

Полина, спускаясь вниз по лестнице, удалила все переписки из вотсапа, затем начала удалять фотографии, и уже почти добралась до школьной раздевалки, как вдруг подняла лицо и замерла. У дверей, рядом со столом охранника, стояла завуч, а с ней Лизавет Херовна и её мать. У матери, растерянной и плачущей, на голове, словно в насмешку, красовалась надетая завязками на лоб бобровая шапка, пальто было накинуто прямо на красную форму кассира. Охранник, сидящий за своим столом, заметил Полину, и, усмехнувшись, указал на неё остальным.

Даже этот жирный хрыч всё видел, — поняла Полина.

— Полина! — Лизавет Херовна, кажется, была действительно расстроена. — Эти фотографии...

— Это моему парню! — Полина лихорадочно заговорила. — Я их отправляла своему парню!

— Какому парню, тварюга! — мама попёрла на неё, как борец на ринге. — Ты же, шмара, их в компьютер кому-то слала!

— Это из облака...

— Какого облака?!

— Елена Владимировна, — завуч взяла маму под локоть. — Может, стоит её послушать...

— Я парню своему посыпала, на телефон, а кто-то взломал облако — и всё выложил, я не знаю, кто, они в интернете были где-то запаролены, а его взломали и выложили, я правда парню слала... — затараторила Полина.

Мама оказалась рядом, завязки на её шапке раскачивались туда-сюда, пока она лупила Полину по щекам.

— Какой парень! Что у тебя за парень?! Какому мужику ты свою голую жопу отсыпалась, а?! Чьё там у него облако сломалось?!

Плача и закрываясь ладонями, Полина называла имя.

6. ПЕРЕВЁРНУТЫЕ ФОТОГРАФИИ

Когда завуч зашёл в класс и позвал его, у Сергея похолодело в груди. Вспомнились тётя и две сестры. Сёстры всё ещё большую часть времени сидели у себя наверху, но уже не боялись его, и иногда даже смотрели с ним на кухне фильмы. Если с ними что-то случилось, если он и их решил забрать...

Завуч ничего не стала объяснять, а лишь окинула Сергея взглядом с ног до

головы, хмыкнула и приказала идти за ней.

В кабинете он увидел Полину. Теперь ему можно было даже не напрягаться, чтобы увидеть её перевёрнутое лицо. Разбитая губа, заплаканные глаза, опухшие щёки, растрёпанная причёска и ужас, стыдливый ужас во взгляде. Теперь все могли увидеть то, что раньше видел только он.

— Этот? — спросила её мама и вскочила со своего стула. Сергей только сейчас заметил её и Елизавету Петровну. — Это ты её заставлял фотки эти грязные выкладывать?

— Простите? — не понял Сергей.

— Елена Владимировна, — завуч вышла вперёд. — Успокойтесь, пожалуйста. Сергея трогать я вам не позволю.

— А ему трогать позволяете? — она повернулась к дочери. — Давала ему трогать себя?

— Полина, что происходит? — спросил Сергей, но та съёжилась под его взглядом.

— Сергей, мы насчёт фотографий... которые тебе посыпала Полина, — Елизавета Петровна протянула ему телефон Полины. — Вот эти, которые перевёрнуты... Не знаю, почему они перевёрнуты...

— Так бывает, когда на старых телефонах делаешь фото с нижнего ракурса. Удобнее нажимать, — Сергей листал фотографии, затем отвёл глаза. — Да, это сделано в моём доме, на втором этаже — сказал он.

Полина спрятала лицо в руках.

— Он ёщё и в дом её водил! — Елена Владимировна зарыдала. — Что ты с моей девочкой сделал? Это всё в фильмах подсмотрели они! Поколение извращенцев! Только о сексе и думают, твари!

— Сергей, она для тебя фотографии делала? — Елизавета Петровна заглянула ему в глаза. — Вы с ней встречаетесь?

Ситуация показалась Сергею довольно ироничной.

— Да. Я попросил её сделать несколько фотографий.

— Зачем, извращенец? — вновь подала голос Елена Владимировна. — Мало, что ты её домой водил?

— Да, мало, — согласился Сергей. — Хотелось, чтобы что-то было при мне, когда её нет дома.

— Телефон! — закричала Елена Владимировна. — Телефон его заберите!

— Телефон я вам не дам, — спокойно сказал Сергей. — Я отдаю его тёте Свете, когда домой приду. Но фотографий там давно нет. Я их удалил, когда мы поссорились с Полиной...

Елена Владимировна всё-таки ударила его, вытянув руку из-за плеча завуча. Сергей наклонился, поднимая телефон, выскочивший из его рук, и, не удержавшись, кинул взгляд на Полину.

На перевёрнутом лице Полины была искренняя благодарность и что-то ещё, чего он не смог разобрать.

Сергей выпрямился и протянул телефон Елизавете Петровне.

— Позвоните, пожалуйста, моей тёте, — сказал он. — Она за мной заедет.

7. ПЕРЕВЁРНУТЫЙ ГОРЧАКОВ

Горчаков её избегал. В школу она пока не ходила, ждала, пока всё поуляжется, мать из дома не выпускала, телефон отобрала. Каждый день брала

с собой на работу, где громко жаловалась людям о том, как её дочку сорвала «этот хромой ущербок». Полина в это время упаковывала продукты. Как бы там ни было, а всё в итоге вышло по-маминому. Вот пакеты, вот продукты, вот она.

Улизнуть удалось только через две недели, когда мать в очередной раз перебрала вина из коробки и уснула. Полина по-быстрому накинула свитер и рванула к дому Горчакова. Перелезла через забор, бросила несколько камешков в горящее на первом этаже окно. Через несколько минут он, в пуховике поверх майки и незашнурованных ботинках, вышел во двор.

— Привет, — сказала Полина.

— Привет, — Горчаков был хмурым и серьёзным. — Что-то случилось?

— Да нет, — Полина пожала плечами. — Всё, наоборот, устаканилось.

— Чего-то ты с одеждой не угадала. Замёрзнешь.

Полина рассмеялась, сама не понимая, почему.

— Я это, поблагодарить хочу. Тебе сильно досталось?

— Нет. Меня же всё ещё жалеют. А пацаны наоборот — зауважали.

— А чего тебя жалеть?

— Да думают, что это ты меня сорвала. Я же мальчик-инвалид, родителей лишился, а ты решила жениться на мне и в дом въехать.

— Вот ведь, — Полина сплюнула. — Не буду я на тебе жениться!

— Вообще-то «не выйду я за тебя замуж»...

— Ты же первый и сказал «жениться», умник!

— Я их цитировал. Понятно же было, что просто тупость повторяю.

— Ну-да, хромоножка, — Полина покачала головой. — А ты не изменился. Всё такой же. Я тебя как облупленного вижу.

— И я тебя. И вся школа теперь тоже... как облупленную...

Полина помолчала, кусая губу.

— Что, ты тоже думаешь... что я...

— Шлюха? — просто спросил он.

Полина отвернулась. Отчего-то только сейчас ей стало больно от этого слова.

— Дура ты, — Горчаков вздохнул. — Теперь понятно, откуда ты деньги брала.

Рассыпала фотки всяким извращенцам, да?

— Почему извращенцам? — Полина двинулась на него, скав кулаки. — Я что, только извращенцам нравлюсь?

— Я не это...

— То есть, нормальному человеку я понравиться не могу, да? Одним из-извращенцам?

— Мне нравишься, — сказал Горчаков, и Полина осеклась. — Но скоро это всё неважно будет. Ладно, Полин, пойду я.

— Куда? — спросила Полина. — А я?

— И ты иди. Домой, — он направился к двери, затем остановился. — И ты это... в школе ко мне не подходи, хорошо? А то — мало ли...

— И не надо! — закричала Полина ему в спину. — Очень хотелось! Меня теперь все мальчики в школе хотят! Вообще все, и учителя даже! Все теперь обо мне думают!

Он вошёл в дом и закрыл за собой дверь.

Полина постояла ещё немного, затем замёрзла и пошла домой.

Чёртов Горчаков. Выдумал о себе, с этой тростью и крутыми шрамами... Куртку он на майку надел, выпендрёжник... будто я без него умру...

Дома она тихонько пробралась в комнату, разделась и легла под одеяло. Перед тем, как выключить свет, она оглядела комнату, заваленную хламом, колготки младшей сестры, висящие на покосившихся дверцах шкафа, рваный рюкзак в углу, выцветшие плакаты, записку «заходил дядя Слава, хочет с тобой поговорить», лежащую на столе, и абсолютно ясно, четко поняла, что всё-таки умрёт, если завтра будет так же, как вчера. Потому что сегодня был первый день за последние несколько месяцев, когда произошло что-то хорошее.

Чёртов Горчаков. Когда он успел стать таким... неправильным?

8. ПЕРЕВЁРНУТЫЕ ЛИСТЬЯ

С утра было морозно. Сергей проснулся, сделал небольшую зарядку, затем стал собираться. Сердце то колотилось в груди, то вновь успокаивалось.

Он спустился вниз, и, отказалвшись от завтрака, стал натягивать ботинки. Подошла тётя Света.

— На кладбище? — спросила она.

— Да, — соврал Сергей, взял куртку и вышел на улицу.

До конечной он доехал на восемнадцатом автобусе, дальше пошёл пешком. Через час вышел к клёну, спустился с дороги, взял два выцветших венка, стоявших у дерева, и зашвырнул в кусты. Теперь это было уже не важно.

На клёне, словно флаг, трепыхался последний листок. Низкие облака неспешно тянулись над его вершиной, постепенно темнея. Скоро пойдёт снег.

Сергей осмотрелся, и заметил вдалеке маленькую тёмную фигуру.

— Ну что, — крикнул он в её сторону. — Я готов! Начинаем!

Порыв ветра сорвал последний листок с клёна и кинул Сергею под ноги.

Тогда он наклонился и перевернул его.

Ей открыла тетя Света, неприязненно посмотрела и сказала, что Серёжи нет, и что заходить к нему больше не надо. Затем она закрыла дверь.

Полина ещё некоторое время постояла у двери, затем направилась на улицу. Было холодно. Ну, и где его теперь искать? Просто бегать по городу было глупо, да и холодно. Она вспомнила, что по радио передавали первый снег, и встрепенулась.

Точно! Сегодня же тот самый день!

Какой автобус идёт до кладбища, она не помнила, поэтому побежала до вокзала. Там должно быть расписание маршрутов.

«Эх, жаль, телефон так и не вернули... Посмотрела бы в инете».

Через час его руки были чёрными от земли, а пальцы окоченели. Фигура лишь слегка приблизилась — явно не торопилась.

Сергей перевернул кленовый листок. И ещё один. И ещё. Здесь в землю вмыты сразу несколько. Вытащить, расправить, перевернуть и аккуратно выложить.

Ветер усиливался. Ноги в ботинках замерзали...

Ноги без ботинок замерзали. Сергей, плача, полз к автомобилю, из которого его зашвырнуло, предварительно перемолов между сидениями.

— Отойди! — кричал он ему. — Отойди от них, слышишь?

Фигура повернулась, и её рот под тёмными глазами расплылся в улыбке.

— Мальчик зрячий, он меня видит, — в его голосе, глубоком и ровном, слышалось удивление и довольство.

В неверном свете фар его силуэт был тёмным и тяжёлым, словно небо, затянутое в серые облака.

Денег как раз хватило на один билет. Полина двадцать минут тряслась в маршрутке, а затем выскочила и побежала к кладбищу. Искать пришлось недолго — могила была свежая, к тому же двойная и с мраморным памятником.

Вот только никого живого здесь сегодня не было. Цветы завяли, свеча лежала на боку, вмёрзнув в землю, присыпанную опавшими листьями.

Полина огляделась. Никого.

«Да где может быть этот придурок? Сегодня же его родители умерли, он должен...»

Она замерла. Затем бросилась к выходу с кладбища.

«Дура! — думала она на бегу. — Надо было сразу туда ехать! А теперь, может, и не успею, и тогда...»

Что «тогда» она бы и сама не смогла объяснить, но почему-то ей это и не требовалось. Ей надо было срочно попасть к нему, а иначе «тогда» случится. Этого было вполне достаточно, чтобы нестись изо всех сил.

— Эй, малая! — крикнул дядя Слава. Он стоял у своей машины, небритый, улыбающийся. — Куда сбежала? Мать волнуется! Я на вокзале спросил — сказали, на кладбище поехала.

«Только не он». Полина подумала, а не рвануть ли через кладбище к лесу, но потом поняла, что можно его использовать.

— Дядь-Слав, а подвезёте меня? — она мило улыбнулась. — Меня парень ждёт...

Дядь-Слава перестал улыбаться.

— Парень? — он открыл пассажирскую дверь, приглашающе махнул рукой. — Ну что ж, поехали, посмотрим на твоего парня.

Фигура стала ещё ближе, пока Сергей ползал на коленях и переворачивал листья. Если приноровиться, то получалось довольно быстро. Вот только сверху собирались тучи, а значит, скоро пойдёт снег.

— Вернуть всё назад, — фигура подошла к мальчику, нависла над ним. — Это возможно. Но это очень сложно, понимаешь? Так же сложно, как перевернуть все упавшие листья с этого дерева, пока не упадёт первая снежинка.

— Сделай, — Сергей попытался подползти к его ногам, но фигура, смеясь, шагнула назад от его рук. — Верни! Всё верни!

— Тогда начинай, мальчик, — его перевёрнутое лицо склонилось к окровавленному лицу Сергея. — Начинай переворачивать, и поторопись!

— Так что, давно вы встречаетесь? — спросил дядя Слава, пока они ехали. Полина пожала плечами.

— Да так, несколько месяцев.

— И я даже ничего не знал... — дядя Слава был задумчив. — А скажи, мама

ведь не отдавала телефон в полицию?

— Я все переписки удалила, — Полина вздохнула. — Ничего никто не узнает, дядя Слава. Не беспокойтесь.

— А чего это мне беспокоиться? — улыбнулся он и прибавил скорости. — Я знаю, что никто ничего не узнает. Да и узнавать-то нечего, да, Полин? Ничего ж не было.

Полина впервые подумала, что ей не надо было садиться к нему в машину. Впереди показался тот самый клён.

— Не-ет! — мальчик заплакал, загрёб охапку листьев и бросил их в фигуру. — Так не честно! Это слишком быстро!

— Снег уже идёт, малыш! — фигура направилась к машине. — Ты не успел.

— Так нельзя! У меня ноги не ходят! Это не честно!

— Хочешь попробовать ещё раз? — фигура обернулась.

— Не надо, сынок... — хриплый, прерывающийся голос отца, висящего на ремне безопасности. — Не верь... ему...

Фигура присела на корточки, рядом с водительской дверью, разглядывая перевёрнутое лицо отца, испачканное кровью, вытекающей из-под воротника.

— Хорошо! — заорал Сергей. — Я хочу попробовать ещё раз!

— Не... не... — отец попытался поднять руку, но не смог.

— Тогда встретимся через год, мальчик, — сказала фигура, а затем перевёрнутый рот выдохнул что-то тёмное отцу в лицо, и поднимающаяся рука упала на крышу машины, замерла и застыла.

Плача, мальчик пополз дальше, продолжая переворачивать листья, уже испачканные в снегу.

Кровь всё ещё текла из-под отцовского воротника.

Он не проиграет.

Осталось всего ничего, а снег так и не пошёл. Фигура теперь была рядом, наблюдала за ним. Всё меньше и меньше листьев. Всё ближе и ближе счастливый конец.

Сзади остановилась машина. Обернувшись, Сергей увидел, как какой-то мужчина вытаскивает за руку Полину из машины.

— Смотри, твоя подружка тоже здесь, — зашептала фигура. — Может, она присоединится к тебе? Или, может, к кому-то другому?

Сергей посмотрел на землю и отчёлтико понял, что перед ним — последний листок. Он огляделся — чёрные полосы земли, проложенные его коленями и сотни, тысячи перевёрнутых листьев. Сколько он уже здесь? Кажется, уже темнеет...

— Давай, мальчик, — фигура склонилась над ним. — Переверни. Ты заслуживаешь счастливого конца.

— Ну, и где парень твой, а, шлюха? Кого ты обмануть думала? Менты видели номера, на которые ты слала? Говори давай!

— Не обращай внимания, — фигура шептала прямо в ухо Сергея. — Они тебя не видят. Они даже не настоящие. Давай. Смелее. Переверни свой мир.

Сергей взялся за край листка и оторвал его от земли. Под ним копошились черви.

Переверни свой мир...

Живые родители.

Тётя Света никогда не занимает их спальню. Глупые сёстры, почему-то боящиеся мужчин, всё также живут в тесной квартирке с отцом...

У Полины нет никакого парня, да и не знакомы они с ней.

— Не надо, сынок... — тихий, далёкий голос в дрожащем свете фар.

— Переворачивай, — шептала фигура, — давай же, вернись в тот вечер, скажи, что этот пьяница, выскочивший под колёса, сам виноват, не надо сворачивать, пускай его размажет по асфальту, он же сам виноват... Он даже не извинился перед тобой! Даже не пришёл показать своё лицо!

— Кому ты рассказала? Матери? Кому ещё? — мужчина бросил Полину на землю, та поползла от него, поминутно оглядываясь в поисках Сергея — и не видя его.

Не надо...

— Не обращай внимания, они все не настоящие, они все исчезнут и будут жить своей жизнью, как жили без тебя. Оживи своих родителей, вытащи их из небытия... Всё перевернётся, слышишь! Абсолютно всё!

Мужчина нагнулся и, схватив Полину за ногу, подтянул её к себе. Она закричала, но не громко — кто бы здесь её услышал?

— Не хочу, — Сергей с трудом выталкивал из себя слова. — Я не хочу, чтобы... не хочу переворачивать некоторые вещи, — он поднял голову и взглянул в перевёрнутое, бледное, словно больничная маска, лицо. — Под некоторыми штуками, если их перевернуть, только грязь и черви.

Он вскочил на ноги и, оттолкнув зашипевшую фигуру, направился к Полине, пытающейся столкнуть с себя мужика.

— Эй! — крикнул им Сергей. — Я всё заснял, слышишь! И загрузил в облако!

— Откуда ты... — мужик вскочил на ноги.

— Залезай в машину, — сказал Сергей, и, достав телефон из кармана, покрутил им в воздухе, — и убирайся из города. Сегодня же. Иначе из облака оно разлетится по всем адресам из моей книжки. Ты же знаешь, что такое облако, так? Вижу, что знаешь, по глазам вижу. И ты знаешь, что оттуда ничего не удалить.

— Ты, сраный хромой...

— Пять...

— Думаешь, я испугаюсь?

— Четыре..

Мужик шагнул вперёд и двинул Сергею в нос. Рот заполонила кровь, Сергей бухнулся на спину, вытер кровь и приподнялся на локтях.

— Три, — сказал он.

Мужик посмотрел на машину, стоящую на дороге.

— Два.

— Ладно, с-сука! Уезжаю! — он сплюнул. — Скажи своей суке, что если кому проболтается — я вернусь, понял?

— Один.

Он бросился к машине. Сергей опустил голову на землю.

9. ПЕРЕВЁРНУТЫЙ МИР

Полина присела рядом с ним.

— Тебе больно? — спросила она.

Сергей оглянулся на клён, но там никого не было. Фигура, кем бы она ни была, растворилась, ушла туда, куда уходят все перевёрнутые. С потемневшего

неба падал первый снег.

— У тебя кровь, — Полина засунула руку в карман, вытащила платок и попыталась засунуть его в нос Сергею. — Задери голову и глотай.

Тот человек, появившийся на ночной дороге, пьяный и испуганный — где он сейчас? Благодарен ли за подаренную ему жизнь? Или также перебегает перед несущимися машинами поздней осенью, не понимая, как легко переворачиваются миры на скользкой дороге?

— Не важно, — сказал Сергей.

— Что не важно, придурак? — Полина приподняла его голову. — А вдруг он тебе что-то сломал, и у тебя кровь прямо в мозги вытекает? Ты ж и так псих.

Перевернуть свой мир могут только я, и никто другой, — понял Сергей. — Не надо фигур, не надо пьяниц, не надо мужиков и облаков — низких осенних или далёких виртуальных. Не надо мертвецов и не надо червей под листьями, не надо вторых этажей и завучей, чатов и тредов, клёнов и неба.

Надо только понять, в какую сторону переворачивать.

Сергей запустил пальцы в траву и сжал их, он взялся за землю, взялся за всё, что поместилось в его руки, — и перевернул весь мир, всё небо и всего себя.

Полина ойкнула, когда он лёг на неё, потом рассмеялась.

— Ты чего на меня перевернулся, придурак, а? — затем она перестала смеяться, взглянула ему в глаза, едва улыбаясь. — Чего ты, а?... Серёж, ты думаешь...

Тогда он наклонился и поцеловал её, пачкая губы в своей крови. А когда он, наконец, оторвался от её лица, по её щекам бежали слёзы, в которых так быстро таял первый снег.

Её лицо больше не выглядело перевёрнутым. Теперь оно выглядело счастливым.

АЛЬБЕРТ ГУМЕРОВ

АНИМЕ

Я, наверно, придурок контуженный —
Не смешной и живу не по правилам,
Моих шуток корявое кружево
Под ногами рассыпано гравием.

Мне плевать, что зрачки сильно сужены,
Что в истерике бьётся средь серости
Хриплый голос мой, усмехтесь пристуженный
В клетке черепа, в сне многомерности.

Затаится меж сердца ударами,
За углом, на границе сознания,
Обернется газетами старыми
И накроет безудержной манией.

Я за вами приду в скромом времени —
Без косы, с капюшоном откинутым,
Как герой анимешного племени,
На всю голову сказочно-сдвинутый.

БУДНИ

Крепкий чай и шоколад с горчинкой,
Пауки под черепной коробкой,
За окном сверкающей картинкой
Жизнь шагает легкою походкой.

Аш-два-о по лицам хищно хлещет,
Доза интернета внутривенно,
Кладбище эмоций, люди, вещи,
Зайчик солнечный и радуга по стенам.

Карты мира биты козырями,
Телефонных склок сердцебиенье,
Слева — рана с рваными краями...
Остановись, прекрасное мгновенье!

Меня несёт сквозь мышцы по венам
В хитросплетенье твоего подсознанья,
До самых звёзд, до корней мирозданья,
Твой мозг опутав паутиной и тленом.

По алым снам, по улыбкам кирпичным
Ступаю я, твоё тело съедая.
Ты погибаешь, и это логично —
Я хохочу, в тебе прорастая.

По корке слёз, по граням кристальным,
По негативам твоей памяти жёлтой,
Я иллюзорным узором кинжалным
Пену морскую вдыхаю иголкой.

Ты так доволен участью рабской,
А подо мной хрустят стёкла мечтаний.
В твоей сетчатке мешаю я краски,
А ты — лишь раб моих мерзких желаний.

Я, обглядев твой нерв оголённый,
К твоим страданиям остаюсь безучастным.
Рухнувший в зёб моей пасти бездонной,
Ты сдохнешь в муках, и это прекрасно...

Загадочной космической миниатюре Александра Авгура в 194 слова (1244 знака с пробелами) противостоит не менее загадочная вирд-миниатюра Александра Подольского всего в 620 знаков с пробелами!

АЛЕКСАНДР ПОДОЛЬСКИЙ **КРАСНЫЙ**

(620 знаков; 103 слова)

Они были соседями. Зи временно зажигала свет у себя, а потом стучала в стенку. Ка проделывал то же самое, и зеленый с красным чередовались точно по городскому расписанию.

Но однажды Ка заболел. Напуганная Зи слушала у стены: сначала тяжелые хрипы, затем — тишину. С тех пор красный свет сочился из окон Ка всегда, распространяя заразу.

Их домик на столбе больше никому не помогал. Зи смотрела вниз, где красный пожирал всё. Лежащих на дороге людей, разбитые машины. Даже темноту. На улице кружились снежинки, и Зи, давясь кашлем, из последних сил прижималась к стеклу. За ее спиной умирал зеленый свет, а с ним и весь мир.

В этот раз нашу комнату допросов посетила сама Ирина Епифанова, ведущий редактор издательства «Астрель-СПБ» и дорогих нашему сердцу мистических и хоррор-серий «Тёмная сторона» и «Самая страшная книга». Ирина ответила на вопросы, заданные Виктором Глебовым.

ИРИНА ЕПИФАНОВА

Ирина, скажите, кроме хоррора и тёмного фэнтези, что ещё входит в сферу ваших профессиональных интересов?

Виктор, я, как тот швец и жнец, стараюсь успевать всё.:) Мой написанный —дцать лет назад диплом был посвящён детской литературе, её я тоже стараюсь не забывать. Кроме того, как ведущий редактор, занимаюсь современной прозой, книгами для семейного чтения, работаю с такими замечательными авторами, как Наринэ Абгарян, Тинатин Мжаванадзе, Владимир Зисман и другие.

Вы также являетесь переводчиком с большим стажем. На вашем счету более 20 книг, в том числе «Последнее слово за мной» Паулы Уолл и «Милые чудовища» Келли Линк. Пишете ли вы сами прозу? Если да, то в каких жанрах. Если нет, то почему и планируете ли начать писать?

Пока мои писательские амбиции реализуются через переводы и блоги (в Живом Журнале и на Фейсбуке). Иногда пишу стихи, небольшая их подборка была опубликована в 3-м номере альманаха «Redrum». Что касается прозы... Видимо, это профдеформация, связанная с тем, что вокруг меня пишут все или почти все. У меня с годами атрофировался священный трепет по отношению к писательству и публикациям. Мне кажется, хорошему писателю необходимы две вещи: понимание того, как писать, и о чём. Как — я немножко умею. А вот о чём поведать человечеству — пока не придумала. Если придумаю — может быть, напишу.

Давайте сосредоточимся на практической части — на той кухне, которая скрыта от читателей, но так интересует писателей, в особенности начинающих.

Давайте. В помощь начинающим авторам могу дать ссылку на рубрику «В издательство пишут» в моём Живом Журнале: <http://melicenta77.livejournal.com> — там собраны посты по теме книгоиздания. Уж не знаю, насколько это может быть для авторов полезно, но кое-что познавательное, наверное, почерпнуть можно.

Ирина, сейчас много говорят о «русском хорроре». Что это такое, по вашему мнению? Есть ли у русского хоррора своя специфика? Он принципиально отличается чем-то от западного? И нужны ли эти отличия?

Дабы не множить сущности, предположим очевидное, что «русский хоррор» — это литература ужасов, написанная русскоязычными авторами. Явление это, с одной стороны, имеющее глубокие корни в литературной традиции (тут

принято вспоминать Гоголя, Толстого, Грина и т. п.), а с другой — довольно молодое. Долгое время хоррор в России был в загоне, считалось, что нашим читателям он не интересен, что талантливых отечественных авторов в этом жанре нет, и издатели не рисковали за него браться. Но как-то вдруг оказалось, что и таланты есть, и читатели ждут новых книг, и, что главное, есть люди, энтузиасты и подвижники, много делающие для развития этого жанра, поэтому сейчас уже, пожалуй, можно сказать, что русский хоррор набирает обороты, и, простите за дурацкий каламбур, перспективы у этого тёмного жанра вполне светлые.

Каким направлениям хоррора отдаётся предпочтение при составлении сборников «ССК»? Почему?

Если речь о ежегодных антологиях, то тут спрашивать о принципах формирования нужно не меня, а читательскую таргет-группу, по результатам голосования которой и составляются сборники. У нас с создателем и бессменным составителем серии «ССК» Михаилом Парфёновым есть лишь право исключить каждому по три (или менее) рассказа из отобранных читателями, и тут мы обычно стараемся руководствоваться соображениями качества текста. Но некие тенденции, своеобразную моду на темы и поджанры, анализируя состав сборников, заметить можно. Например, в «ССК17» превалирует исторический хоррор. Рассказы, исполненные в исторических декорациях, встречались в ежегодниках с самого начала («10 фунтов» Игоря Кременцова и «Навек исчезнув в бездне под Мессиной» Владимира Кузнецова из «ССК14», «Никогда» Владислава Женевского из «ССК15» и др.), но если раньше авторы чаще апеллировали к зарубежной истории, то сейчас они, в основном, обращаются к нашему прошлому.

Ирина, вам самой нравится хоррор или вы занимаетесь им только, так сказать, по долгу службы? Если нравится, то чем? Какие направления вам нравятся больше всего и почему?

В нашей редакции царит если и не полная демократия, то, во всяком случае, свобод у ведущих редакторов много:). И я имею счастливую возможность не работать из-под палки над проектами, спущенными свыше, а самой выбирать направления деятельности, жанры, возрастные категории и т. п. С отечественным хоррором я работаю довольно давно, и одной из первых ласточек в этом жанре была серия «Городские легенды», открывшаяся в 2010 году книгой Марии Артемьевой «Тёмная сторона Москвы». Как человеку, старающемуся следить за литературным процессом, хоррор интересен мне как один из самых «живых» и динамично развивающихся сейчас жанров: литературные эксперименты, свежая кровь (в смысле новые имена, конечно:)... попытки нашупать свою интонацию — всё это безумно увлекательно.

Если говорить о каких-то течениях внутри хоррора, то мне, пожалуй, ближе всего так называемый бытовой хоррор. В привидений и жутких монстров я не очень верю, меня больше всего пугает то, что кажется наиболее достоверным. И у авторов я ценю умение взять какую-то реальную ситуацию и представить её под таким углом, чтобы обыденность пугала (в качестве примера могу привести рассказ Александра Матюхина «Дальние родственники» из «ССК17»).

Сейчас серия «Самая страшная книга» решила отметить юбилей публикацией в сборнике только новых текстов. Будет ли это новшество сохранено

в дальнейшем, или в следующем году снова будут рассматриваться тексты, ранее публиковавшиеся?

Вполне понятная корректировка правил: уже сформировалась некая аудитория постоянных читателей — поклонников жанра, которые следят не только за выходящими сборниками, но и за тематическими литературными конкурсами, сетевыми публикациями. И вот они порой ропщут, увидев в антологии уже не раз читанные где-то рассказы. Хорошо, если таких рассказов один-два, а если больше, то впечатление от книги действительно получается смазанным. Поэтому теперь мы принимаем только новые рассказы; надеюсь, на качестве сборников это не скажется. А что будет дальше... Поживём — увидим.

Велико ли число присылаемых на рассмотрение текстов, и какой примерно процент оказывается одобрен?

Я так понимаю, сейчас мы говорим уже не об отборе в «ССК», а вообще о поступающих в издательство рукописях, так называемом самотёке? Сказать, что число присылаемых текстов велико — это ничего не сказать. В одну только нашу маленькую редакцию ежедневно присыпают несколько десятков текстов, в среднем от 20 до 50, то есть за год несколько тысяч. А выпускаем мы порядка 200–250 книг в год. Процент можете подсчитать сами.

Какие основные ошибки совершают авторы, чьи тексты не проходят отбор?

О, это тема для целой обширной лекции. Одна из главных ошибок, причина отсева большинства рукописей прямо на старте — это нежелание перед отправкой рукописи ознакомиться хотя бы со сферой деятельности издательства. Скажем, мы занимаемся только художественной литературой, но регулярно получаем письма от авторов с предложением опубликовать написанные ими учебники, путеводители, книги по психологии и философские эссе.

Поэтому несколько простых советов начинающим авторам: прежде чем отсыпать рукопись, попытайтесь очертить круг издательств, которые выпускают книги, похожие на вашу (например, зайдите на сайт какого-нибудь интернет-магазина, найдите серии, в которые можно было бы включить вашу книгу, посмотрите, какие издательства выпускают эти серии). Отправляйте рукопись только туда, не занимайтесь «ковровыми бомбардировками» абсолютно всех найденных в Сети издательств.

Не называйте ваше письмо как-нибудь типа «Уникальное предложение», чтобы его не перепутали со спамом. Напишите: «Новый автор Иван Иванов, роман „Драконы и магия“, жанр — фэнтези». Текст лучше присыпать в одном из вордовских форматов (не pdf, не архив с двадцатью отдельными рассказами, не какой-нибудь и вовсе неведомый формат) и назвать, опять же, не «Документ1» или «Роман» (так текст имеет все шансы затеряться в тоннах самотёка), а «Иван Иванов. Драконы и магия». В письме напишите пару слов о себе и своём тексте, не оставляйте тело письма пустым. Не присыпайте вместо файла с текстом ссылки на интернет-ресурсы, где выложен ваш текст — получателем это обычно трактуется как «буду я ёщё возиться с отсылкой файлов, вы там сами по Сети поползайте, собирая мои тексты в кучу, вам же всё равно делать нечего».

Не зациклирайтесь на одном издательстве: тексты обычно из-за нехватки

кадров рассматриваются долго, по несколько месяцев, поэтому не тратьте время, отправьте текст параллельно в несколько подходящих издательств.

Получив отказ, не обижайтесь и старайтесь отнести к этому конструктивно. Редакторы — тоже люди, у каждого свои вкусы, свой взгляд на литературу, свой редакционный портфель, в конце концов, они тоже могут ошибаться; не подошло одному редактору, вполне может подойти к другому. Так что не спорьте, не переходите на личности и не пишите у себя в блогиках или на издательских форумах: «Редактор Вася из издательства „Издательство“ — дебил, завернул мой гениальный роман», книжный мир тесен, такие вещи часто потом всплывают. И какой-нибудь другой редактор, скажем, Лёша, увидев, как вы кидаетесь какашками в его коллегу Васю, вряд ли захочет работать с таким обидчивым и скандальным автором.

Участвуйте во всех возможных литературных конкурсах, победа может оказаться козырем, когда издательство будет решать вопрос о публикации.

На этом, пожалуй, остановлюсь, хотя продолжать можно ещё долго.

Как появляются темы сборников «ССК»? Книг в серии выходит всё больше. Какие ближайшие планы издательства в отношении этой серии?

Темы будущих сборников обсуждаются куратором и составителем серии Парфёновым М. С. и редакцией. В обозримом будущем, помимо ежегодника «Самая страшная книга 2018», мы планируем выпустить тематический сборник «13 монстров», так называемый «гендерный сборник» (авторы-мальчики против авторов-девочек), подарочное издание «Самая страшная книга: Лучшее», куда войдут избранные рассказы за все годы существования серии. Также ждите персональный сборник Парфёнова М. С. «Зона ужаса», а ещё мы планируем в этом году запустить в рамках серии линейку романов.

Как вы думаете, какова судьба периодических изданий, посвящённых литературе хоррора, в России? Есть ли у журналов перспективы?

Есть такое расхожее выражение «Я за любой кипеж, кроме голодовки». Мне нравится начинание группы энтузиастов во главе с Марией Артемьевой, моим давним другом, коллегой и талантливым писателем. Речь о журнале «Redrum». Сейчас, когда масса периодических изданий, наоборот, закрывается, это очень смелая затея, и уже хотя бы поэтому вызывает интерес. Но она достойна уважения не только поэтому: прежде всего это не просто любительщина, а действительно профессионально сделанное издание с хорошими рассказами, статьями, иллюстрациями и качественной полиграфией. Каковы перспективы — опять же поживём — увидим. Но сам факт существования «Redrum'а», вебинара «DARKER» и т. п. меня радует. Пусть расцветают сто цветов.

Ирина, поделитесь, пожалуйста, своими соображениями о тенденциях развития русского хоррора.

Если позволите, я бы здесь лучше передала слово серьёзным умным дядям и тётям, любящим теоретизировать. А я, скорее, практик и благодарный читатель, не берусь загадывать на будущее, мне интереснее наблюдать за уже происходящим.

Что ж, спасибо за интервью. Надеюсь, оно окажется полезным для писателей — как опытных, так и начинающих.

Писатель. Автор романов «Нежилец», «Дыхание зла», «Красный дождь». Живет в Санкт-Петербурге.

ВИКТОР ГЛЕБОВ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АРХЕТИПОВ В ЛИТЕРАТУРЕ УЖАСОВ (НА ПРИМЕРЕ ГОЛЕМА)

В литературе ужасов встречается множество персонажей, придуманных человечеством ещё в древние времена. Подобные существа относятся к числу так называемых архетипов — культурных концептов, трансформирующихся со временем, но сохраняющих при этом свои основные черты.

Одним из наиболее часто встречающихся в литературе (и не только) персонажей «тёмной стороны» человеческого бытия является Голем — человекоподобное существо, созданное, по легенде, пражским раввином для защиты еврейского гетто. Этот сюжет литературно обработал Майнринк в своём знаменитом мистическом романе «Голем», по праву считающемся одним из самых ярких образцов такого направления, как мистический реализм. Хотя, конечно, произведение Майнринка является сатирой на массовое сознание, охваченное неясной подсознательной жаждой освобождения из-под власти «создателя», «отца». Человек в данном романе так же обречён на поражение, как и Голем, который служит метафорой мелкого и среднего буржуа, чья жизнь постепенно механизируется в результате борьбы за существование в условиях капиталистического строя.

В целом же, архетип Голема, скорее, можно рассматривать как пример стремления человека к власти над своей жизнью, к избавлению от третьих сил. Эта тенденция нашла отражение и в теории Фридриха Ницше о сверхчеловеке, по которой человек должен занять место Бога, став, таким образом, фактором, определяющим свою судьбу.

Голем, конечно, как мифологическое существо, имеет свои «монструозные» черты и привлекает писателей и читателей как тот, кто восстаёт против своего создателя. Будучи априори сильнее человека, он символизирует неотвратимость гибели для того, кто пытается принять на себя божественные функции творца, подателя жизни. В то же время Голем нарушает определённое религиозное и социальное табу — ниспровергает основы человеческого бытия, совершают поступки, противоречащие представлениям о гармонии общественных отношений.

Архетип Голема трансформируется в литературе довольно свободно, избавляясь от «глиняности» и приобретая порой черты, свойственные настоящему

человеку — например, интеллект, способность чувствовать.

В западноевропейской литературе архетип Голема нашёл наиболее яркое отражение в произведениях так называемого «чёрного романтизма», или готики. Например, созданное из трупов существо в романе Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» заявляет о своих «человеческих» правах, восстает против своего творца, относящемуся к нему всего лишь как к продукту эксперимента.

В ЦЕЛОМ ЖЕ, АРХЕТИП ГОЛЕМА, СКОРЕЕ, МОЖНО РАССМАТРИВАТЬ КАК ПРИМЕР СТРЕМЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА К ВЛАСТИ НАД СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ, К ИЗБАВЛЕНИЮ ОТ ТРЕТЬИХ СИЛ.

что влюблённый молодой человек не замечает подмены — её безжизненности и механистичности.

С развитием прогресса Голем получает новые черты — он превращается в плод науки, кибертехнологий. Проще говоря, становится роботом. Например, Станислав Лем написал в 1973 году рассказ «Голем XIV», в котором боевой робот обращает свою огневую мощь против своих создателей.

В современных фильмах «Я, робот», «Живая сталь» и многих других големы-роботы служат своеобразными «зеркалами», в которых герои-люди могут увидеть отражение себя самих, пройти тест на человечность.

Иногда архетип Голема разрастается до невероятных масштабов. Подобный сюжет бунта машин изображён, например, во франшизе о Терминаторе. Первая часть данной серии представляла собой, в первую очередь, фантастический ужастик, в котором героиню преследует непобедимый убийца. Родился сценарий этого фильма, как известно, из ночного кошмара Джеймса Камерона.

В фильмах о Чужом проводится идея создания идеального биологического оружия, обращающегося не только против своих творцов, но и против всего мира — этот «голем» подобен вирусу, истребляющему всё живое. Однако образ Чужого сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Если в традиционном сюжете создатель, как правило, стремится уничтожить своё творение, то в фильме Риддли Скотта люди, зная об опасности «голема», намереваются его использовать — то есть игнорируют опыт своих предшественников.

Таком образом, мы видим, что суть архетипа в том, чтобы трансформироваться,

Архетип Голема широко представлен и в творчестве Гофмана, где он служит для разработки романтического мотива двойничества. Например, механическая кукла девушки, выполненная настолько виртуозно,

подстраиваться под требования времени и автора, сохраняя при этом основные черты.

В чём же секрет «популярности» подобных концептов? Почему они снова и снова появляются в культуре и произведениях искусства?

Дело в том, что архетипы — и этим они отличаются от штампов и клише — заключают в себе вечные сюжеты и образы, не теряющие актуальности по сей день. Кроме того, они привносят в произведение «багаж» — все те смыслы, которыми успели обрасти за прошедшие тысячелетия.

В связи с этим приходится говорить не столько об использовании архетипов, сколько об их разработке. Каждый автор старается трансформировать приглянувшийся концепт так, чтобы создать что-то своё.

Продолжая разбирать Голема, давайте определим его основные — так сказать, неприкасаемые — черты.

АРХЕТИПЫ — И ЭТИМ ОНИ ОТЛИЧАЮТСЯ ОТ ШТАМПОВ И КЛИШЕ — ЗАКЛЮЧАЮТ В СЕБЕ ВЕЧНЫЕ СЮЖЕТЫ И ОБРАЗЫ, НЕ ТЕРЯЮЩИЕ АКТУАЛЬНОСТИ ПО СЕЙ ДЕНЬ.

в фильме Бретта Леонарда «Виртуозность») — не важно. Все эти элементы вторичны и не меняют сути. Это как раз то, чем «обрастает» архетип по мере его использования в художественном произведении.

Вторая основная черта Голема — он сильнее своего творца. Физически или интеллектуально — опять же, не существенно.

Вот, пожалуй, и всё. Остальное может свободно подвергаться переработке.

Будет ли Голем восставать против создателя или нет, окажется ли он просто монстром, несущим угрозу, или станет мерилом и зеркалом человечности — вот те ракурсы, которые писатель выбирает сам в соответствии со своими художественными задачами.

В любом случае, архетипы используются по сей день, причём довольно активно, так что умение обращаться с ними для писателя является немаловажным навыком — в том числе, и потому, что знание существующих архетипов поможет избежать банальности в их разработке. Ведь каждый стремится создать что-то своё, по возможности новое и уникальное.

Теперь перейдём к практике создания монстра на основе архетипа Голема. Допустим, мы хотим написать рассказ в духе бодихоррора — субжанра,

основной чертой которого является трансформация человеческого тела. Рычагом, создающим ужас, в бодихорроре служит страх физического уродства, неприятия физических отклонений обществом, а также потери своей личности.

Давайте набросаем сюжет.

Начнём с завязки. Некий учёный стремится создать существо, обладающее особым качеством, недоступным самому герою. Возможно, позднее он планирует развить его в себе и для начала проводит эксперимент. Здесь требуется мотивация. Сейчас у нас нет цели создать шедевр, так что не будем слишком изобретательны.

Допустим, что учёный потерял жену и ребёнка и теперь хочет их воскресить. У него есть теория, что человек, развивший

ЗНАНИЕ СУЩЕСТВУЮЩИХ АРХЕТИПОВ ПОМОЖЕТ ИЗБЕЖАТЬ БАНАЛЬНОСТИ.

в себе определённое качество путём неких физиологических изменений, становится способен оживлять умерших. Он называет это «ген Иисуса» (вы же помните притчу о воскрешении Лазаря?).

Главный герой решает создать подобие человека — гомункула — наделив его соответствующей способностью. Естественно, с дальним прицелом: если всё получится, проделать такие же изменения с собой. Подопытный же подлежит уничтожению.

И вот гомункул создан — возможно, это тяп-ляп созданное существо, не очень-то даже и похожее на полноценного человека. А может быть, учёный использовал умирающего от алкоголизма или наркомании соседа. Это зависит от способности главного героя создавать живых существ — то есть, от авторской фантазии.

Сразу разобраться, на что способен гомункул (будем так его условно называть), трудно. Нужно провести опыты. Учёный заставляет его оживить кролика-лягушку-мышку и так далее (ну, или что-то одно).

Убедившись в том, что результат есть, главный герой радуется и намеревается уничтожить более не нужного гомункула. Однако тот в корне не согласен с подобным намерением своего создателя. Он хватает его и проводит с учёным тем же изменения, которые тот проделал с ним, только действуя более радикально — полностью перекраивает его тело, чтобы добиться нужного эффекта. Оказывается, у него есть и такая способность — назовём её побочным эффектом (на неё вполне можно намекнуть чуть раньше, примерно в последней трети рассказа — чтобы для читателя это не стало слишком уж надуманным сюрпризом).

Пока я это писал, мне пришла в голову идея... Сюжет, вроде получился вполне сносный. Пожалуй, пойду накрошу такой рассказ — чего добру пропадать?

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ

Виктор Глебов «Голландец» (Повесть. Часть 2)	2
Сергей Блинов «Протокол 76»	13
Богдан Гонтарь «Нечисть»	20
Алексей Жарков «Нож»	33
Николай Зайков «Рцысь, ко мне!»	40
Сергей Корнеев «Петрович»	47
Иван Шварц «Гости»	52
Денис Назаров «О»	63
Юрий Погуляй «Древо»	76
Андрей Туркин «Под полной луной»	93
Евгений Шиков «Перевёрнутые листья»	107

СТИХИ

Альберт Гумеров Стихи	121
Александр Подольский «Красный»	122

ОБРУБКИ

Виктор Глебов Интервью с Ириной Епифановой	123
---	-----

ДОПРОСНАЯ

Виктор Глебов «Как выбрать героя для ужастика»	127
---	-----

МАСТЕРСКАЯ

Виктор Глебов «Как выбрать героя для ужастика»	127
---	-----

RedRum, № 2 (9), май 2017 | Альманах литературно-художественный, 18+

Главный редактор: Мария Артемьева

Москва,

Заместитель главного редактора: Алексей Шолохов

типография «Белый ветер».

Дизайн, верстка: Денис Назаров

Подписано в печать: 11.05.2017 г.

Иллюстрации в номере: Михаил Городецкий,

Тираж 70 экз.

Александр Павлов, Виктор Глебов

Заказ №

Оформление обложки: Виктор Глебов

Издание: группа ВК vk.com/redrum_mag

СЛОВО РЕДАКТОРА

Думаете, вы держите в руках просто девятый номер альманаха мистики и ужасов?!

Сейчас поясню.

В древнем Риме была такая пытка — ноги несчастного вымачивали в соляном растворе, а затем давали их вылизывать козе. В средние века заключенного связывали и орудовали обычным птичьим пером — щекотали под мышками, пятки, соски, паховые складки, половые органы, а у девушек еще и под грудью. В Индии для щекотания использовали крохотного жучка — его сажали на самые чувствительные участки тела и накрывали ореховой скорлупой.

Однако мы подготовили для вас по-настоящему мощнейший инструмент беспощадной щекотки! В отличие от длительного щекотания кожи, после которого даже лёгкое прикосновение вызывает боль, RedRum щекочет нервы.

Итак, что у нас тут?.. Парочка загулявших космических пришельцев, один-другой зомби; тихий психопат, одержимый убийством; скромное общество людоедов; компания демонов; дикий, но симпатичный оборотень; не опознанные полтерgeistы и совсем чуть-чуть откровенной чертовщины!

Наши Редрам — ваши нервы.

Берегитесь — будет щекотно и страшно!

В этом и даю вам СЛОВО РЕДАКТОРА.

Алексей Жарков,
член редакколлегии

ДЕТЕКТИВНАЯ ЗАГАДКА

